

Кулаков В.И.

История Замка Кёнигсберг

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	6
История изучения Замка Кёнигсберг.....	3
Предыстория Замка Кёнигсберг	4
Основание Замка на берегу реки Прейгары/Преголи .	7
Формирование облика Замка	13
Замковые колодцы	22
Протогородские поселения вокруг Замка	24
О книжных собраниях Замка.....	27
Замок от Великих Магистров до Великого Курфюрста	28
Праздник колбасы: языческое жертвоприношение и корпоративное торжество	35
Первая коронация	37
Замок при русских и французах	40
От последней коронации до последней выставки	46
Замок в 1944-1945 годах.....	51
Подземелья Замка Кёнигсберг	55
Замковые помещения в середине XX века.....	57
Первые археологические исследования Замка	65
Янтарная комната в Замке	66
Гибель Замка Кёнигсберг	68
Судьба Музея «Пруссия».....	74
Поисковая лихорадка	82
Замок Кёнигсберг: Жизнь после смерти.....	87
Хронология Замка Кёнигсберг	89
Основная библиография Замка	92

Введение

Алучи солнца, с трудом пробиваясь сквозь тяжёлые свинцовые тучи, скупо освещали необъятное по своим размерам скопление кирпичной крошки. В красноватой пыли рылись десятки людей, то и дело нагибаясь и рассматривая очередные находки. Таким впервые увидел место Замка Кёнигсберг автор этих строк, когда экспедиционная машина высадила его в центре Калининграда хмурым октябрьским утром 1974 г. Тогда уже не осталось зримых свидетельств величия этого символа старой прусской столицы, некогда гордо возносившей свои остроконечные башни на берегу реки Преголи. Лишь облицованная серо-розовым камнем подпорная стена южной террасы Замка, в которой виднелась ниша от бесследно исчезнувшего в послевоенные годы памятника королю Фридриху Вильгельму I, напоминала о Замке. В 1975-1976 гг. эта стена была скрыта сначала грубой железной арматурой, затем - современной облицовкой рустованными пластинами из камня-доломита. Так в соответствии с историческим решением местных партийных и советских органов, принятым 3 декабря 1965 г., завершилась многовековая жизнь Замка. В документах, разработанных по инициативе Н.С. Коновалова, Я.А. Прушинского и Д.Н. Никитиной, значится "...восстанавливать руины замка, являвшегося символом Тевтонского ордена, вкладывая огромные капиталовложения, по сути дела, в строительство нового замка, мы (!!!) считаем нецелесообразным". По проекту благоустройства Центральной площади, разработанной московским институтом "Гипрогор", руины подлежали сносу, а на месте форбурга бывшего Замка по проекту архитекторов Ю. Шварцбрейма и Ю. Моторина вскоре вознёсся Дом Советов с его фасадами, напоминающими некие демонические маски. Заслужена ли Замком такая судьба, был ли он действительным "оплотом агрессии германского милитаризма"? В поисках ответа попробуем восстановить историю Замка.

Прежде всего необходимо условиться о терминах, с ним связанных. Большинство калининградцев старшего поколения называют его «Замком трёх королей» (об этом имени поговорим позже), их дети знают Королевский Замок. Это имя – приблизительный перевод с немецкого «Königliche Schloß», то есть – «Королевский Дворец». Так комплекс замковых строений стал именоваться с 1701 г., когда в Замковой кирхе произошла первая коронация прусских короля и королевы. На самом деле настоящее имя Замка - Кёнигсберг (нем. «Королевская Гора»). Исторически это сооружение относится к типу Ordensburg (нем. «Орденский Замок»). Для краткости в дальнейшем будем именовать его «Замок Кёнигсберг», ни мало не греша против исторической действительности.

«... мы разрушим до основания, а затем...»

А.Я. Коц, «Интернационал»

История изучения Замка Кенигсберг

Несмотря на важную роль Замка в истории Пруссии, Балтии и Германии, его история привлекала весьма незначительное внимание учёных. В 1897 г. вышла в свет книга искусствоведа Адольфа Бёттихера, посвящённая памятникам архитектуры и искусства Кёнигсберга. В ней немало места уделено культурным ценностям, хранившимся в Замке. Пожалуй, наиболее полно Замок как архитектурный комплекс рассмотрен в книге, изданной Фридрихом Ларсом в 1956 г. При эвакуации из Восточной Пруссии этот талантливый архитектор успел спасти некоторые обмерные чертежи Замка, сделанные в 1843 и 1934 гг. Правда, его книга посвящена исключительно архитектурной специфике Замка Кёнигсберг, его история и археология не привлекла Фр. Ларса. В фундаментальном труде Фритца Гаузе, посвящённом истории Кёнигсберга, события, связанные с Замком, кратко представлены на фоне общей картины прошлого города. Складывается впечатление о том, что представители прусской исторической школы откладывали суммирование и анализ данных по археологии и истории Замка Кёнигсберг на будущее. Однако события Новейшей истории пошли по пути, исключавшем это «будущее». Советские историки послевоенного времени, не останавливаясь конкретно на истории Замка, рассматривали его исключительно как «гнездо немецкого милитаризма...», то есть – в рамках системы пропагандистских заклинаний, сформированной в 1944-1945 годах по партийному указанию великим «другом» немецкого народа Ильёй Эренбургом.

Лишь в начале III тысячелетия нашей эры в Калининграде начали появляться отрывочные публикации, связанные с Замком. В немалой мере это является результатом того мощного общественного интереса, который неизменно привлекают результаты раскопок, ведущихся с 1993 г. на территории Замка Балтийской экспедицией Института археологии Российской академии наук. Однако отсутствие профессиональной исторической подготовки краеведов, пишущих о Замке, непременно сказывалось на качестве их продукции. Массивный по объёму, но не систематизированный банк данных о послевоенных событиях вокруг Замка собран в книге, изданной в 1998 г. участником разрушения Замка А.П. Овсяновым. Пожалуй, значительный интерес представляет свод данных по истории Замка в справочнике, изданном в 2005 г. любителем орденовских архивалий А.П. Бахтиным. Во многом он суммировано использовал данные Фр. Ларса и искусствоведов Георга Дехио, Эрнста Галла и Фридриха Борхерта, опубликованные в Западной Германии после войны и недоступные в России. Известные в Калининграде краеведы А.Б. Губин и В.Н. Строкин, стремясь сообщить что-то новое по истории Замка, в очерке истории замков Восточной Пруссии (2006 г.) упомянули сказ о некоем викинге «Ховкине», сыне Хакона «Синегубого», якобы пытавшегося обосноваться в устье Преголи. На самом деле сына датского конунга Харальда СИНЕЗУБОГО звали Хакон и поселился он в середине X века после яростного сражения с пруссами где-то на севере Самбии, близ современного г. Зеленоградска. Много новодельных легенд сложено о Замке на земле калининградской. Давайте посмотрим, опираясь на исторические факты, как прихотливо, интереснее всяких саг и сказаний о «Кёнигсберге-13» струился бурный поток истории Замка Кёнигсберг.

Предыстория Замка Кенигсберг

Интересующий нас объект, тесно связанный с историей и культурой юго-восточной Балтии, на протяжении семи с лишним веков расположен в нижнем течении реки Преголи, на южной оконечности нынешнего Калининградского полуострова, в древности известного как прусская земля Самбия (рис. 1 на стр 7). Долгое время Замок являлся административной и культурной доминантой Города на Преголе, который прирастал вокруг него, подобно годовым кольцам древа (рис. 2). На аэрофотосъёмке, сделанной за несколько дней до бомбового удара, нанесённого Городу англичанами в августе 1944 г., Замок выглядит нерушимой твердыней (рис. 3). К сожалению для него (да и для нас, пожалуй), это впечатление оказалось обманчивым...

История заселения человеком низовий реки Преголи теряется в веках, но, к счастью, не бесследно. В 1926 г., в тяжёлое для Пруссии послевоенное время, в окрестностях Замка Кёнигсберг были проведены археологические исследования. Эти небольшие раскопки проводились на южной окраине Замкового форбурга по случаю закладки здесь здания Райхсбанка, разрушенного к 1974 г. Работы дали интересные результаты, свидетельствующие о присутствии на месте Города весьма древнего поселения. Оно занимало участок второй надпойменной террасы правого берега Самбийской (Новой) Преголи, относилось к типу «мысовое городище». Высота этого мыса от уровня моря достигает ныне 13 м. Правда, весь уровень плато правого берега реки в результате антропогенной деятельности повысился, как показывают раскопки, с XIV в. примерно на 1–2,5 м. Под слоями Новейшего времени в раскопах неоднократно выявлен глинистый «материк» (так археологи называют почву, подстилающую первые следы человеческой деятельности в любой точке Земного шара). Этот грунт имеет охристую или сине-зелёную окраску. В последнем случае это – янтариносная «голубая земля» (немцы называли этот грунт *blaue Erde*). При раскопках руин Замка нам изредка попадаются куски природного янтаря. Разумеется, с грандиозными янтарными месторождениями Западной Самбии эти редкие находки несравнимы. Но в любом случае можно с уверенностью утверждать,

что и городище пруссов, и сменивший его Замок стояли на янтариносных пластах.

К 1926 г. географы и гидрогеологи знали о том, что в доисторические времена северный рукав Преголи (так называемая «Самбийская Преголя») не заворачивал на юг у замка, обгибая остров Кнайпхоф, а стремился по прямой на запад, к Вислинскому заливу. Со временем этот рукав был затанут песком и создалась современная картина речных потоков в центре нашего города. Но некогда, примерно пять тысяч лет тому назад на высоком мысу правого берега Самбийской Преголи, ещё не «искривлённой», существовало небольшое поселение (рис. 4). Наверное, его жители занимались рыболовным промыслом в полноводной Преголе. Следы их жизни стали незначительные по своему количеству находки орудий из кремня, сделанные в районе Замка.

В эпоху викингов (X–XI вв.), задолго до прихода на земли пруссов крестоносного воинства, восточную оконечность холма второй надпойменной террасы реки, которую древние славяне именовали «Липца», пруссы – «Прейгара» (прусск. «Путь в мир иной») и «Скара», а мы знаем под именами «Прегель» и «Преголя», занимало городище (рис. 5). Так археологи называют мысовое или холмистое возвышение, крутизна склонов которого искусственно увеличена, а жилая площадка городища окружена валами и рвами оборонительного значения.

К югу от этого городища простирался низменный правый берег Новой Преголи, к востоку холм ограничивался оврагом, по дну которого протекал ручей с прусским названием «Липник» (позднее – «Лёбебах» или «Катцбах»). Остатки деревянных стен прусского городища были открыты раскопками архитектора Фридриха Ларса в 1926 г. Обитатели этого окружённого дубовым лесом укрепления контролировали торговые пути, ведущие по Преголи. Само название упомянутого леса – Тувангсте (прусск. «запруда», вернее – «/лес/ у запруды») указывает на способ, при помощи которого местные воины осуществляли свои контрольные функции. Перегораживая реку (подками, плотами, брёвнами), они тем самым принуждали купцов, чьи ладьи двигались вверх и вниз

по течению реки, платить дань. Позднее жители Кёнигсберга продолжили эту добрую традицию и таможенники в пунктах Холлэндер-Баум и Литauer-Баум перегораживали течение Преголи длинными шлагбаумами, пропуская суда в порт после строгого досмотра и уплаты сборов.

В эпоху викингов в укреплённом поселении, контролировавшем устье р. Преголи, обитали воины из состава многонациональной дружины Самбии. Как показывают археологические находки, сделанные на грунтовом могильнике на западной окраине Кёнигсберга, обитатели низовой Преголи в X-XI вв. по своей культуре и по социальному развитию ничем не отличались от викингов, чьи лады во всех направлениях бороздили воды Балтики и наводили ужас на обитателей её берегов. Некая группа таких викингов могла осесть на одной из точек этого берега, в низовьях Преголи создать городище и затем контролировать местную торговлю. В эпоху викингов это было обычным делом. Во многих пунктах Балтии, Северной и Восточной Европы возникали такие «таможенные пункты». Иногда они становились зародышами будущих средневековых государств. В нашем случае всё сложилось иначе...

В окрестностях Кёнигсберга при помощи топонимов, сохранившихся в виде местных наименований урочищ, выявлены остатки устной логии эпохи викингов. При реконструкции её недостающих частей получен вывод о наличии в составе этой логии специального наименования для наилучшего ориентира в устье р. Прегель - холма, возвышавшегося над лесным урочищем Тувангсте. Можно предположить, что немецкий топоним Königsberg (Kuningsberg, Kungesberg, Kunigsberg, Kunegesberch) является позднейшей калькой скандинавского топонима Konungaberg эпохи викингов. В прусском варианте имя городища реконструируется как Konugarbs (прусс. «Гора вождя»). Кто был тот вождь, в честь которого могли так называть городище прусские викинги, останется неизвестным, скорее всего, навеки. Эта «Гора» имела важное значение для пруссов, создавших в доорденское время рядом большое открытое поселение (по археологической терминологии это - селище). Оставленный его обитателями культурный слой мощностью 1,20 м и находки, связанные с прусской культурой, были найдены в 1890 г. на улице Кант-Штрассе (ныне - Ленинский просп. юго-западнее гостиницы «Калининград»).

DONELAIČIO ŽEMĖ 1999 m. birželis Nr. 6

Рис. 2

Рис. 5

Рис. 3

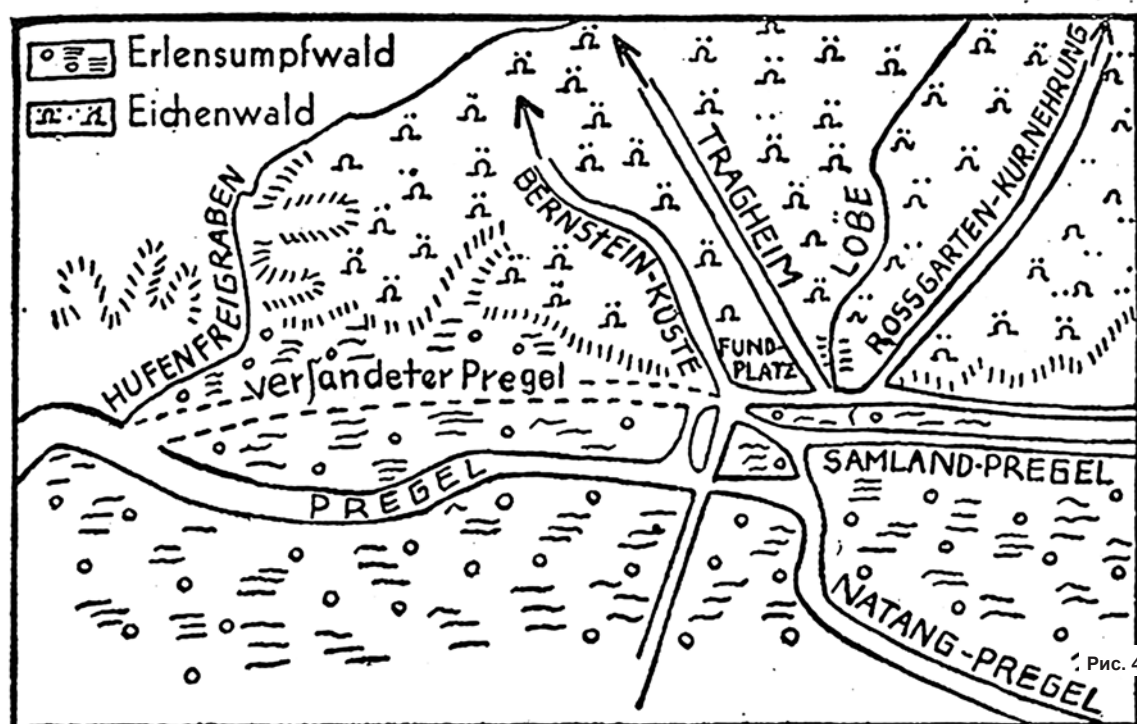

Рис. 4

Основание Замка на берегу реки Прейгары/Преголи

В марте 1226 г. Германский Император Фридрих II вручил в итальянском городке Римини Великому Магистру Тевтонского Ордена Герману фон Зальца так называемую Золотую Буллу (рис. 6). В этом документе Ордену разрешалось (задумайтесь, на каком основании...) захватывать земли пруссов (никак не входившие в состав имперских земель), учреждать там свои правовые институты, прокладывать дороги, устраивать ярмарки, торги и таможенные посты, чеканить монету... Великий Магистр Ордена обретал звание Имперского князя, обладавшего правом избирать Германского Императора. Единственным условием была христианизация Орденом пруссов. К сожалению, в их землю радетели Веры Христовой принесли не только Крест (рис. 7), но и Меч (рис. 8). В числе привилегий, полученных Орденом в исторической Пруссии, было право возводить замки. И крестоносцы использовали это право незамедлительно...

К настоящему времени в науке сложилась концепция основания Кёнигсберга как укрепленного форпоста Тевтонского Ордена в юго-восточной Балтии, в богатой янтарём земле пруссов. После победного завершения второго крестового похода на Самбию его вождь чешский король Оттокар II Пржемысл (рис. 9) основал замок в устье реки Липцы-Прейгары-Преголи, расположив его на месте прусского городища, окружённого дубовой рощей Tuwangste. Главным принципом, которым руководствовался его основатель, считается стремление усилить военное присутствие Тевтонского Ордена в завоёванной Самбии. Попробуем выяснить, так ли это было на самом деле.

Завес тайны над основанием Замка можно приподнять, обратившись к документам, посвящённым договорным отношениям Ордена. 31 декабря 1242 г. его Ландмайстер Генрих фон Верда решил оказывать торговцам из г. Любека поддержку в их инициативе градостроительства в земле пруссов. В 1246 г. любекцы, среди которых было значительное число носителей западнославянской этно-культурной традиции, принимают решение о закладке города in portu Lipce (лат. - "в устье р. Липцы"). В письменных источниках существуют

смутные указания о существовании где-то в этом районе (ныне здесь располагаются торговый и рыболовецкий порты г. Калининграда) некоего укрепления с именем *Castrum Pregore* (лат. «Замок на Преголе»), которое было заселено пруссами-христианами, якобы благожелательно настроенными в отношении Ордена. Возможно, они были крещены ещё епископом Христианом, находившимся в плену у пруссов на Самбии в 1231-1238 гг. Эти сведения пока не поддаются проверке.

29 июня 1256 г., мысовая часть горы с лесом Тувангсте уже была упомянута в орденском документе под именем *Coningsberg*. Считается, что своё название замок *Coningsberg* (лат. *Regiomons*), возведённый крестоносцами в устье Преголи, получил в память Оттокара II, короля Чехии, финансировавшего строительство этого укрепления из средств, награбленных у местной языческой знати. По отцовской линии этот король восходил к славному чешскому роду Пржемыслов. По материнской линии Оттокар являлся внуком германского Императора Фридриха I Барбароссы. Основанию Замка Петр фон Дусбург в своей «Хроники земли Прусской», написанной по-латыни (этот древний язык был языком общения в Тевтонском Ордене) посвящает следующие строки: «...король,...пройдя до горы, на которой ныне стоит замок Кёнигсберг, задумав с братьями воздвигнуть там замок для защиты веры и оставив там чудесные королевские дары в помощь сооружения его». Как мы видим из записи хрониста, упоминающего это важное событие вскользь, сам руководитель второго крестового похода на пруссов Оттокар II не присутствовал при закладке Замка. Он явно не представлял интереса для военно-политических амбиций, коими был занят мозг вождя крестоносцев. Поход в Пруссию был для короля трамплином в борьбе за чешскую или, возможно, за имперскую короны. Далее хронист пишет: «После ухода (в Чехию – К.В.) господина короля Богемии магистр и его братья успешно приготовили всё необходимое для строительства и, взяв с собой верных себе пруссов, с большим войском пошли в год от Рождества Христова 1255 и в том месте, которое ныне называется старым замком, построили замок Кё-

нигсберг, назвав его в честь короля Богемии Королевским замком (у пруссов он называется Тувангсте от названия леса, бывшего в этом месте)...». Интересный факт: на самом деле замок назван не как «Королевский Замок» (в хронике по-латыни – *Castrum Regis*), а как «Королевская Гора» (лат. *Regiomons*). У некоторых историков межвоенного времени этот пассаж с именами Замка вызвал мысль об ошибке переписчика первых орденовских документов, искавших подлинное имя замка – Königsburg. Но эта проблема трудно разрешима при том ограниченном объёме письменных источников, коими мы располагаем. Можно лишь осторожно полагать о том, что древнейшее орденовое название Замка «Королевский Замок» было переделано со временем в привычное для многих имя местного урочища «Королевская Гора». Это – одна из версий происхождения имени Замка.

Первым комтуром (правителем) Замка стал Бурхард фон Хорнхаузен. Уже через семь лет после основания Замка его комтур имеет печать с изображением сидящего на троне короля (очевидно – Оттокара II Пржемысла) со всеми соответствующими его сану регалиями (рис. 10). Такой высокий, пусть и «виртуальный» покровитель Замка его обитателям казался не лишним. Изображение короля на коне появляется и на гербе Замка (рис. 11), а много позже оказывается на почётном месте в геральдическом гербе единого города Кёнигсберга – в его центре (рис. 12).

Итак, хроника свидетельствует о том, что вождь второго крестового похода на Самбию посетил место будущего Замка (правда, до его закладки). Все выгоды от появления Замка (формально – для защиты христианской веры в земле прусской, в реальной жизни прежде всего – сбор таможенных сборов и плат) должна была получить администрация Тевтонского Ордена. Эту идею крестоносцы «позаимствовали» у ганзейских купцов из г. Любека.

Как пишет хронист, крестоносцы обеспечили будущее строительство Замка рабочей силой («...верные...пруссы...»), использовали для строительства стволы деревьев «...леса, бывшего в этом месте». Мысовая возвышенность как место для закладки Замка была выбрана удачно: доступ противника к площадке Замка был возможен лишь с напольной стороны, с севера. С остальных сторон Замок окружала река или её пойма. Почва мыса

была глинистой, что способствовало уверенности в крепости основ замковых построек. Правда, поверхность мыса, некогда занятого древнейшим Замком, кроме «эскизных» раскопок Фр. Ларса, серьёзно не раскапывалась. Очевидно то, что немцы средневековые строители, всегда крайне серьёзно подходившие к проблеме надёжности своих творений, могли руками бесчисленных пленных подсыпать в основание Замка глинистую «подушку». Такая прослойка, порой достигающая мощности до 3 м, известна в основании многих орденовских сооружений в Пруссии, в частности – во многих кирхах и в восточной части территории Замка Кёнигсберг. Первоначально замковые укрепления возводились из дерева, причём – руками пленных пруссов. Брать в руки пилу и топор рыцарям было явно не по чину. В дело пошли священные дубы пруссов, многие века зеленевшие в роще Тувангсте.

Ситуация с замком Кёнигсберг для Пруссии была с самого начала уникальной. Был ли смысл для военной стратегии Тевтонского Ордена в закладке Замка Кёнигсберг? Он был заложен на месте прусского городища в пункте, не имевшем особого военного значения. Это подтверждается тем, что рядом с Замком в 1260 г. пруссы создали не «осадное» городище, как это ими обычно делалось рядом с другими орденовскими укреплениями, а кольцевой в плане вал (засеку из стволов деревьев с сохранёнными ветвями?), легко пересекавшийся рыцарями при их вылазках из Замка. Для охраны и так непростой для форсирования двойной (через Новую и Старую Преголю) переправы возведение столь мощного замка, как Кёнигсберг, в тактическом отношении было неактуально. Как показывает картографирование памятников прусской археологии в окрестностях Кёнигсберга, процесс осуществления военно-административного контроля над оккупированной в 1255 г. территорией низовий р. Прегель из Замка на месте городища Тувангсте был для крестоносцев сложен. Прусские поселения были расположены на довольно большом расстоянии от замка. Низовья р. Прегель вообще были в середине XIII в. слабо заселены пруссами. Центр их ближайшей волости (*polka*) *Quednava* (ныне – окрестности пос. Северная Гора) расположен в 5 км к северу от замка. Одна из традиционных целей, преследовавшихся рыцарями при закладке замков в Пруссии – сбор

дани с местного населения. В случае с Кёнигсбергом эта важнейшая функция опорного пункта крестоносцев не могла быть активно реализована.

Немаловажную роль при выборе места для Замка являлось наличие укреплений Ордена по соседству. В 7 км к северо-западу от Кёнигсберга уже до его основания располагался замок Прейль (ныне – пос. Котельниково, Зеленоградский район), где могла произойти последняя ночёвка рыцарей перед прибытием в низовья Преголи. Прусские нобили из родов Гаудекерс, Зегелер и Лайде, обитавшие в замке Прейль, перешли на сторону Ордена и участвовали в возведении на месте их родового гнезда замка Варген. Его близость к Замку Кёнигсберг очень важна, потому что в соответствии с орденским уставом монашествующие рыцари не могли получать приют нигде, кроме как в стенах орденских замков. Если бы Кёнигсберг был заложен дальше от замка Варген, крестоносцы не смогли бы ночевать в «родных» стенах. Тем самым был бы нарушен устав Ордена. К юго-западу от Кёнигсберга с 1266 г. приют рыцарям давал замок Бранденбург (ныне – пос. Ушаково Гурьевского района).

Основная функция, которую определили замку его основатели-крестоносцы, было соблюдение таможенных интересов Ордена на пересечении важных водных (р. Преголя) и сухопутных (путь к янтарным приискам Западной Самбии) трасс. Принципы обороны в полном окружении противника, столь характерные для большинства замков Ордена, для Замка Кёнигсберг были актуальны лишь в XIII в. в ходе подавления последних очагов прусского сопротивления. Позднее Замок растворял свои ворота перед каждым осаждающим, даже – перед нерегулярными отрядами горожан в Тринадцатилетнюю войну. Это подтверждает отсутствие у Замка исключительно военной функции. Кстати, поэтому он никак не мог соответствовать актуальному для советской пропаганды определению «оплот германского милитаризма на Востоке». Пожалуй, в гораздо большей, чем «военная», в жизни Замка отразилась его «монашеская» функция. Не забывайте, что Немецкий Орден Пресвятой Девы Марии был военно-монашеской организацией и его члены налагали на себя массу обетов, в том числе – обет безбрачия. Для соблюдения строгих правил монашеской жизни Замок был обязан являться замкнутым миром не столько

для находящихся извне людей, сколько – для своих обитателей. В частности, на всём протяжении средневекового периода истории Замка впускать женщин в периметр его стен стали лишь при весьма прогрессивном и просвещённом Великом Магистре Фридрихе Саксонском, правившем с 1498 по 1507 гг. Правда, это нарушение орденского устава было возможно только на время свадебных торжеств местной знати, нередко происходивших в Замке.

Строгим нравственным нормам поведения соответствовал и скромный внешний вид рыцарей Пресвятой Девы Марии. Роскошный облик короля Оттокара II в шлеме с короной (рис. 13), представленный на Королевских воротах скульптором Вильгельмом Людвигом Штюрмером в 1848 г., является романтизированным и в сущности фантастичным. Как показывают надгробия крестоносцев, их повседневное снаряжение показывает их ежеминутную готовность к жестокому сражению (рис. 14). Показательно то, что, согласно орденскому уставу, члены Тевтонского Ордена в этом облачении шли ко сну в общей замковой спальне-дормитории. Всё достояние рыцаря, посвятившего свою жизнь сражениям за Веру, с младых лет (рис. 15) до возвращения в преклонных годах на родину (рис. 16) заключалось в верном мече да белом щите с чёрным крестом. Даже такой обычный для рыцарей-мирян нюанс костюма, как представительный рыцарский пояс с серебряными пряжками и накладками, в Тевтонском Ордене находился под запретом.

После основания Замка начинаются казуистические сложности с земельными владениями. Документальное оформление землевладения было поставлено Орденом и Самбийским епископством (ещё один субъект христианизации, использовавший скорее мирные, нежели военные методы) на должную высоту и неукоснительно соблюдалось. По договору, заключённому 14 апреля 1257 г. между Вице-Ландмайстером Ордена Герхардом фон Хирцбергом и епископом Самбии Генрихом гора Тувангсте была поделена между Орденом (мысовая, западная часть горы) и епископством (восточная часть горы). Епископство, пришедшее на Самбию по пятам крестоносцев, стремилось не упускать свою долю добычи и воспользоваться уже построенным Орденом Замком.

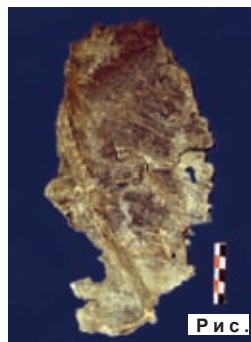
3 мая 1258 г. мысовая (юго-восточная) часть горы Тувангсте (ныне – территория у «дома советов»), была передана Орденом Самбийскому епископству, владевшему ею до 1 января 1263 г. Тем самым на мысовом выступе правого берега р. Самбийской Преголи образовалась сложная конструкция, состоящая в своей восточной трети из епископского замка, в западной трети – из орденского. Между ними располагался посад (рис. 17). Таким образом, через три года после своего основания деревянный Замок Кёнигсберг сменил хозяев. Впоследствии явно непрактичные епископские власти отказались использовать (скорее всего – не смогли) эту территорию под застройку. Тем временем второй орденский Замок стал возводиться с напольной стороны от прусского городища. К сожалению, мы ничего не знаем ни о бригаде мастеров, возводившей первый, деревянный Замок Кёнигсберг, ни о коллективе проектировщиков и строителей, строивших второй, каменно-кирпичный Замок. Он был обнесён «двумя стенами с девятью каменными башнями» по Петру Дусбургу.

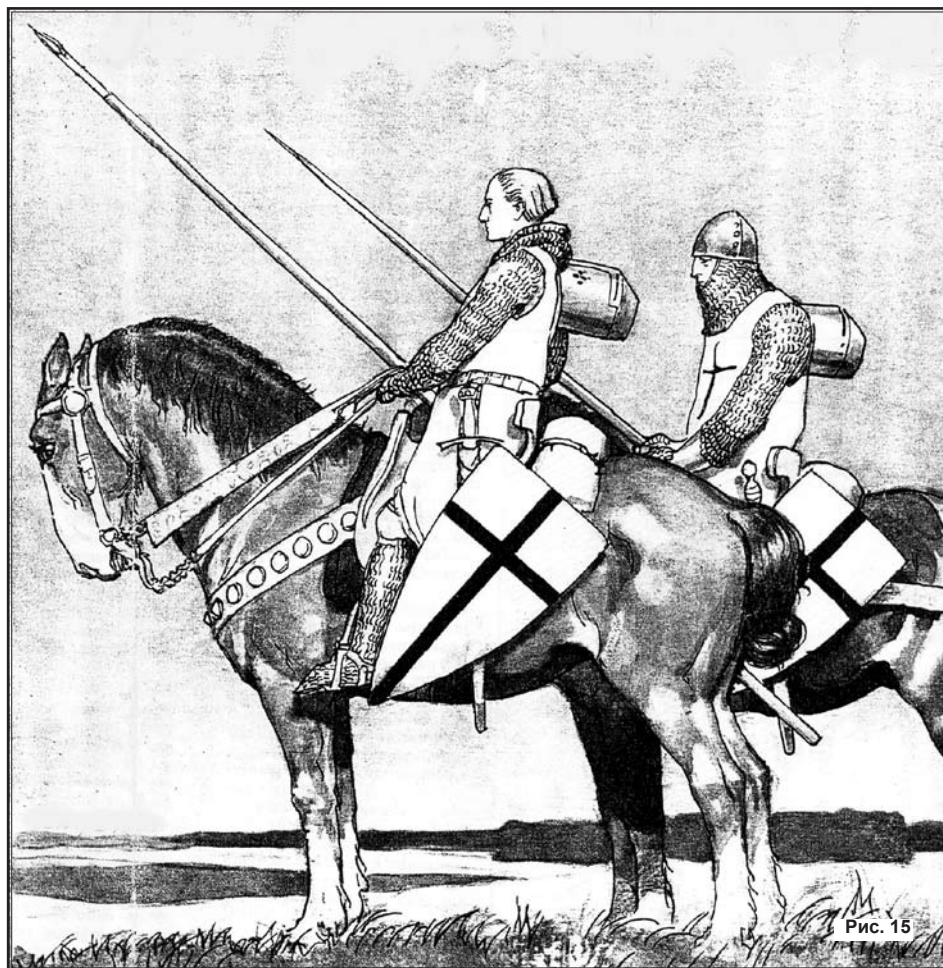
Регламентацию судоходства по р. Прегель, столь привычную им ранее, пруссы в последний раз осуществили при осаде Кёнигсберга в 1260-1262 гг. Ими были использованы или восстановлены, фортификационные сооружения, создававшие «запруду»: стоявшие на противоположных берегах реки деревянные башни, между которыми крепился ряд лодок. В своей хронике Пётр Дусбург называет их по-латыни «*rons super aquam Pregore*». Не исключено, что этими башнями или сходными приспособлениями пользовались «таможенники» Тувангсте в XI-XII вв. Правда, воинская подготовка

повстанцев в 1262 г. не позволила им выдержать удар шедших на прорыв «дамбы» крестоносцев, пересевших для этого на лодки, стремившиеся по течению р. Новая Прегель. Несмотря на то, что деревянному Замку Кёнигсберг был нанесён значительный урон, его осада успехом не увенчалась. Пруссам не удалось ни сжечь деревянные фортификационные сооружения Замка, ни сделать в них бреши.

Замок в это время был собственностью епископства, которое оказалось не в восторге вновь пережить «прелести» осады и вскоре отказались от перспективы обладания этим укреплением. Оно обветшало и долгие века не использовалось.

Важно отметить, что эта осада была единственной в истории Замка, которую смогли отразить его защитники. Им в этом помогло ранение вождя осаждавших – Герко Манто, который после удара дротиком не был в состоянии должным образом руководить прусскими воинами. Навеки память о тех героических для Пруссии днях осталась в имени холма Глаппенберг (к юго-востоку от современной у. Коперника), примыкавшего к Замку с запада. Они были разделены правым притоком Самбийской Преголи – ручьём Флиссарм, который ныне струится в коллекторе под Ленинским проспектом. На холме Глаппенберг в 1270 г. крестоносцами был повешен преданный своим соратником вождь пруссов из Вармии Глаппо, ранее захвативший и разрушивший замок Бранденбург. Погибая, вождь вармийцев мог видеть возведение стен Замка Кёнигсберг. Ныне холм Глаппенберг частично занят строением компании «Вестбалт-Телеком».

1262 г.

1360 г.

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Король Чехии Оттокар II (1233-1278 гг.)

Рис. 8

Рис. 14

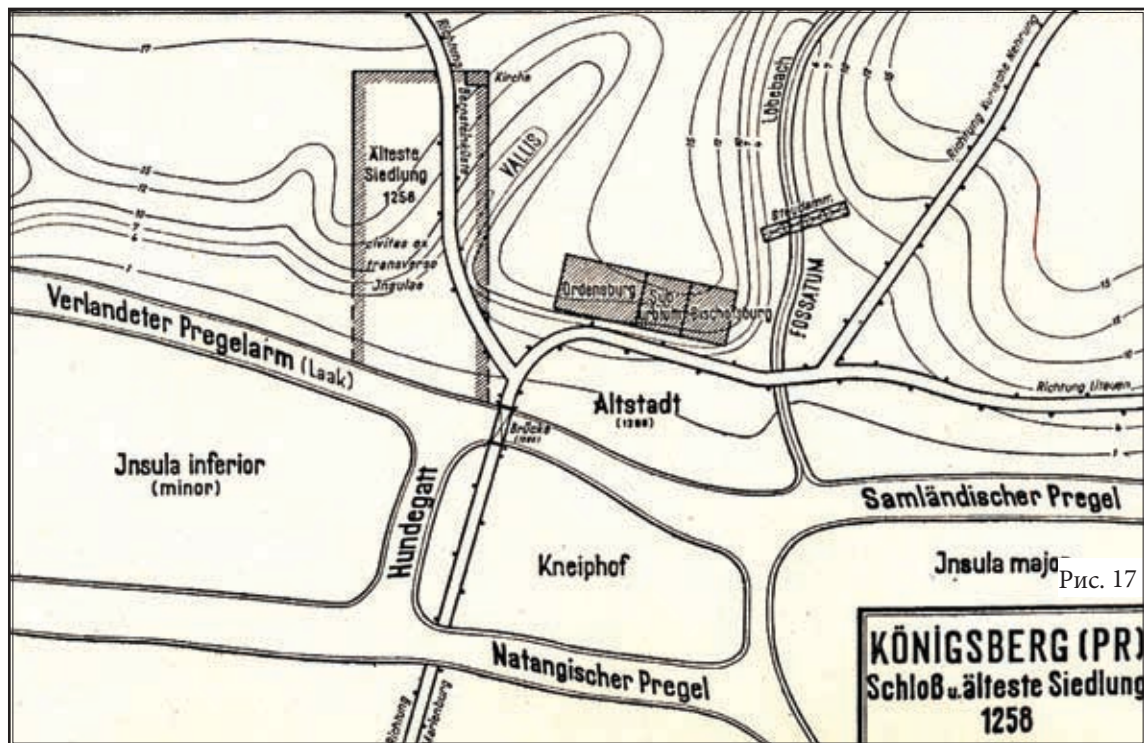

Рис. 17

Рис. 16

Формирование облика Замка

После произошедшего в 1283 г. окончательного замирения пруссов рыцарями Ордена Замок переживает период бурной застройки. На протяжении всего средневековья проводилась постоянная модификация замковых построек, завершившаяся фундаментальными изменениями облика Западного флигеля в 1585 г. и Восточного флигеля в 1701-1705 гг.

Сначала в западной части Замка возникает прямоугольное в плане здание типа *castellum*. Это – Дом Конвента – главное общественное, административное и оборонительное здание Замка. Эта постройка, в плане имевшая форму прямоугольника, вытянутого по линии запад-восток, имела размеры 58 x 47,5 м, его внутренний двор имел параметры 22,85 x 29 м (рис. 18). Здание было возведено на глинистой подсыпке, базировалось на фундаменте из валунов. Его стены толщиной более 1 м были сложены готической кладкой из большемерного кирпича. При раскопках, проведённых архитектором Фридрихом Ларсом (рис. 19) в 1926-1927 годах, выяснено, что этот кирпич, очевидно, был высушен на солнце. В процессе сушки по нему пробегали птицы, кошки, собаки, оставляя на высыхающей глине свои следы. В средневековье такая сушка являлась залогом качества кирпича. Чтобы подтвердить это, нередко мастера кирпичного цеха имитировали сушку на солнце, нанося на сырые кирпичи перед их обжигом в печи отпечатки лап птиц и животных по деревянным моделям. Так складывалась система марок изготовителей кирпичей, среди которых славилась в Балтии мастера из Кёнигсберга и Мемеля (ныне – г. Клайпеда в Литве). Эти два производства, несомненно, активно снабжали Замок строительным материалом.

В северной стене Дома Конвента находились ворота, а в западной стене располагалась калитка, ведущая в выносную башню-данцер. Эта башня традиционно для замков типа *castellum* исполняла санитарно-гигиенические функции. Очищению территории к западу от

Замка способствовала проточная вода ручья Флиссарм, в XVIII в. скрытого под поверхностью площади Гезекус-Платц. Упомянутая башня-данцер была разрушена в 1629-1631 годах.

В южном флигеле трёхэтажного Дома Конвента была устроена Капелла (кирха ?) Пресвятой Богородицы – центр духовной жизни Замка. В Зале капитула («Ремтер» по орденской терминологии), находившемся в южном или в западном флигелях Дома Конвента, происходили еженедельные собрания рыцарей, составлявших гарнизон Замка («комтурия» по орденской терминологии). На этих собраниях зачитывались актуальные фрагменты орденского устава и текущие орденские документы, здесь обсуждались и принимались для исполнения очередные политико-административные акции в подвластной комтурии Замка Кёнигсберг прусской территории. Итак, с самого начала своего существования Замок стал средоточием органов власти гражданской и военной. Первые этажи флигелей Дома Конвента, как это было обычно в орденских замках, были отданы под всевозможные подсобные службы. В частности, в северо-восточной части Дома Конвента находилась кухня. Там в своём раскопе Фридрих Ларс обнаружил следы существования печи.

Рыцари не забывали и о своём хозяйстве. Предполагается, что к середине XIV в. в восточной части периметра замковых стен могли располагаться конюшни для рыцарских коней. Их выпас осуществлялся на обширных заливных и возвышенных лугах к востоку от Замка, в районе современных улиц Фрунзе и Клинической (старый район «Россгартен» - нем. «Пастбище /для/ лошадей»). Как показали проводившиеся здесь в 1999 г. археологические раскопки, выпасаемые кони основательно унавозили местную почву. Косвенно это указывает на отсутствие практики вывоза удобрения на поля, возможно – на слабое развитие местного пахотного земледелия в первые десятилетия существования комтурии Замка Кёнигсберг.

В 1309 г. резиденция Великого Магистра переносится из Венеции в замок Мариенбург (ныне - г. Мальборк). Замок Кёнигсберг сохраняет своё важное для Тевтонского Ордена значение. Это подчёркивается тем, что с 1312 г. Замок становится резиденцией Верховного маршала Ордена – военачальника войск крестоносцев. Он возглавлял ежегодные походы орденских войск на восток, в языческую Литву. Кроме того, маршал осуществлял контакты с Торговым двором Тевтонского Ордена, приносившим ему немалую прибыль в результате монопольной торговли самбийским янтарём. В частности, находки отечественных археологов в Новгороде Великом показывают взлёт торговых операций с янтарём, на протяжении всего средневековья осуществлявшихся купцами (кстати, членами торгового союза Ганза) этого вольного города на северо-западных рубежах Руси. Этот взлёт приходится, как доказала московский археолог Е. Рыбина, именно на XIV в., время укрепления власти Ордена в исторической Пруссии.

Местом сбора рыцарей, включавших членов Ордена по обету (на несколько лет) и пилигримов (участники одного похода) являлся Замок Кёнигсберг. Отсюда они отправлялись в свои богоугодные военные походы. Кроме того, вскоре после основания Замка начинается его культурная жизнь. По самой сути военно-монашеских орденов в капитуле Замка, в его Доме Конвента собираются рукописные книги по религиозным и, не исключено, историческим проблемам. Разумеется, предпочтение отдаётся каноническим «изданиям». Не исключено, что стены Замка посещали и творили в них летописцы Ордена Петр Дусбург, завершивший свою «Хронику земли Прусской» примерно в 1324 г., и его младший современник Николаус Ерошин.

Первоначально Верховный маршал обитал в Доме Конвента, однако в начале XIV в. для этого высокого орденского военачальника было расширено помещение в Северном замковой флигеле. Оно стало именоваться Маршалскими покоем и обрело на 2-м этаже флигеля большое число комнат. Ниже, на первом этаже располагался обслуживающий маршала и его свиту персонал, большой зал (ремтер, в сущности – общественное по своему значению

помещение для собраний и для совместного приёма пищи), всевозможные вспомогательные помещения и службы. В состав помещений второго этажа входила комната Великого Магистра, имевшая готические стрельчатые окна и сводчатый потолок. Эти детали прекрасно видны как на предвоенном фото этой комнаты (рис. 25), так и на реконструкции Фр. Ларса (рис. 26). В 1457 г., когда в Замок вернулся Великий Магистр, данная комната, очевидно, служила для него залом для торжественных приёмов. Маршал переехал в юго-западную часть Замка, скорее всего – в башню Хинтерстерорт-Турм. В Новое и Новейшее время весь Северный флигель, некогда включавший Маршалские покои, стал именоваться Магистерским флигелем. Вплоть до 1944 г. эта часть Замка традиционно отводилась административным учреждениям.

Между помещениями Маршалских покоев и Фирманией находилась Капелла Св. Анны (рис. 23). Потолок в этой капелле имел готические стрельчатые формы. Основания стрельчатых арок в капелле и в Маршалских покоях были оформлены в виде консолей, имевших вид вырезанных из известняка горельефов, как правило – вполне мирского содержания (рис. 24).

Раскопками Фр. Ларса, первым исследовавшего культурные слои и архитектурные остатки начальных этапов существования Замка, была вскрыта восточная часть Дома Конвента (рис. 20). Будучи талантливым архитектором, исследователь создал серию научных реконструкций различных фаз застройки Замка. Одна из них представляет западную часть Замка с Домом Конвента на рубеже XIV-XV вв. (рис. 21). По мнению реконструктора, северный и южный флигеля этого Дома имели порталы, оформленные в виде готических шпицев. К этому времени в юго-западном углу Замка высилась Замковая башня. Во французских замках башни в центре замка именовались «донжон», в германских замках – «бергфрид». Они восходили к башням, воздвигавшимся в Шотландии и Ирландии в IX-X вв. для спасения от набегов викингов. Там, как считалось, группы обороняющихся могли пересидеть осаду. Подобного рода сооружения издревле известны в северокавказских родовых селениях. Однако Замковая башня в Кёнигсберге являлась не

«бергфридом», а скорее башней для наблюдения за окрестностями.

Замковая башня на своей вершине имела колокол, на котором была нанесена надпись, датированная 1387 г. Согласно своей конструкции и деталям (прежде всего – большие окна на нижних этажах) башня не имела оборонительных функций. К XIX в. её высота составила 84 м. В XVI в. наверх башни стало ступенчатым, в 1688 г. оно было завершено восьмигранной вышкой, увенчанной куполом в стиле барокко. В эпоху средневековья каждое утро с башни звучал сигнал горниста. Позднее с верхней смотровой площадки Замковой башни ежедневно в 11 часов утром и в 21 час городские музыканты исполняли хоралы, именовался «О, сохрани милость твою» (для утра), «Покой всем лесам и полям» (вечером). В Новейшее время в 9 часов утра на башне мелодично звонили часы.

В XIV в. в северной части Замка происходит формирование комплекса оборонительных стен с тремя башнями. Среди них – Овсяная башня (Хабертурм) и башня фогта Самбии (с 1278 по 1292 гг.) Дитриха фон Лиделау со строительной надписью по фасаду, содержащей приказ фогта о строительстве сей башни (рис. 22). Эта надпись, старейшая в древностях орденой Пруссии, была открыта при реставрационных работах 1931 года.

Формирующийся Северный флигель включает помещения Фирмари (точнее – Господской Фирмари) в своей западной части и зернохранилище (рис. 18) в своей восточной части. В этом помещении, в Новое время занятом государственным архивом, базировался госпиталь, комнаты для проживания престарелых членов Ордена и структуры, обеспечивавшие их жизнедеятельность (кухня, столовая). Фирмария специальным проходом соединялась с помещением Великого Магистра, одно время располагавшимся в северном флигеле Дома Конвента. Древнейшая часть стен Фирмари была сложена вендской кирпичной кладкой, более поздние вставки оформлены готической кирпичной кладкой.

Каменно-кирпичные стены Дома Конвента возникли, скорее всего, в начале XIV в., их руины около 1584 г. были уничтожены при стро-

ительстве маркграфом Георгом Фридрихом Замковой кирхи и всего Западного флигеля. Тогда же, видимо, были засыпаны неглубокие подвалы со сводчатыми потолками, устроенные в XIV в. под Домом Конвента и колодец, располагавшийся в центре его двора (рис. 19). К сожалению, самые отрывочные и краткие данные о раскопках и дате обнаруженных руин Дома Конвента были опубликованы Фр. Ларсом много позже завершения этих работ, в 1956 г. и мало информативны.

Двор Замка был окружён оборонительными каменно-кирпичными стенами. На их особенно ответственных участках были возведены девять высоких башен, незначительно выступавших за пределы общей плоскости оборонительных стен. Южная оборонительная стена Замка в XIV в. (?) обрела три прямоугольные в плане башни. В Тринадцатилетнюю войну рыцари сдали Замок горожанам без боя 14 февраля 1454 г. Победители уничтожили южную стену замка и все её три башни. Правда, перипетии кёнигсбергской политики вскоре вновь сделали союзниками рыцарей и горожан. Одним из результатов этого союза стало восстановление в 1484 г. стены и её укреплений в виде полукруглых в плане башен. Их имена – Вирцбургер-Турм, Груберс-Турм и Рабенштайнерс-Турм. Последняя была снесена в 1704 г. для сооружения на её месте «Здания Унфрида».

Кроме того, считается, что по углам Замка в XIV в. были возведены ещё четыре башни, из которых лишь одна из них – восьмиугольная в плане башня Хабертурм в северо-восточном углу Замка сохранилась к середине XX в. практически нетронутой. По всему своему периметру Замок был окружён глубоким рвом. Его вертикальные борта были выложены кирпичом (средневековая система “пархам”) и чрезвычайно осложняли доступ предполагаемого противника к стенам Замка. Очевидно, сооружением пархама орденой строители были озабочены в первую очередь после снятия прусской осады в 1262 г. В сущности, упоминавшаяся выше подпорная стенка южной террасы, которую автор этих строк видел в октябре 1974 г., и является стеной этого пархама. Извне это укрепление выглядело впечатляюще, стены Замка казались стороннему наблюдателю многоярус-

ными. Этот эффект был оправдан тем, что в течение XIV в. по периметру Замкового двора был построен второй ряд стен, нижняя часть которых была сложена из валунов, выше шла кирпичная кладка толщиной до 2 м. В промежутках между оборонительными стенами, как это часто бывало в орденских замках, были устроены разнообразные службы и учреждения.

8 июня 1457 г. Великий Магистр Тевтонского Ордена Людвиг фон Эрлихсхаузен перенёс свою резиденцию в Замок Кёнигсберг. Пришлось перестраивать Маршальские покои, частично занятые главой Ордена. Стены покоев Великого Магистра украшаются гербами (в том числе – Фридриха Майссенского). Маршал переместился в восточную часть Северного флигеля. К середине XV в. планиграфическая структура Замка в целом была сформирована (рис. 18, центральная схема). К этому времени окончательно оформляются прямоугольные очертания замкового пархама. Как показали раскопки 2004 г., северная его часть достигает глубины не менее 7 м и в эпоху Высокого средневековья здесь находилась вода, отведённая из ручьёв Флиссарм и/или Лёбебах. Кроме того, по течению последнего были построены три водяные мельницы, которые мололи не только муку, но и порох. Известно, что уже в битве при Грюнвальде в 1410 г. войска Тевтонского Ордена активно использовали огнестрельное оружие (бомбарды). Первая опись артиллерийского снаряжения Замка (пушки, ядра, порох) известна в 1392 г.. К востоку от Замка к этому времени на месте первого, деревянного Замка Кёнигсберг был создан форбург, представлявший собой вспомогательное укрепление, не обладавшее башнями.

После упразднения в 1525 г. власти Тевтонского Ордена в Пруссии Замок вместе с многими владениями в Пруссии был официально передан польским королём Сигизмундом I Старым в наследный лен первому герцогу Пруссии Альбрехту Бранденбургскому. В эпоху Возрождения Замок обрёл имидж средоточия власти, а вовсе не “очага агрессии”. С падением Ордена Замок становится резиденцией мирского владыки Пруссии – курфюрста Альбрехта Бранденбургского. Время религиозной Реформации, когда Пруссия отказалась от католициз-

ма и приняла протестантство, стало временем перестройки не только прусской идеологической и административной системы, но и внесло серьёзные перемены в облик Замка. В правление Альбрехта придворный зодчий Фридрих Нусдёрфер работает над превращением Замка в престижную княжескую резиденцию. Здание Конвента частично перестраивается под ведомства, дворовые хозяйственные постройки превращаются в залы для торжественных приёмов. В частности, третий этаж Северного флигеля, ранее использовавшийся под провиантский склад, перестраивается в большой зал для торжественных приёмов и получает имя «Moskowitergemach» (нем. «Покои москочитов»). Это название, как говорит легенда, появилось после того, как Великий Магистр Альбрехт Бранденбургский принимал здесь посольство Великого князя Московского Василия III весной 1516 г. Правда, в 1810 г. этот большой зал был демонтирован.

В Восточном флигеле, в 1542-1543 гг. подвергшемся серьёзной перестройке, появляется “Дом Альбрехта”, в котором размещаются апартаменты членов семьи герцога. В пределах этого строения оформляются восточные, главные ворота Замка, получившие имя Альбрехта, первого герцога Пруссии. Извне по сторонам ворот красовались в круглых картушах герцогские гербы, над воротами была помещена надпись «Крепость – наш Бог». В 1586 г. мастер Блазиус Вербарт окончательно формирует облик Южного замкового флигеля с пятью башнями (некоторые перестроены уже в 1519 г.). На третьем этаже Южного флигеля к этому времени в эпоху правления Альбрехта был создан большой зал со стенными росписями в виде гербов кисти художника Генриха Кёнигсвизера. К концу XVI в. главная Замковая башня оказалась включённой в массив Южного флигеля. На её верхней части была обустроена площадка (точнее – круговая галерея), предназначенная для наблюдателя. Вплоть до середины XIX в. на башне велось наблюдение за возможными пожарами. В случае появления открытого огня в каком-либо районе города с этой стороны на башне ночью вывешивался горящий фонарь, а днём – флаг. С 1796 г. дважды (на восходе солнца и на его закате) в день на смотровой пло-

щадке башни собирались городские музыканты и играли хоралы.

К концу XVI в. были оформлены внутренний и внешний фасады Южного флигеля. Видимо, именно ко времени правления герцога Альбрехта или его ближайших потомков следует отнести создание изящного деревянного балкона (точнее – эркера) на внешнем фасаде Южного флигеля (рис. 27). Вряд ли он имел оборонительное значение (как его каменные собратья, с которых воины лили на голову врагов раскалённую смолу). Ведь его деревянная обшивка легко могла воспламениться от броска зажигательной бомбы (горшок с нефтью) или стрелы с горящей паклей. Скорее всего, этот балкон был предназначен для уединённого любования просторами низовой реки Преголи, раскинувшимися к югу от Замка и в XVI в. ещё слабо занятыми городскими строениями.

Важнейшие изменения претерпел Замок после 1584 г. по инициативе герцога Георга Фридриха. На месте стёртых с лица земли остатков Дома Конвента был возведён мощный трёхэтажный Западный флигель, с юга и с севера ограниченный двумя круглыми в плане башнями (южная – Хинтерстерорт-Турм, северная – «Башня скорняка»). В подвале этого флигеля располагались вспомогательные службы, кухня и столовая для замковых слуг. Второй этаж с высокими готическими сводами был предназначен для Замковой кирхи. В северной части флигеля были устроены небольшие ворота, соединявшие Замковый двор с так называемой Янтарной дорогой, издревле пролегавшей к западу от Замка и связывавшей его обитателей с янтарными месторождениями Западной Самбии. Третий, верхний этаж Западного флигеля имел длинный зал для торжественных приёмов с плоским потолком, украшенным резными деревянными панелями (рис. 28). При демонтаже остатков Дома Конвента многие гранитные детали его конструкций (базы колонн, воротные камни, капители), несшие признаки готического архитектурного стиля, были вмурованы в кирпичные стены нового флигеля. Очевидно, строители рассчитывали тем самым усилить надёжность этих стен. Начиная с 1955 г., времени постепенного разрушения Замка Кёнигсберг «поисковыми» и строительными организациями,

эти архитектурные детали, оставшиеся неизвестными немецким исследователям, извлекались из стен и оказывались в мусорной по составу засыпке подвалов Замка. Лишь начиная с 2001 г. в раскопах на месте Западного флигеля мы стали находить каменные готические детали и передавать на хранение в фонды Калининградского Областного историко-художественного музея (КОИХМ). Многие из них являются образцами подлинного искусства безымянных мастеров XIV-XV вв. (рис. 29).

Таким образом, в XVI в. Замок Кёнигсберг, лишившись своей цитадели (Дом Конвента), получил большое число помещений во всех своих четырёх флигелях (рис. 31). Эти помещения фактически не имели военного значения и предназначались для нужд герцогского двора и управленческой администрации герцогства Пруссия.

По углам, образованным между Западным и соседними флигелями на Замковом дворе, в конце XVI в. были выстроены небольшие круглые в плане башни. Они скрывали лестничные марши, спирально шедшие с первого по третий этажи Западного флигеля. К северной «лестничной» башне с востока вела лестница. У её края на колонне с коринфской капителью в 1861 г. небольшая, чрезвычайно изящная скульптура курфюрста Фридриха II Железного (рис. 30), правившего в Бранденбурге в 1440-1470 гг. В эпоху неудачной для Тевтонского Ордена войны с Польшей этот правитель вернул в орденские владения землю Ноймарк, тем самым усилив потенциал орденского государства в Пруссии. Задолго до появления мини-памятника одному из восточно-германских правителей, в 1613 г. внутренний фасад Северного флигеля на уровне второго этажа получил деревянную галерею. Она сохранялась без серьёзных изменений до августа 1944 г.

К рубежу XVII-XVIII вв. планиграфическая схема Замка сформировалась в виде трапецевидной фигуры с главными воротами («Ворота Альбрехта»), прорезавшими Восточный флигель (рис. 32, 36). Величественным символом Кёнигсберга и всей Пруссии Замок стал после очередного изменения характера прусской государственности. 18 января 1701 г. в Зале для

аудиенций и в Замковой кирхе была проведена коронация Фридриха I, ставшего главой Королевства Пруссии. Королевская резиденция, как справедливо считал молодой король, должна была обрести новый блеск и в 1704-1711 гг. архитектор Иоахим Людвиг Шультхайс фон Унфрид проводит последнюю в истории Замка крупную перепланировку его помещений. Планировалась полная перестройка Замка Кёнигсберг и превращение его в грандиозный дворцовый комплекс в стиле барокко. Образцом для планировавшегося в Кёнигсберге дворца был Королевский дворец в Берлине. Он, к сожалению, не пережил разрушительный май 1945 г. и послевоенные годы восстановления Восточного Берлина как столицы ГДР. Поразительно то, что и в Калининграде, и в Берлине место дворца короля заняли административные здания нового социалистического режима. Если в Калининграде это был «дом советов», то в Берлине – «дворец республики». И тот, и другой своим видом, мягко говоря, взор не радовали, являя истинную сущность «народной демократии».

К счастью для последующих поколений, денег у первого короля Пруссии Фридриха I на полное изменение облика Замка и превращение его в дворец в прихотливом стиле барокко не хватило. Был перестроен лишь юго-восточный флигель (рис. 33), ставший на юго-востоке Замка его ризалитом. Он не слишком изменил впечатляющий облик средневековой застройки Замка, с 1701 г. именовавшегося Коронационным (Королевским). Кроме того, в 1709 г. был основательно перестроен форбург Замка, превращённый в воинскую казарму.

После серьёзной реконструкции, которой в эпоху наполеоновских войн подвергся весьма обветшавший Северный флигель Замка, с 1810 г. на месте орденового зернового склада появилось помещение Высшего провинциального (земельного) суда. До этого в Замке для судебных органов специальных помещений не полагалось. По уставу Тевтонского Ордена главным судьёй являлся Великий Магистр, особо сложные дела выносивший на заседания капитулы.

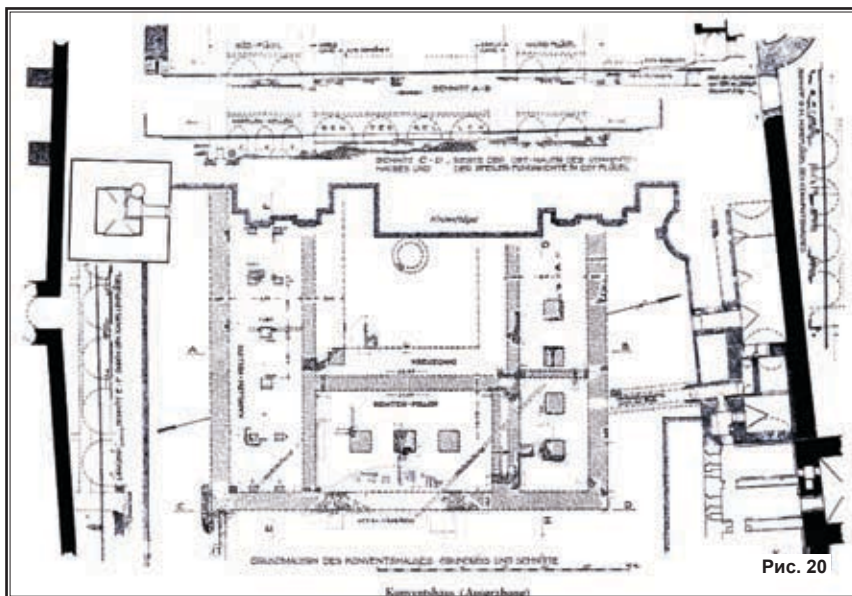
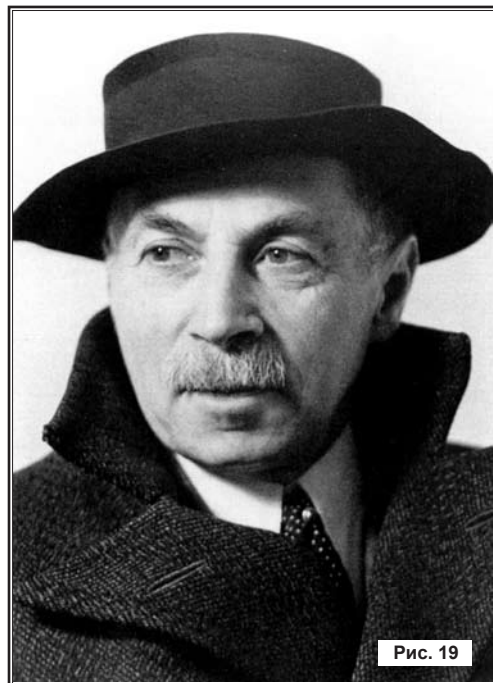
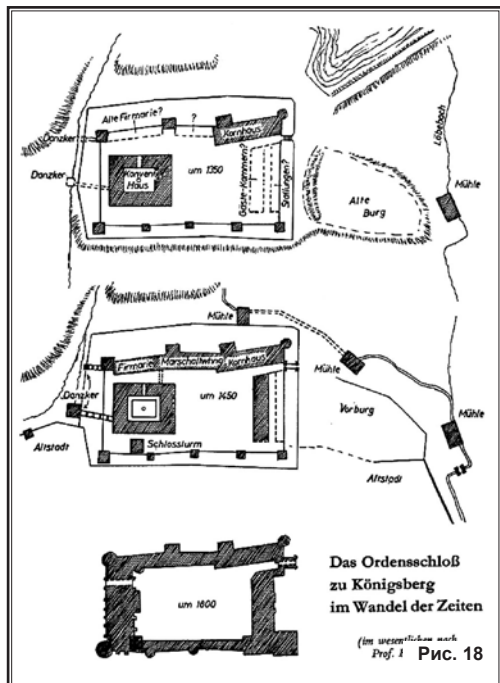
К XIX в. Замок представлял трапециевидный в плане комплекс строений общими раз-

мерами 104 x 66,8 м. Окончательный облик архитектурного ансамбля Замка Кёнигсберг сформировался в 1866 г. после реставрации его доминанты - Замковой башни. Былое обиталище дозорных обрело остроконечную псевдоготическую кровлю, кстати, совершенно не характерную для средневекового облика башни. Однако именно такой башня, великолепно завершающая строгий и неповторимый облик Замка (особенно - его южного фасада) навеки сохранилась в памяти тех, кто видел старый Кёнигсберг. В середине XX в. Замок вмещал в своих стенах правительственные и культурные учреждения, а также знаменитый на всю Пруссию винный подвал «Блютгерихт», уютно расположившийся под Магистерским флигелем.

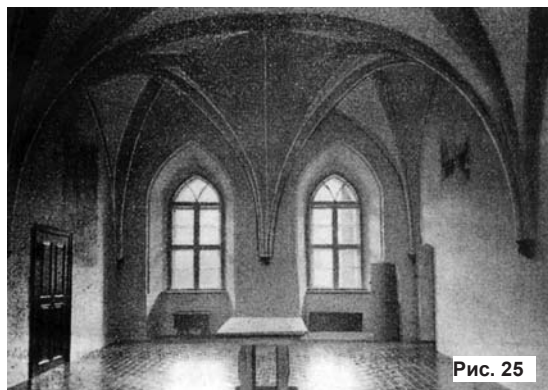
Последние архитектурные перемены постигли Замок вскоре после последней коронации прусского короля, происходившей в Замковой кирхе в 1861 г. Например, Зал москвитов был перестроен в 1887 г., обретя коробовый сводчатый потолок с деревянными панелями, расписанными имперскими чёрными орлами. В конце XIX в. ближний периметр Замка был украшен памятниками герцогу Альбрехту и Кайзеру Вильгельму I.

После завершения I Мировой войны Замок утрачивает значение центра административной власти и превращается в культурную доминанту столицы Восточной Пруссии. В его флигелях размещаются Провинциальное управление охраны памятников истории и культуры, Городское собрание предметов искусства и Музей «Пруссия». Все эти хранилища бесценных сокровищ духа непоправимо пострадали от невзгод военного времени. Лишь часть этих собраний удалось спасти в эвакуации в 1943 г.

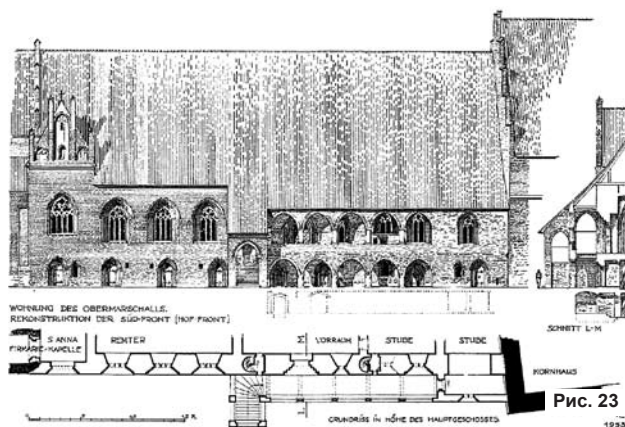
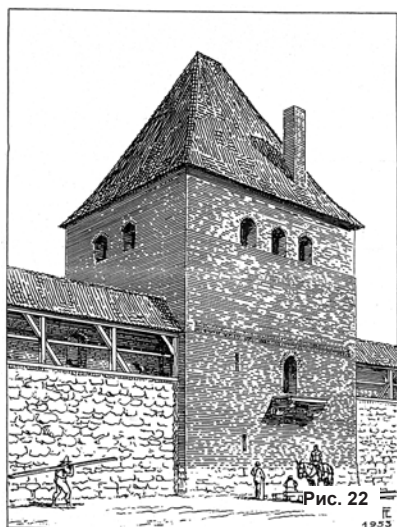
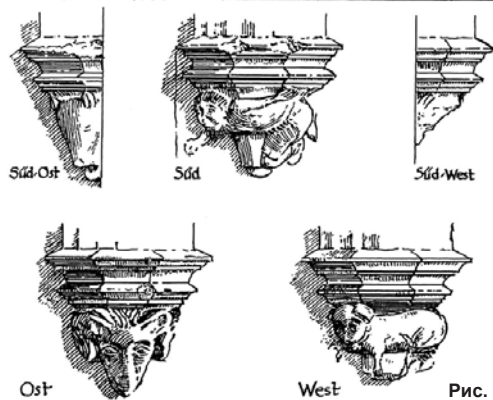
С 27 ноября 1925 г., времени открытия в западной половине замковых построек восьми залов Музея «Пруссия», Замок стал крупнейшим в Балтии культурным центром. Под его готическими сводами проводились разнообразные выставки, романтическая аура Замка облакала волшебным светом хранившиеся здесь старинные инкунабулы и великий миф XX века - Янтарную комнату. Всё это сказочное великолепие духа кончилось 29 августа 1944 года.

WOHNUNG DES OBERMARSCALLS (RAUM 300 IM GRUNDRISS)
GEWÖLBE/KONSOLEN

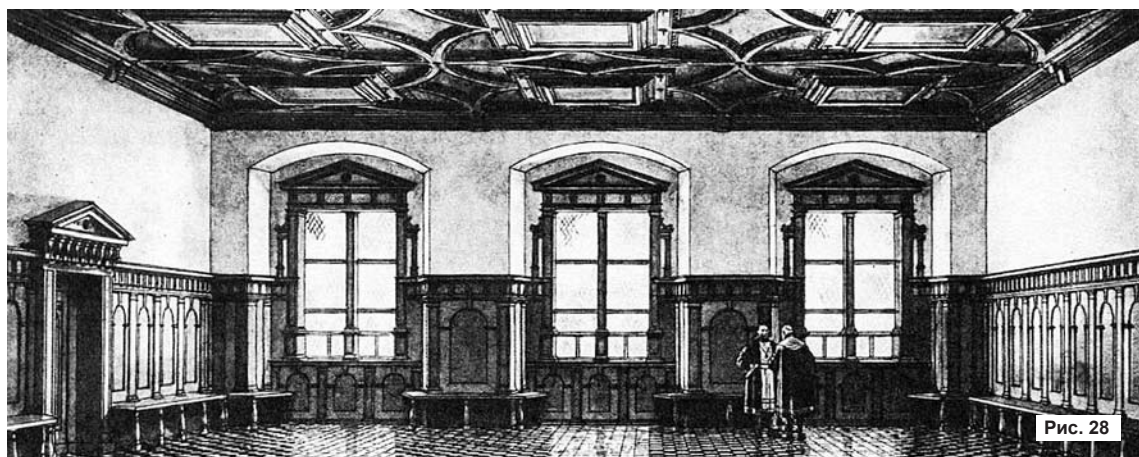
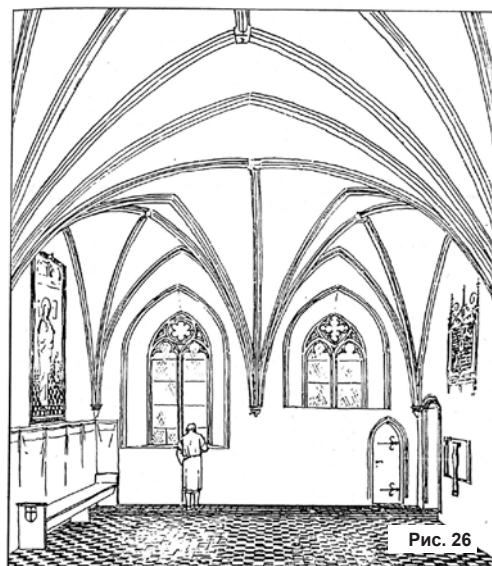
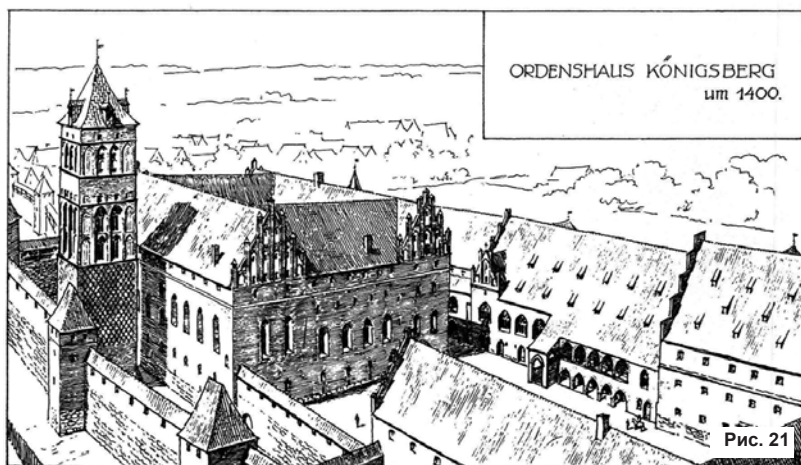
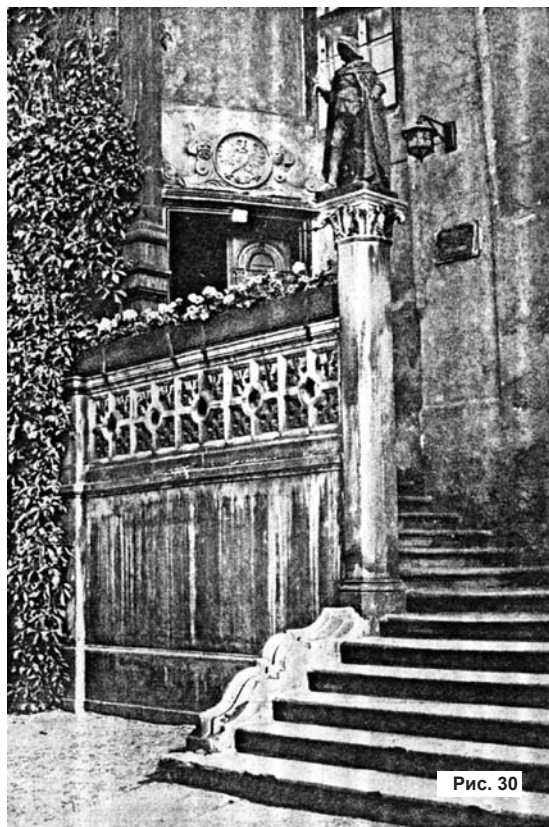

Рис. 31

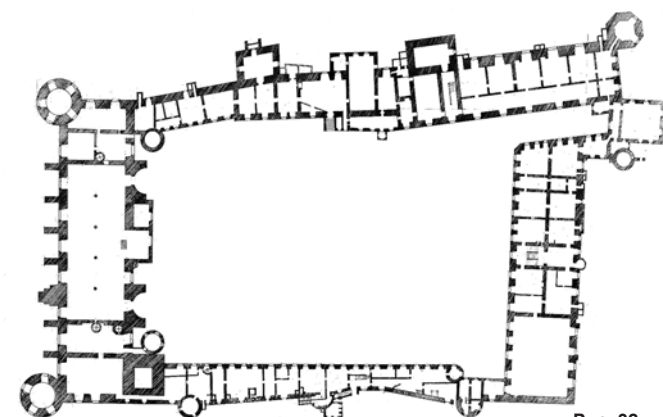

Рис. 32

Plan. du Palais Royal de Königsberg.

des Prussiens

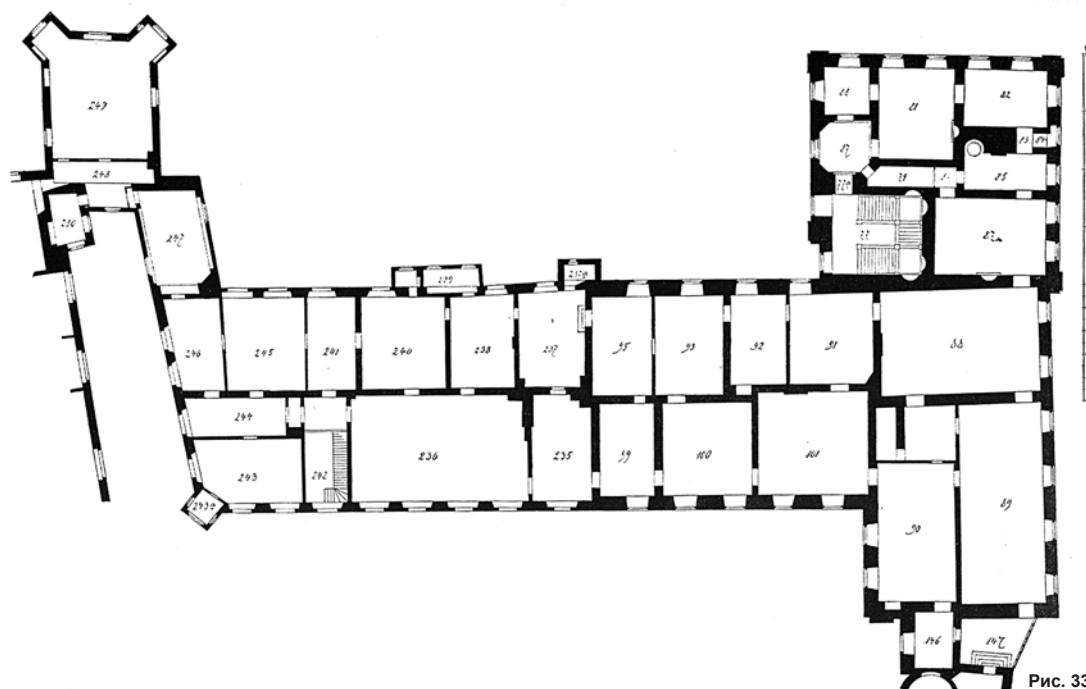

Рис. 33

Замковые колодцы

Древнейшим среди известных науке замковых колодцев исторической Пруссии является колодец во дворе Замка Кёнигсберг. Этот колодец был вырыт на глубину не менее 11 м (таков уровень грунтовых вод согласно уровню реки Преголи) не позднее XIV века в древнейшей части Замка – во дворе Дома Конвента. Судя по данным, опубликованным единственным исследователем истории Замка Фридрихом Ларсом, колодец имел железное подъёмное колесо, отремонтированное в 1500/1501 гг. Этот колодец (его глубина – 43 шага) у Западного флигеля размещался в фахверковой постройке. Как пишет Фритц Гаузе, в 1945 г. на месте этого колодца был установлен насос, доставлявший в Замок воду. Как показали зимние раскопки 2006 г., также вода поступала в Замок (во всяком случае, в его Восточный флигель) по водопроводной трубе, проложенной по подземному ходу вплоть до р. Преголи. Очевидно, такая масса воды требовалась для организации в Замке водяного отопления.

В эпоху правления герцога Альбрехта Великого в центре Замкового двора, восточнее Дома Конвента был устроен новый водный источник в виде фонтана с бассейном. Он был настолько глубок, что, когда в 1552 г. в него упал вместе с конём всадник-копьёносец (как ему это удалось?), его с трудом спасли. В XVII веке фонтан в замковом дворе украшала каменная статуя бога Марса, бассейн окружали скульптурные изображения животных. В 1698 г. бассейн был демонтирован.

В 2007 г. под фундаментом южного флигеля был найден ещё один колодец, заброшенный в сер. XVI в.

Несомненно, в других замках исторической Пруссии также имелись колодцы, предназначенные прежде всего для добычи воды при осаде. Как, например, в замке Бальга, эти колодцы располагались в центре замковых дворов. Однако отсутствие серьёзных военных акций вокруг орденских замков Пруссии привело к запустению и даже к уничтожению замковых колодцев в Новейшее время.

Пожалуй, то же самое можно сказать и о колодцах городов вокруг Замка на Преголе. Например, в 1999 г. была раскопана часть города Лёбенихт (ныне на месте раскопа – автозаправка у универсама «Московский»), где был обнаружен построенный в XIV в. колодец. Он представлял собой квадратную в плане конструкцию, первоначально собранную из деревянных брусков, соединявшихся в шип. В XVI в. они стали набиваться в виде Сегнерова колеса на торцы соседнего бруса. Однако из-за небрежности горожан этот колодец явно не отличался чистотой воды и был засыпан в первой половине XIX в. В последние годы перед этим он, не исключено, использовался для пожарных целей.

Итак, эта краткая историческая справка свидетельствует о том, что колодцы замков Пруссии совершенно не исследованы и не известны науке. Тем не менее они заслуживают изучения ввиду нахождения в них большого количества находок и могут быть восстановлены как памятники прошлого Пруссии и как носители полезной прохладной влаги для нынешних калининградцев.

Протогородские поселения вокруг Замка

Первое «цивильное» поселение (*civitas*) к северо-западу от замка, около приходской церкви Св. Николая известно с 3 мая 1258 г. Его население предполагало контролировать торговые караваны, шедшие по «Янтарной дороге» (ныне - Ленинский проспект) с Янтарного берега в Замок (рис. 34). К этому времени ручей Катцбах был запружен (Нижний /Замковый/ пруд существует до сих пор, разделяя современные улицы Пролетарскую и Клиническую), горожане и рыцари были в изобилии обеспечены питьевой водой. Казалось бы, жизнь крестоносных захватчиков налаживалась: быт - обеспечен, доходы от речной торговли и янтарных приисков того и гляди станут наполнять немецкие кубышки, вокруг - благодатные просторы лугов (росшие здесь священные для пруссов дубы Тувангсте были пущены рыцарями на стройматериалы), которые были сразу превращены в пастбища для орденских коней и стали выглядеть и благоухать соответственным образом. Однако идиллия пришельцев длилась недолго. Строения *civitas*, на месте которых ныне высятся гостиница «Калининград» и многочисленные магазины, были сожжены пруссами в 1261-1262 г. в ходе их третьего «восстания». Гнев обитателей Янтарного края был направлен прежде всего на сокрушение твердынь, созданных завоевателями на священной прусской земле. Среди них не последнее место занимал Замок Кёнигсберг. Великий герой прусского народа Герко Манто руководил осадой Замка и своим мечом не раз повергал наземь заносчивых пришельцев. Однако силы были не равны и в 1265 г. пруссы сняли осаду Замка.

Город, впоследствии получивший в честь первого поселения на горе Св. Николая имя Альтштадт, был создан по договору между Самбийским епископством и Тевтонским Орденом сразу после подавления упомянутого выше восстания, на южном склоне горы Тувангсте, непосредственно между замком Кёнигсберг и правым берегом р. Новая (Самбийская) Преголя. 26 февраля 1286 г. Ландмайстер Ордена Конрад фон Тирберг вручил этому поселению грамоту на городские права. Территория города, достигшая к 1815 г. параметров около 840 м по линии северо-запад - юго-восток и 330 м по линии северо-восток - юго-запад, была

планиграфически обустроена по ганзейским традициям. Они представляли собой постройку жилых и хозяйственных сооружений вдоль берега реки. Так складывались улицы, вытянутые в старом Кёнигсберге с запада на восток (в нашем случае - четыре улицы, пересекавшихся под прямым углом 10-ю переулками) (рис. 35). На речном берегу дополнительно были устроены торговые склады «лаштади». Аналогичные по предназначению сооружения горожане в XIV в. соорудили и на расположенном южнее о. Ломзе (ныне - Октябрьский), часть которого входила в сферу влияния жителей Альтштадта, занимавшихся не только торговлей и ремёслами, но и рыбным промыслом. Сюда город ограничивала р. Новая Преголя, с востока - ручей Катцбах, на левом берегу которого располагался город Лёбенихт, с севера - пархам замка Кёнигсберг, с запада - сооружённая в 1333-1350 гг. городская стена с шестью башнями. Из этих башен к 1945 г. сохранилась лишь «Жёлтая башня». Извне въезд в город осуществлялся через восемь ворот.

В северо-западном углу города (рис. 34) существовала Альтштадская кирха (кирха Св. Николая), построенная в третьей четверти XIV в. и разобранная в 1838 г. Рядом с кирхой существовало кладбище, обновлённое 26 января 1803 г. и впоследствии перекрытое вместе с руинами кирхи площадью Кайзера Вильгельма I (рис. 36). На этом кладбище были погребены выдающиеся представители интеллектуальной элиты, в том числе - профессор богословия Кёнигсбергского Университета Андреас Осиандер † 1552 год и Иоганн Лютер † 1575 год, сын Мартина Лютера. В благодарность за божественное избавление от чумы 1709 г. прихожане кирхи в 1710 г. способствовали реставрации шпиля её башни. Восточнее кирхи в 1754-1756 гг. в центре города, на восточном краю Рыночной площади было возведено здание городской ратуши. Дома, окружавшие эту площадь, принадлежали городской торговой элите - патрициям. Одно из этих зданий (ул. Альтштэдтер-Маркт, 13), возведённое около 1640 г., было декорировано скульптурами.

Перекрёсток улиц Ланг-гассе и Польнишен-гассе ограничивал в эпоху средневековья юго-восточную часть города, отданную Тевтонским

Орденом Самбийскому епископству. Здесь были сооружены древнейший в Кёнигсберге деревянный Домский собор, помещение для его курии и госпиталь «Zum Heiligen Geist» («К святому духу») с соответствующей кирхой. Задолго до включения в 1724 г. города Альтштадт в состав единой городской системы Кёнигсберга этот комплекс застройки перестал существовать.

В новое время в северной части города, на южной стороне улиц Кирхен- и Берг-гассе располагалась гимназия и северная часть Альтштадтской рыночной площади. К 1815 г. участки городской застройки практически вплотную примыкали к южному фасаду стен Королевского Замка, занимая территорию засыпанного ранее пархама (рис. 36).

Остатки городской застройки, основательно разрушенные бомбардировкой летом 1944 г., исчезли с лица земли в результате земляных работ 1967-1973 гг.

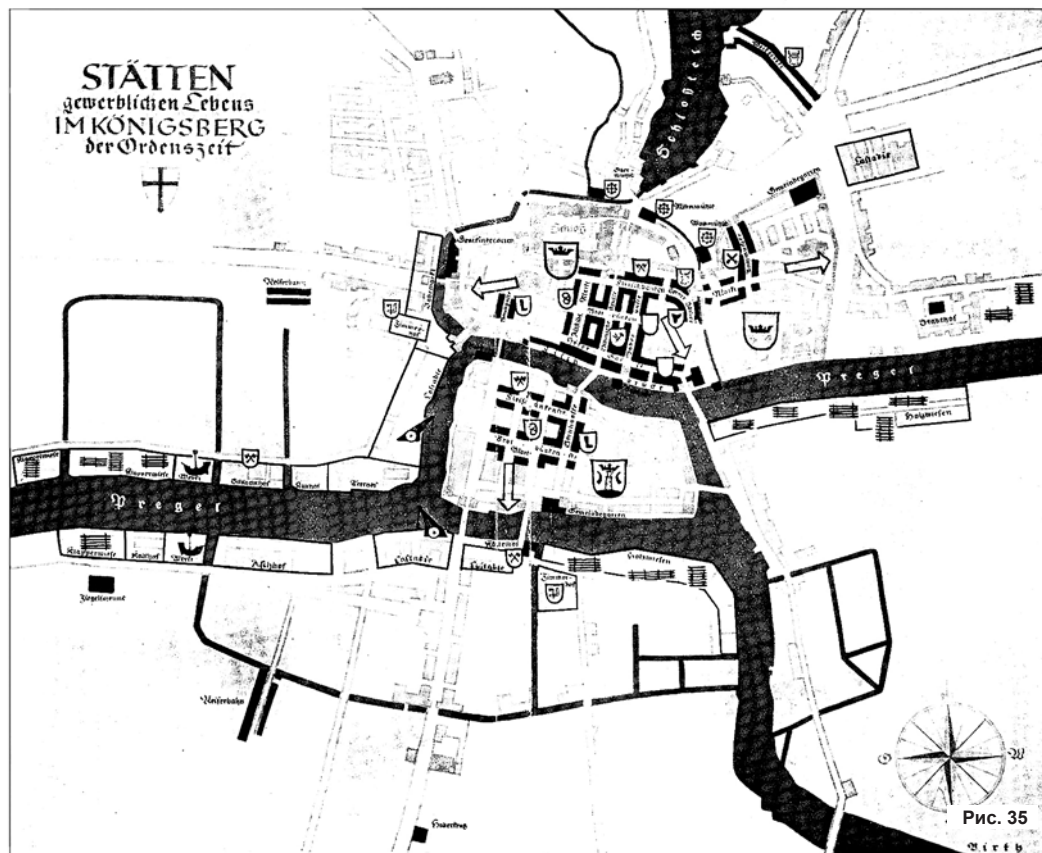
Продовольственное обеспечение Замка и двух городов (Альтштадт и Кнайпхоф) осуществляло третье из существовавших в устье реки Прегель поселений городского типа - Löbenicht (германизированный прусский топоним Lipnick), возникший не позднее 1300 г. и контролировавшийся Орденом.

К середине XIII в., ко времени возникновения Замка Кёнигсберг к востоку от него предположительно уже существовал рыбацкий посёлок Лип (= Липник). Ранее обитатели этого поселения могли обеспечивать провиантом castrum Pregore. С этим посёлком можно связать остатки деревянной постройки (в том числе - мостки, ведущие в сторону ручья Липник), обнаруженные в шурфе на Лёбенихте зимой 1999 г. Территориально-административная структура Кёнигсберга сложилась в течение весьма краткого исторического периода (1255-1327 гг.). Формально единым городским организмом Кёнигсберг стал лишь в 1724 г.

Одна из версий происхождения названия города «Лёбенихт» - от ручья «Липник», впадавшего с севера в р. Новую (Самбийскую) Преголю/Липцу. Ручей протекал восточнее горы, окружённой дубовым лесом Тувангсте. Позднее ручей стал именоваться «Лёбебах», в орденское время он служил границей между городами Альтштадт и Лёбенихт. Не исключено, что Замковый (теперь - «Нижний») пруд возник ещё до прихода сюда крестоносцев и контролировавшийся пруссами посредством плоти-

ны разлив вод ручья Липник дал лесу Тувангсте её название (прусск. «запруда»). В образовавшемся затоне рыбная ловля была крайне удобна, так что рыболовство было основным занятием населения догерманского Липника. Город Лёбенихт в орденское время по-прежнему населялся рыбаками и ремесленниками. Городское право от руководства Комтурии Кёнигсберг посёлок получил весьма рано - в 1300 г.

Расположенный фактически в пойме Преголи, город Лёбенихт имел в средневековье размеры 275 x 400 м. Его границы определял с запада - ручей, с юга - правым берегом р. Новая (Самбийская) Преголя, по которому протекает нынешний Московский проспект, с востока - повышением уровня первой надпойменной террасы Преголи (в этом месте ныне стоит 9-этажный жилой дом и здание детского сада на ул. Зарайской), с севера - аналогичным повышением берега, сейчас обозначенным перекрёстком ул. Шевченко и ул. Фрунзе. Лёбенихт был окружён городскими стенами, данные о которых весьма отрывочны. В 1506 г. жители Лёбенихта обзавелись собственными оптовыми складами и обрели возможность самостоятельно проведения торговых операций. Они осуществлялись на площади Мясного рынка (Мюнхенхофплатц), являвшейся центром городской жизни и располагавшемся на юго-западной окраине города. Религиозные нужды горожан обеспечивала кирха Св. Барбары, располагавшаяся в восточной части городской территории. С юга через Преголю к ней вёл «Деревянный Мост», неоднократно возводившихся заново и в варианте постройки 1904 года сохранившийся до наших дней. Главной сухопутной коммуникацией города являлась улица Лёбенихтше Ланггассе, осуществлявшая для обитателей замка и Альтштадта выход на восточные рубежи Самбии, по направлению к Литве. Для бесперебойного движения по этой улице через ручей Лёбебах предположительно был проложен мост, соединявший Альтштадт и Лёбенихт. Ныне на этом месте пролегла трасса Московского проспекта, занявшего также и западную часть улицы Лёбенихтше Ланггассе. Судя по раскопкам, проведённым зимой 1999 г. в северо-западной части Лёбенихта, именно здесь находится наибольшее скопление культурных напластований, со временем полностью скрывшее грунтовое ложе ручья Лёбебах и достигающее мощности от 6 до 10 м.

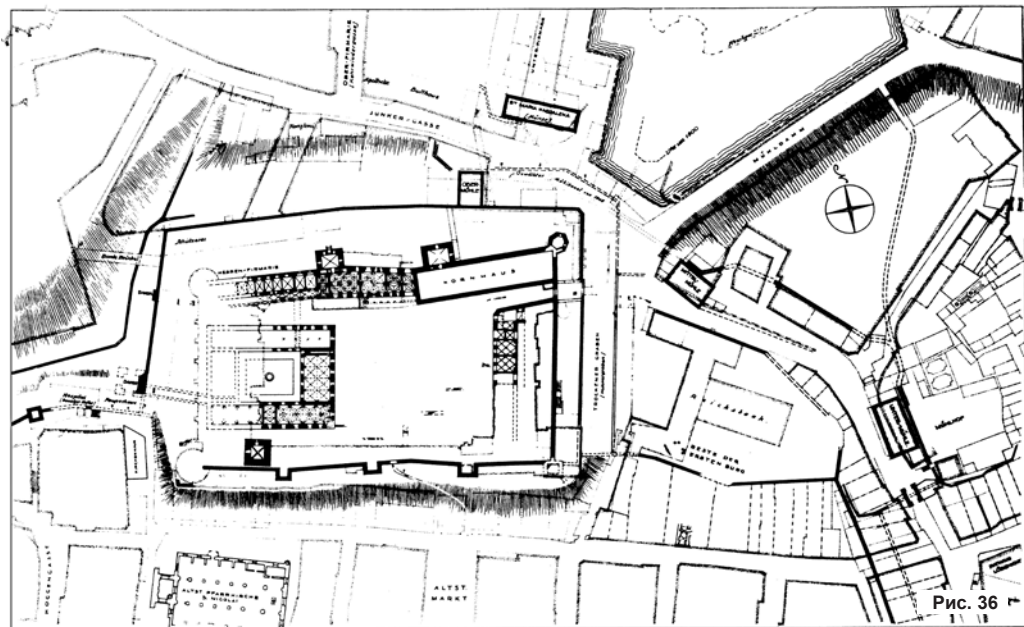

Рис. 36

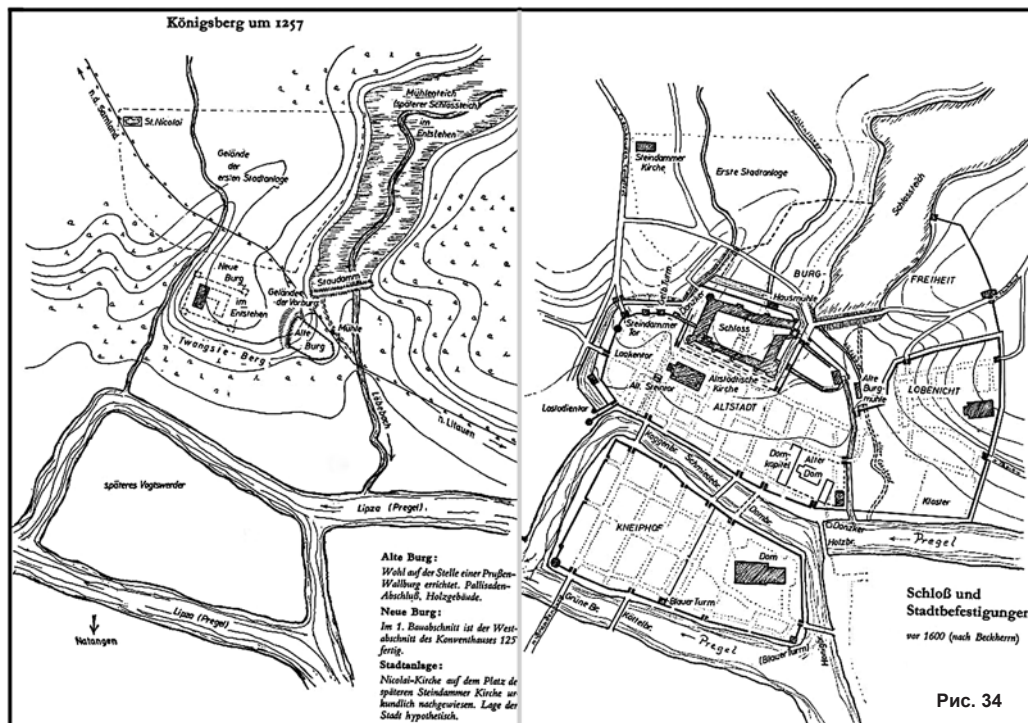

Рис. 34

О книжных собраниях Замка

С самого начала своего существования, с весны 1255 г. воздвигнутый тевтонскими рыцарями на берегу реки Преголи Замок Кёнигсберг, имел не столько военное, сколько административное и в немалой мере культурное значение для Балтийского макрорегиона. Это ныне забытое значение Замка как цитадели культуры ярко засвидетельствовано его книжными собраниями.

В эпоху Ренессанса первый герцог Пруссии Альбрехт Бранденбургский (рис. 37), в 1525 г. принявший лютеранство, начал собирать рукописные книги религиозной направленности. В значительной мере это книжное собрание было ориентировано на укрепление учения Мартина Лютера - новой ветви христианства, восторжествовавшей в земле пруссов. Появление этой библиотеки традиционно связывается с именем второй супруги герцога - Анны Марии, любившей чтение. Отметим попутно, что повторное бракосочетание, да ещё - в семье правителя - было для тех времён мощной новацией и отрешением от норм средневековой жизни.

В Северном флигеле Замка с 1540 г. располагались две библиотеки Альбрехта - *Bibliotheca Nova* и *Kammerbibliothek*. С 1611 г. в Восточном флигеле разместилась Серебряная библиотека (20 томов с роскошно украшенными переплётными титулами). Правда, некоторые свидетельства позволяют осторожно предполагать наличие части этого собрания в 1945 г. в северо-западной части Замка - в «Башне скорняка».

Для того, чтобы подчеркнуть духовную ценность книжного собрания, повысить уровень его презентации, герцог Альбрехт (думается, не без влияния своей просвещённой жены) задумал украсить это книжное собрание. Входившие в его состав массивные тома своим готическим рукописанием сами по себе представля-

ли образец высокого книжного искусства. Как правило, библиотеку составляли тома духовного содержания. После своего появления в Кёнигсберге в 1527 г. известный в Германии ювелир Йобст Фройнднер взялся создать для библиотеки Замка особые переплёты. Они были спроектированы и изготовлены им из высокопробного серебра с последующим частичным чернением (*Tula-Arbeit*). Золочение деталей книжных переплётных элементов осуществили кёнигсбергские ювелиры. Среди сюжетов, представленных на книжных переплётных элементах, встречались как духовная (рис. 38), так и «языческая», основанная на античной мифологии тематика (рис. 39). И в Семилетнюю войну, и во время французской оккупации Кёнигсберга Серебряная библиотека вывозилась из Замка в надёжные укрытия. В XX в. Серебряная библиотека уже не хранилась в Замке, а вошла в состав Государственной библиотеки Кёнигсберга (ул. Миттельтрагхайм, дом 22, ныне - ул. Пролетарская). В годы войны Серебряная библиотека была укрыта в бункере в пределах усадьбы Сандиттен (ныне - пос. Лунино, Гвардейский район), откуда весной-летом 1945 г. была вывезена трофейными командами (?) Красной Армии. Ныне причудливые пути истории привели основную часть Серебряной библиотеки в Университетскую библиотеку в г. Торунь (Польша).

Долгие века Замок был местом хранения древнерусской Радзивилловской летописи, в XVIII веке вывезенной в Санкт-Петербург. Изучению этого бесценного источника по отечественной истории посвятили многие годы целые поколения русских историков. Немалую роль в популяризации этой летописи сыграл декан исторического факультета Российского Государственного Университета им. И. Канта (бывш. КГУ) Валерий Иванович Гальцов.

Рис. 37

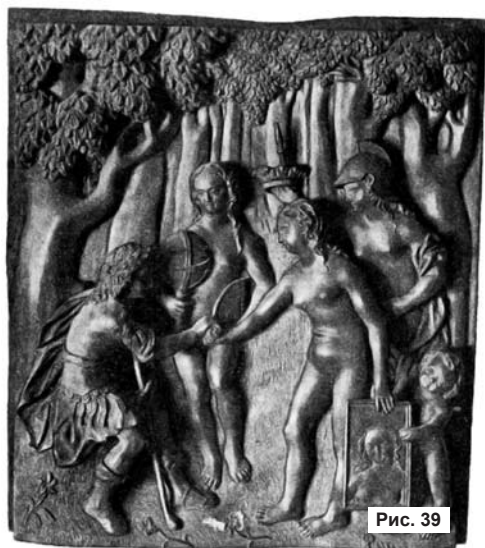

Рис. 39

Рис. 38

Замок от Великих Магистров до Великого Курфюрста

Время отсчёта начала истории Замка Кёнигсберг известно. Оно ограничено 17 января 1255 г. В этот день король Оттокар II, предводитель войска Ордена во втором крестовом походе на Самбию и Великий Магистр Ордена Поппо фон Остерн вернулись из пределов Самбии в твердыню Ордена в земле пруссов – замок Эльбинг (ныне – город Эльблонг в Польше). Замок Кёнигсберг был уже основан. Строительные работы на холме, окружённом дубовой рощей Тувангсте, уже кипели. Перед началом третьего прусского восстания в 1260 г. территория Замка и его ближайшие окрестности были в достаточной мере культивированы. Запруда ручья Лёбе (Катцбах), создавшая Замковый (Нижний) пруд, обеспечила работу мельниц в ущелье Мюленгрунд. К северо-западу от Замка появилась кирха Св. Николая, вокруг которой стала формироваться первичная городская застройка. Однако все эти деревянные строения, появившиеся не позже 1257 г., подверглись в 1260 г. нападению пруссов и исчезли в огне. Правда, отсутствие у пруссов умения осаждать крепости не позволило им реализовать свой справедливый гнев против захватчиков в осаде, которой подвергся Замок Кёнигсберг в 1260-1263 гг. Эти события закончились переносом места этого Замка на северо-запад от рощи Тувангсте. На этом новом месте Замок и стал возводиться из камня и кирпича. Исторические события забурили ныне в его стенах. Старый замок оказался заброшенным и позднее превратился в форбург нового Замка.

Уже в XIV в. начинается складываться инфраструктура городских агломераций, окруживших Замок. В его стенах не жили ремесленники и торговцы. Орденская администрация, центром которой являлся Замок, контролировала Замковую слободу, а затем и города через выдачу им городских прав и через имущественные отношения. В частности, ряд жизненно важных для горожан объектов (водяные мельницы к северо-востоку от Замка, пастбища в районе Россгартен – (рис. 35) принадлежали обитателям Замка. Невероятной громадой его стены нависали над богатейшим ганзейским городом Альтштадтом, свою сень отбрасывая на его деловой центр – Альтштадскую ярмарку.

Вся эта молодая городская поросль едва не погибла в начале своего пути. Речь идёт о сражении при Рудау (ныне – пос. Мельниково, Зеленоградский район). Оно произошло 17 февраля 1370 г. На самбийских полях объединились два литовских войска, которыми командовали князья Альгирдас и Кястутис. Закипела жаркая битва с подоспевшими отрядами рыцарей и пеших воинов-кнехтов. Маршал Хенниг Шиндекопф, руководивший орденскими войсками, был смертельно ранен и скончался по дороге в Замок Кёнигсберг. После этого победители-литовцы странным образом отступили. В Кёнигсберге позднее сложилась легенда о башмачнике Гансе из Сагана, якобы предотвратившего разгром Ордена в этой битве спасением его знамени. Думается, литовцы не завершили разгром Ордена ввиду того, что это ... не было их целью.

С военной точки зрения итог битвы по меньшей мере странен. Почему бы литовцам не отправиться брать ослабевший Замок. История эта оказалась не такой простой, как повествуют страницы хроник. Их дополнили результаты археологических раскопок, проведённых зимой 1999 г. у стен Замка. Выяснилось, что в последней четверти XIV в. окрестности Замка подверглись сокрушительному разгрому. Дома горожан поджигались арбалетными стрелами («болтами») с горячей промасленной паклей (?). По узким средневековым улицам метались конные нападавшие и грабили дома буквально с седла. Множество ценнейших вещей (даже португальца рыцарского меча) оказались порваны в клочья и буквально втоптаны в грязь городских улиц. Гипотетически можно предположить факт нападения на Лёбенихт (и на другие города вокруг Замка ?) отрядов легко вооружённых литовских всадников. Они с налёта миновали городские укрепления в то время, когда основное литовское войско под предводительством двух князей отвлекало орденские войска к северу от Замка. Однако его стены нападавшие штурмовать не решились: добыча, полученная в городах, была вполне достаточна. Отягчённым ею литовским воинам гибнуть под стенами Кёнигсберга было совершенно не нужно. Нагруженные добром горожан, они отправились восвояси и, очевидно,

где-то к востоку от Замка соединились со своими соратниками, уже ушедшими с кровавого поля у Рудау. Такие походы с сугубо практическими целями были обычным делом во взаимоотношениях Ордена и Литвы на всём протяжении XIV в.

Разгром окрестностей Замка параллельно битве при Рудау, пожалуй, был одним из немногих военных лихолетий, пронёсшихся в эпоху средневековья над башнями и стенами Замка Кёнигсберг. Мы уже знаем, что в Тринадцатилетнюю войну Замок сдался горожанам без боя, рыцарям из Замка было позволено удалиться в замок Лохштедт. Также мирно горожане вернули Кёнигсберг орденским властям, вдобавок любезно восстановив разрушенную южную стену Замка.

Когда Орден потерпел поражение в Тринадцатилетней войне, длившейся с 1454 по 1466 гг., бывшая его столица Мариенбург отошла к Польше. Новой столицей Тевтонского Ордена стал Замок Кёнигсберг, куда переехал Великий Магистр Ордена Людвиг фон Эрлихсхаузен. Этим, кстати, подтверждается то военное, административное и, несомненно, представительское (имиджевое, как сказали бы наши современники) значение, которыми обладал Замок. Уже в XV в., в эпоху Позднего средневековья, он считался в юго-восточной Балтии вторым после Мариенбурга по своему значению.

6 июня 1511 г. в Замке рыцари избрали очередного Великого Магистра Тевтонского Ордена. Им стал молодой тогда Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах из династии Гогенцоллернов (рис. 40). Выборы проводились заочно и лишь 22 ноября 1512 г. нога Альбрехта ступила на брусчатку Замкового двора. В это время над Орденом вновь нависла угроза войны с мощным Польским Королевством. Пытаясь найти поддержку в борьбе с ним, летом 1516 г. Альбрехт принимает в Замке послов Великого князя Московского Василия III Заболоцкого и Щекина. Так было положено начало партнёрских и, временами, дружеских отношений между прусскими и русскими правителями. Послов из Московии принимали в Северном флигеле. Одно из его помещений долгое время после этого приёма называлось «Покой Московитов».

В 1520 г. поляки захватили посёлок Хабербург (ныне – район Южного вокзала в Калинин-

граде) на дальних подступах с юга к Замку. Несмотря на то, что война закончилась в 1521 г. четырёхлетним перемирием, тучи над Пруссией и над Замком Кёнигсберг так и не рассеялись.

В 1522-1525 гг. Альбрехт Бранденбургский посещал различные монаршие дворы в Германии, ища помощи против польской угрозы. Здесь, в центре Европы он познакомился с учением протестантизма, отражённым в трудах Мартина Лютера. Ещё в 1523 г. сподвижник Лютера Иоганн Брисманн стал советником епископа Самбии Георга фон Поленца. Когда в 1525 г. Альбрехт вернулся в свою резиденцию – Замок Кёнигсберг, он и сам был убеждённым лютеранином, и Георг фон Поленц понял всю пользу новой христианской конфессии. Католицизм со своими устаревшими для эпохи Возрождения догмами, пышным и поэтому дорогим богослужением стал препятствием на пути амбициозных владык Кёнигсберга и Самбии. Духовная «перестройка» проходила в Кёнигсберге достаточно стихийно, но с присущей немцам внутренней дисциплиной. Орденские братья, не пожелавшие сменить веру, удалялись в немногочисленные католические государства Германии или в Вармийское епископство, сохранившее верность папскому престолу в Ватикане.

Точку в судьбе Тевтонского Ордена поставило заключение в Кракове 8 апреля 1525 г. мира с Польшей. По его условиям Орденское государство превращалось в герцогство, вассально зависимое от Польского Королевства. Центр Тевтонского Ордена перемещался в Вену, где его Центральная канцелярия благополучно существует по сей день в доме № 7 по улице Зингерштрассе. Здесь, под сенью древнего готического собора Св. Стефана, автор этих строк был принят в Орденском архиве в 1992 г. и допущен к лицезрению подлинных письменных актов Ордена. Многие из них были подписаны Альбрехтом Бранденбургским. Право этой подписи он утерял по условиям Краковского мира, превратившись из Великого Магистра в герцога Прусского, присягнувшего на верность владыке Польши Сигизмунду I (польск. Hołd pruski). В этом новом для себя качестве он вступил в Замок через главные Восточные ворота 9 мая 1525 г. С тех пор на протяжении пяти веков эти ворота именуются Воротами Альбрехта.

В знак перемены формы правления над Замок, превратившимся из военно-административного центра Тевтонского Ордена в резиденцию герцога Пруссии взвился новый флаг. На нём было сохранено привычное орденским рыцарям белое поле. Однако чёрно-золотой магистерский крест был убран, а коронованный чёрный орёл нёс теперь на своей груди вензель польского короля Сигизмунда I Старого (1506-1548 гг.). Эта коронованная буква S обозначала вассальную зависимость от Польши мирских правителей из династии Гогенцоллернов, воцарившихся в Пруссии.

Новая форма государственного правления требовала новые приёмы властвования. Они были сосредоточены в руках четырёх чиновников – у обермаршала, обербурграфу, ландхофмайстера и канцлера. Именно они стояли между герцогом и его подданными. Именно эти 4 чиновника теперь держали в своих руках нити управления Пруссией. Эти лица входили в Верховный совет при герцоге, располагавшийся в Северном (Магистерском) флигеле Замка.

Герцог Альбрехт не забыл о необходимости отдыха для себя и своих приближённых. К северу от Замка были устроен обширный сад, остатки которого в Новейшее время именовались *Königsgarten* (нем. «Королевский сад») и были включены в систему зелёных насаждений вокруг площади Параденплатц (ныне – ул. Университетская).

Первая жена герцога Альбрехта – Доротея, принцесса Датская – была верной союзницей правителю Пруссии в развитии светской культуры, в частности, выразившейся в создании роскошного убранства интерьеров Восточного флигеля. В одном из его покоев – комнате Чёрного Орла – была увековечена вторая жена герцога – высокообразованная Анна Мария. Её скульптурный портрет рядом с бюстом Альбрехта экспонировался здесь на одном из старинных шкафов вплоть до 1892 г. (рис. 41). Позднее переделанные в виде двух барельефов эти портреты находились над дверями в том же (?) зале. Сам герцог был увековечен в виде портретного барельефа над входом в Южный флигель (с Замкового двора). По краям этого дверного проёма стояли две кариатиды.

Альбрехт Бранденбургский для придания пышности своему герцогскому двору и его це-

ремониалу заказал ульмскому ювелиру Йобсту Фройденеру парадный меч. Это роскошное статусное оружие было декорировано в стиле раннего барокко и украшено на навершии своей серебряной рукояти барельефным портретным изображением Альбрехта и Доротеи (рис. 42). Этот меч стал для прусских королей коронационным и последний раз был взят в руки правителем Пруссии в январе 1861 г. при его коронации в Кёнигсберге. После этого исторического события и до 1945 г. сей меч хранился в берлинском замке Монбиху.

При Альбрехте Замок становится центром науки и культуры. В 1541 г. по приглашению герцога в Кёнигсберге гостит Николай Коперник, прибывший в Замок для лечения советника герцога. Вокруг последнего концентрируются не только протестантские проповедники, но и деятели нарождающихся в Германии гуманитарных и точных наук. В его замковых покоях не раз бывали библиотекари Полифем Голландский и Маттиус Мениус, географ Генрих Целль, составивший первые карты Пруссии, астролог Иоганн Карион и каббалист Николай Скалих. Этот неизвестный ранее хорват с 1561 г. живший в окрестностях Замка, стал последним фаворитом старого герцога. Не исключено, что любовь к астрономическим наблюдениям и гаданиям по звёздам отразилась на материальной культуре обитателей Замка. При раскопках подвала Западного флигеля в 2001 г. был найден фрагмент пивного кувшина с изображением астрологического символа Козерога (рис. 43). Видимо, тягу к звёздам в далёкую от нас эпоху Возрождения испытывали и замковые слуги. Ведь именно они бывали в подвале Западного флигеля в эпоху Альбрехта, где для слуг была устроены столовая и даже питейное заведение.

После смерти герцога Альбрехта, произошедшей 20 марта 1568 г. далеко от Кёнигсберга, в замке Тапиау (ныне – южная окраина г. Гвардейска), престол в Замке занимали его сын Альбрехт Фридрих и его опекун – герцог фон Бранденбург-Ансбах-Байрёйт Георг Фридрих. Этот уроженец Восточной Германии впервые в истории Пруссии взял курс на плотный политический контакт между своей родиной и Страной янтаря. До этого момента, в 1563 г. курфюрсты Бранденбурга получили Прусское герцогство в

ленное правление. Так был начат растянувшийся на столетия процесс собирания германских земель. Первым зримым шагом в этом направлении стал перенос столицы правителей герцогств Пруссии и Бранденбурга в Берлин, ближе к массиву германских земель. Эта важная для Замка Кёнигсберг перемена была произведена курфюрстом Георгом Фридрихом. Тем не менее Замок оставался средоточием административного управления для Пруссии.

Активно привлекая в свой двор в Замке своих земляков из герцогства Ансбах, Георг Фридрих стал испытывать неудобство из-за ограниченной площади помещений Замка. Поэтому он осуществил последнюю в его истории крупную перестройку, которая была уже упомянута выше. Именно тогда, после 1584 г. на третьем этаже Западного флигеля появился огромный, размерами 18 x 83 м зал для торжественных приёмов и празднеств. Его дизайн разработал и осуществил талантливый мастер Ганс Виндраух, чьё творение дожило до середины XX в. (рис. 44). Кроме того, росписи вновь появившихся на исходе эпохи Возрождения замковых палат осуществлял Ганс Хеннебергер, брат известного прусского краеведа Каспара Хеннебергера.

В отличие от большого зала в Северном флигеле, который заслуженно носил имя «Покои московитов» в честь первого посещения русскими гостями Замка в 1516 г., название зала в Западном флигеле возникло в 1810 г. как исторический курьёз. Здесь, конечно, тоже бывали наши соотечественники в Петровскую эпоху (Великое посольство 1697 г.), но «москвитами» русских тогда никто уже не называл.

1594 г. стал годом завершения оформления внешнего и внутреннего убранства Замковой кирхи, которым руководил мастер Ганс Висмар. К этому времени кирха была уже освящена и с 1591 г. надолго стала религиозным центром для Замка и его обитателей.

Курфюрсты Иоганн Сигизмунд и Георг Вильгельм В начале XVII в. своё внимание сосредоточили на замковом парке, позднее ставшим Королевским парком. Там возникли участки «королевской охоты» (стрельба из засады с гарантированным поражением зверя), являвшиеся, в сущности, зачатками зоопарка. Была обихожена грандиозная многовековая липа, существовав-

шая на окраине площади Параденплатц до начала XX в.

В 1640 г. герцогский трон в Замке Кёнигсберг занял молодой тогда Фридрих Вильгельм, впоследствии прозванный Великим курфюрстом (рис. 45). Вскоре в 1656 и 1657 гг. суверенитет Пруссии был подтверждён Швецией и Польшей. Результатом этого, в частности, стало создание в Пруссии самостоятельной судебной системы. Главой её являлся Верховный апелляционный суд, заседавший в Замке.

Великому курфюрсту в Замковом дворе в октябре 1663 г. принесли присягу администрация и горожане всех трёх городов (рис. 46). Тем самым было предотвращено восстание горожан, назревавшее против герцогской власти. Возможно, именно в память этого важного для истории Пруссии события на эркере, выступающем в сторону Замкового двора к югу от Ворот Альбрехта, был изображён герб Великого Курфюрста

При нём Пруссия стала уверенно обретать черты абсолютной монархии. Замок являлся достойной резиденцией властителей Пруссии. В его Восточном флигеле 11 июля 1657 г. родился сын Фридриха Вильгельма – будущий курфюрст Фридрих III. Его комната с роскошным ренессансным оформлением камина (рис. 47), сделанным из высококачественной глины, показывалась в числе культурных сокровищ Замка ещё в XX в.

Ко времени кончины Великого курфюрста, последовавшей в 1688 г., восприятие внешнего облика Замка современниками значительно изменилось. Если в середине XVI в. лишь побеленная Замковая башня выступала поверх остроконечных порталов застройки Альтштадта (рис. 48), а на планах 1581 (рис. 49) и 1590 гг. (рис. 50) Замок выделяется среди городской застройки красными черепичными крышами лишь оранжевым цветом своей черепицы, то в середине XVII в. ситуация меняется. На городском плане 1641 г. Замок буквально подавляет своей величественной массой домишки Альтштадта (рис. 51). Видимо, из пережитка орденового прошлого Замок стал восприниматься как центр административной и культурной жизни страны, как обитель абсолютного монарха.

Рис. 45

Рис. 40

Рис. 46

Рис. 41

Рис. 42

Рис. 44

Рис. 43

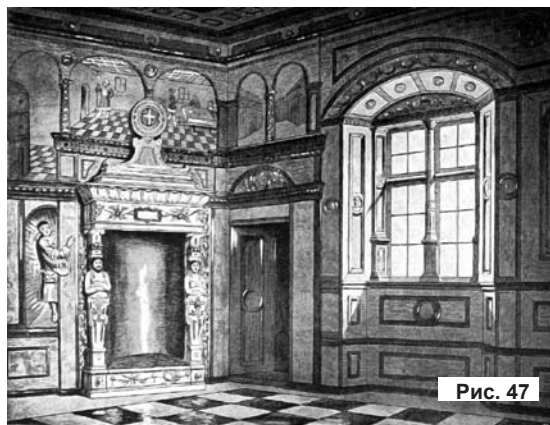

Рис. 47

Рис. 48

Рис. 49

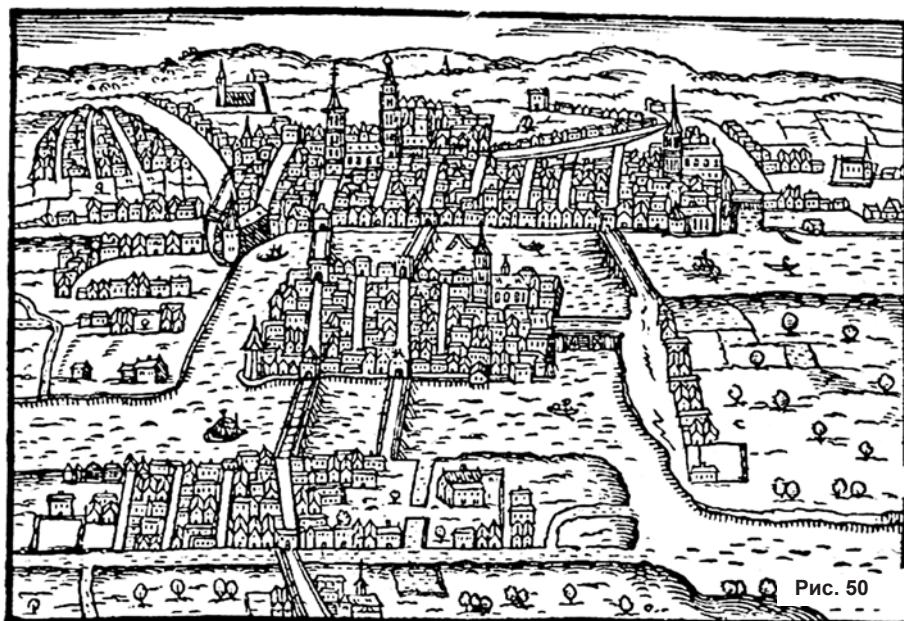

Рис. 50

Рис. 51

Праздник колбасы: языческое жертвоприношение и корпоративное торжество

Немного отвлечёмся от созерцания волшебных превращений Замка Кёнигсберг по мере развития прусской истории и посмотрим, какие праздничные торжества бушевали вокруг его стен. В городах, окружавших Замок, в эпоху правления герцога Альбрехта Бранденбургского происходили многие перемены. Возрождались цеховые организации, активно укреплялись внешние торговые и культурные связи. Стала открытой общественная жизнь прусской столицы. Её, освободившуюся от зловещих оков суровых католических норм поведения, буквально захлестнул вал праздников и разнообразных торжеств. Среди них видное место занимает всем известный Праздник колбасы.

Вот как это радостное событие в городской жизни описывает известнейший историк Кёнигсберга Фритц Гаузе: «Праздник длинной колбасы» проводился восемь раз, наиболее весёлым он был на Новый 1601 год. Если в 1520 г. колбаса имела длину лишь в 41 локоть (примерно 20 м – К.В.), то в 1601 г. она достигла невероятных размеров – 1005 локтей. Три мастера и 87 подмастерьев потратили на её изготовление 81 свиной окорок и 18 фунтов перца. 103 подмастерья в праздничной одежде несли на плечах колбасу весом в 885 фунтов. Со знамёнами и музыкой шествие двигалось от постоянного двора мясников к замку, где часть колбасы, длиной в 130 локтей, передали в качестве новогоднего подношения земельному правителю (то есть – герцогу или его представителю – К.В.). Далее колонна направилась к бургомистрам трёх городов. Закончилось шествие около постоянного двора пекарей в Лёбенихте, где мясники и пекари вместе съели значительный остаток колбасы и много другой еды».

Это празднество, судя по его описанию, на первый взгляд выглядит как прямая реклама продукции кёнигсбергского цеха мясников. Колбасное шествие начиналось на острове Кнайпхоф (ныне по недоразумению именуемого «островом Кан-та»), где располагались роскошные дома цехового руководства. Прошествовав по главной улице островного города (до 1724 г. Кёнигсберг составляли три торгово-ремесленных города), именовавшейся

Кнайпхофше Ланг-гассе (нем. «Кнайпхоповская Длинная Улица»). Выйдя из пределов Кнайпхофа через знаменитые Лавочные ворота (там ныне располагается ступенчатый подъём на эстакадный мост), мастера и подмастерья направлялись в Замок, где и слагали плод своего труда – длиннейшую колбасу – к ногам повелителя Прусского государства или же его местоблюстителя. Далее следовала дегустация, которую в замковом дворе осуществляли представители кёнигсбергской дворянской и торговой знати. Наконец, праздник финишировал в Лёбенихте, самом «народном» городе старого Кёнигсберга, доеданием колбасы и широким гулянием самих «виновников» праздника – мясников и колбасников. Подобная схема праздника на самом деле является не столько рекламой кёнигсбергских колбасных изделий (хотя не без того!), сколько отголоском тех жертвоприношений, которые проводились различными древнегерманскими племенами в начале I тысячелетия н.э.

Прежде всего на культовые истоки «Праздника длинной колбасы» указывает продукт, лежавший в основе этого торжества – свинина. Мясо свиньи являлось для кельтов и германцев священным. По-видимому, это стало следствием первичной доместикации именно свиньи, осуществлённой индоевропейцами ещё в эпоху неолита. «Салическая Правда», ставшая подлинным сводом законов (обычное право - *jus vulgaris*) для франков Меровингского времени, предполагала наказание за кражу предназначенных к жертвоприношению кабанов и свиней. Традиционным для многих германцев временем этого жертвоприношения был февраль, именовавшийся *Sporkelmonat* (нижнегерманское диалектное «пороссячий месяц»). Англы и саксы, в свою очередь, жертвовали богам скот в ноябре. Можно полагать, что основное жертвенное животное – кабан и связанные с ним продукты (мясо и жертвенная кровь, помещённые в кишки и превращённые в колбасу как продукт долгого хранения) приносились в жертву главам германского пантеона – Водану и Донару (позднее – Одину и Тору). Показательно, что в холодную пору года, время, самой природой предназначенное для потребления продуктов долгого хранения, приходится кёнигс-

бергский «Праздника длинной колбасы». Правда, точное время его проведения позднее было приурочено к христианскому Празднику Рождества, что нередко постигало в Западной и Восточной Европе праздники, возникшие в рамках отеческих культов в непроглядной древности.

В эпоху Возрождения параллельно с возродившимся интересом властей и самых разных слоёв европейского общества к дохристианскому прошлому своих народов во многих городах различных германских государств появляется традиция проведения колбасного праздника. Опираясь на глубинные культовые традиции, внешне эти торжества выглядели как триумфы чревоугодия, помогавшие выбрать горожанину наиболее достойного поставщика среди многочисленных мясных лавок. В Берлине такой праздник существует и сейчас в качестве своеобразной выставки достижений немецких специалистов мясного производства. До наших дней колбасный праздник, имеющий вид фестиваля и практически слившийся с торжеством ежегодного урожая (Oktoberfest), проводится в курортном городе на юго-западе Германии – в Бад Дюркхайме. В

специально построенных красочно украшенных павильонах гостям этого подлинно мясного фестиваля предлагаются на пробу образцы колбас из всех уголков Германии. Обязательной чертой колбасного праздника в Бад Дюркхайме является употребление сортов молодого вина – неременная черта Октябрьского праздника для рейнских земель.

Традиция колбасного праздника в 1961 г. перешагнула через Атлантический океан. Он укоренился в городке Нью-Браунфельсе (штат Техас), в XIX в. основанном выходцами из Германии.

Таким образом, праздник ароматного мяса, родившийся в начале I тысячелетия н.э. в тиши древнегерманских святилищ, гордо шагает по нашей планете, превратившись во всенародное торжество и слава лучших товаропроизводителей. А сценарий кёнигсбергского праздника колбасы особо выделяет Замок как место власти и законности, фактически заменяющий в умах горожан прежние места жертвоприношений у древних германцев и пруссов, для них также являвшиеся и культовыми, и административными центрами.

Первая коронация

В конце XVII в. правитель Пруссии курфюрст Фридрих III стремился вывести своё государство на арену международной политики. Важнейшее значение он придавал контактам со своим великим восточным соседом – Российским государством. Его владетель – молодой тогда царь Пётр прибыл в Кёнигсберг неофициально в составе Великого посольства в 1697 г. Без формального присутствия Русского царя Петра I Алексеевича (рис. 52) послы получили официальную аудиенцию у курфюрста Фридриха III в Замке. Именно тогда прусскому курфюрсту был вручён обильно украшенный драгоценными камнями скипетр. Этот торжественный жезл стал коронационной реликвией Пруссии.

В рамках многочисленных частных визитов Петра в Кёнигсберг в 1709-1711 г. он наверняка навещался в Замок, королевскую резиденцию. Официальный приём царя в Замке прошёл в 1711 г. Пётр I тщательно осмотрел его помещения, включая Зал Московитов и хранящуюся в Замке древнерусскую Радзивилловскую летопись. Именно тогда, на первичных этапах существования Прусского Королевства закладывались историческая традиция тесной дружбы, военного и политического сотрудничества между странами-соседями. Она длилась на протяжении двух веков и стала для Пруссии и России благотворным источником политической стабильности.

В 1698 г. молодой курфюрст заказал архитектору и скульптору Андреасу Шлютеру свой памятник в бронзе. Художник выполнил заказ, но по целому ряду причин памятник целый век простоял в Берлине без дела. Лишь 3 августа 1802 г. он нашёл своё место к востоку от Замка, на площади Шлоссплатц. В 2006 г. здесь, у западного фасада «дома советов» была предпринята попытка поставить памятник Ленину, перемещённый с площади Победы. Наличие на этом месте многометровых культурных напластований не дало легальной возможности утвердиться здесь бронзовому вождю.

Прусское герцогство оказало Священной Римской Империи германской нации необходимую помощь в Войне за испанское наследс-

тво, потрясшей Западную Европу на исходе XVII в. В благодарность за это австрийский Император Леопольд I Габсбург (1658-1705 гг.) даровал курфюрсту Фридриху III право на королевскую корону. По монархической европейской традиции право на повышение статуса державы и её правителя вручалось правителем более высокого статуса.

Ещё один атрибут коронационного таинства – династический Орден Чёрного Орла – был учреждён курфюрстом Фридрихом III за день до его коронации. Утверждение Ордена произошло в покоях Восточного флигеля Замка, где в зале, впоследствии названном Орлиным (Комната Ордена Чёрного Орла), собрались ближайшие сподвижники курфюрста. Они были облачены в красные плащи (рис. 53), что стало отличительным признаком убора членов Ордена Чёрного Орла (на орденских крестах он – тоже красный). Цепь этого ордена, ставшего высшей наградой Прусского Королевства, окружала гербовой щит нового государства (рис. 54). Бронзовые позолоченные детали такой цепи, некогда украшавшей герб Пруссии, висевший в Замковой кирхе, были найдены при раскопках подвала Западного флигеля Замка (рис. 55). Туда они попали после разрушения этажных перекрытий флигеля, ставших результатом бомбардировки 29 августа 1944 г. В центре крестообразной фигуры (геральдическая фигура «арматюра») с четырьмя королевскими коронами находился гордый девиз Ордена Чёрного Орла “Suum quique” (лат. «Каждому своё»). Повинуясь извращённому остроумию Генриха Гиммлера, лагерная администрация Освенцима распорядилась поместить этот девиз (в немецком варианте “Jedem das seine”) на воротах, ведших на лагерную территорию. Из этого видно, как относились вышедшие из слоя бюргеров нацистские бонзы к истинным благородным ценностям прусской государственной традиции.

18 января 1701 г. (в присутствии русского князя Ю.Ю. Трубецкого) состоялась первая коронация прусских короля и королевы. Она была осуществлена в аудиенц-зале Замка. При этом король сам возложил на своё чело корону, а за-

тем короновал и свою супругу Софию Шарлотту. Затем было миропомазание в Замковой кирхе на первом этаже Западного флигеля Замка. По длинной оси здания у стены, выходящей шестью высокими окнами на запад, рядом с органом кирхи был устроен королевский трон (рис. 56). Напротив него, у алтаря только что рукоположенный в епископы проповедник-кальвинист Урсинус начертал елеем знак креста на главе Фридриха (рис. 57). Тем самым он получил, как считалось, благословение Господа и из курфюрста превратился в короля. На ложах, расположенных в торцевых частях помещения Замковой (с 1701 г. – Коронационной) кирхи, на торжество взирал цвет прусского дворянства. Позднее на стенах кирхи в этих местах были размещены гербы подданных короля, награждённых Орденом Чёрного Орла.

Изготовленные специально для коронации 1701 г. две золотые короны (для короля Фридриха I и его жены Софии Шарлотты – рис. 58) с тех пор являются собственностью Династии Гогенцоллернов. Несмотря на то, что с ноября 1918 г. эта Династия уже не является правящей, до конца Второй Мировой войны в Берлине существовал её музей. Правда, после его разрушения при бомбардировке он не был восстановлен и хранившиеся там прусские короны были переданы в музей во Дворце Шарлоттенбург (Берлин). 7 июня 2006 г. в его залах в 14 часов 45 минут прозвенела тревога. Вско-

ре зазвучал повторный сигнал. Выяснилось, что некто пытался похитить прусские коронационные реликвии. Однако служители никого не нашли у витрин с коронами: вора спугнула вовремя сработавшая сигнализация. Здесь же хранится и коронационный меч герцогства Бранденбургского, который был вручён далёкому предку Фридриха I – герцогу Альбрехту Ахиллему римским папой Пием II в 1460 г.

Народное торжество, посвящённое коронации, проходило в Замковом дворе. Старший сын автора этих строк графически реконструировал иллюминацию, которой озарились стены Замка Кёнигсберг в ночь после торжества коронации (рис. 59).

Вскоре после этого, в 1709 г. на Пруссию обрушилось страшное горе – эпидемия чумы. Как считают многие историки, это смертоносное поветрие могли принести с собой многочисленные эмигранты, прибывавшие в Янтарный край из протестантских регионов Западной Европы. Там сторонники Реформы, во Франции и Бельгии получившие прозвание «гугеноты», подвергались гонениям и с надеждой на лучшую долю эмигрировали на запад в Америку и на восток в Пруссию.

Ввиду опасности чумы королевское правительство было вынуждено покинуть свою резиденцию в Замке и перебраться в город Велау (ныне – г. Гвардейск). Результатом страшной эпидемии стала гибель 9827 жителей трёх городов вокруг Замка Кёнигсберг.

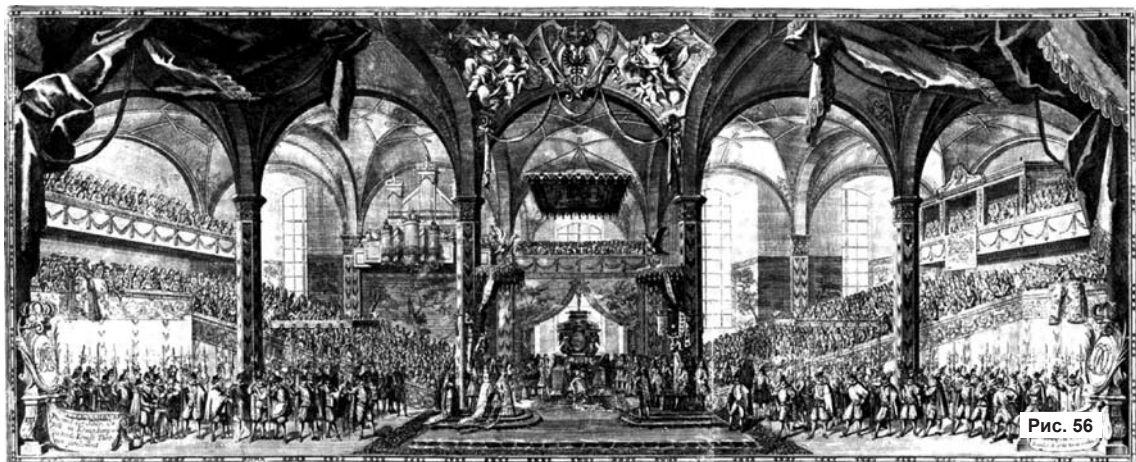

Рис. 56

Рис. 55

Рис. 54

Рис. 53

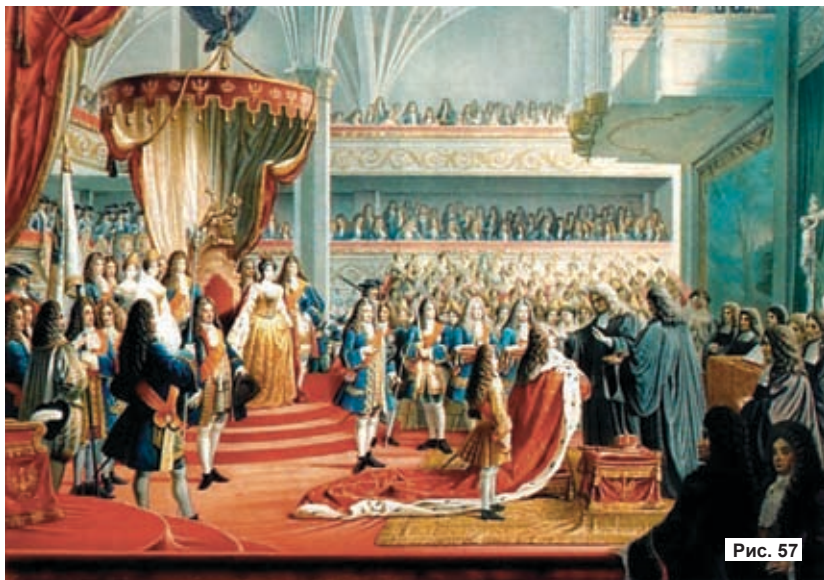

Рис. 57

Замок при русских и французах

Сменившим Фридриха I на троне королём стал его сын Фридрих Вильгельм I (правил с 1713 по 1740 гг.), прозванный за свою любовь к военным порядкам «Королём-солдатом». Проявляя больше интереса к плацам для армейских построений и манёвров, нежели чем к дворцовым церемониям, молодой правитель не часто жаловал Замок своим присутствием. Для своих дел он приспособил поместье Остау (ныне – восточная оконечность ул. Гагарина) и больше любил прилегающую Кёниг-штрассе (ныне – ул. Фрунзе), чем Замок Кёнигсберг. В отечественной истории мы найдём последователя традиций «короля-солдата». Это – его младший современник Павел I, который загородную Гатчину охотно предпочитал Зимнему Дворцу в Санкт-Петербурге.

Фридрих Вильгельм I, будучи скорее патриотом Берлина (с 1701 г – официальная столица Королевства Пруссия), нежели Кёнигсберга, в последнем активно стремился ввести бранденбургские порядки. В частности, раздробленная городская система Кёнигсберга весьма проигрывала по сравнению с чёткой административной организацией Берлина, объединённого ещё в 1709 г. из квази-городских поселений (Берлин, Кёльн, Фридрихсвердер, Доротеенштадт и Фридрихштадт).

Следствием этого 13 июня 1724 г. стало осуществлённое по королевскому указу объединение трёх старых городов в одну городскую агломерацию. Новый «столичный город-резиденция», раскинувшийся вокруг Замка, получил его имя – Кёнигсберг. Собственно, приведённая выше дата и соответствует времени официального рождения столицы Янтарного края – Города на Преголе, в котором живут и читатели этой книги. Благодарные подданные «Короля-солдата» в 1730 г. заказали ему памятник. Каменная статуя короля была изготовлена скульптором из Данцига (ныне – г. Гданьск) Иоганном Генрихом Майсснером. Это величественное изваяние (рис. 60), окружённое символами прусских воинских побед и даже скульптурами двух плененных турок (?) в цепях, с 1736 г. стояло в нише, украшавшей стену пархама у южной стены За-

мка. Помнится, осенью 1974 г. эта ниша была ещё видна, да и сейчас, несомненно, существует под слоем современной облицовки. Но послевоенная судьба скульптуры короля Фридриха Вильгельма I, первого памятника, поставленного на территории Кёнигсберга, не ясна...

Долгие годы почётный караул у памятника «Королю-солдату» несли воины в исторических мундирах 1-го Прусского гренадерского полка. Свои уникальные головные уборы, напоминавшие шлемы викингов и древних пруссов, они получили именно в правление Фридриха Вильгельма I. Бронзовое навершие такого шлема (рис. 61), украшенное королевской монограммой «RW» (“Rex Wilhelmus”) было найдено в 2004 г. при раскопках подвалов Западного флигеля Замка.

В отечественной истории Фридрих Вильгельм I известен тем, что в 1716 году подарил «янтарный кабинет» (рис. 62) русскому царю Петру I в знак укрепления дружбы между государствами-соседями. Это янтарное сокровище последние годы своего существования провело в Южном флигеле Замка. После 1945 г. Янтарная комната из мира реального перемещается в область мифологическую. Об этом мы поговорим чуть позже.

После смерти Фридриха Вильгельма I, последовавшей в 1740 г., ему наследовал его сын, известный как Фридрих II Великий и правивший до 1786 г. Этот подлинный «Король-полководец» не жаловал ни пышные дворцовые церемонии, ни Коронационный Замок Кёнигсберг. В него он прибыл 20 июля для принятия присяги от горожан и после её завершения спешно отбыл обратно в Бранденбург. Подлинной прусской столицей при Фридрихе II Гогенцоллерне являлся Берлин.

На 15-м году правления этого короля Замок отметил 500-летний юбилей своего основания. В честь этого события городским муниципалитетом (?) была отчеканена памятная серебряная медаль, на аверсе которой было представлено гипотетическое изображение древнейшего Замка. Напротив него, на острове Кнайпхоф представлен король Оттокар II Пржемысл, любую-

щийся сокровищами, добытыми им в походе на Самбию. Судя по поднятому большому пальцу правой руки (**рис. 63**), эти сокровища нравятся предводителю войска крестоносцев. Однако вскоре, в начале 1758 г. прусской столице и её центру – Замку, самим пришлось впервые за свою историю познакомиться с иноземными завоевателями. Это были воины Русской Армии, одержавшей серию побед в Семилетней войне. Впервые на полях сражений встретились Королевство Пруссия и Российская Империя.

22 января 1758 г. русская армия начала вступление в Кёнигсберг, сдавшийся без сопротивления. 24 января присяга на верность русской царице Елизавете Петровне принималась у городской элиты (включая философа Иммануила Канта) в Замковой кирхе. В конце 1760 г. в Пруссию губернатором был направлен В.И.Суворов, устроивший свою резиденцию в Замке с 5 января 1761 г. При русских губернаторах были окончательно завершены строительные работы, проводившиеся в Замке в «Здании Унфрида» и вокруг него.

Со смертью в 1761 г. царицы Елизаветы Петровны, последней прямой (пусть и по женской линии) представительницы Правящего Дома Романовых, на русский престол вступил племянник усопшей, сын герцога фон Гольштайн-Готторп Карл Петер Ульрих. В русской истории он известен под именем Петра III. С трудом воспринимая русские традиции, культуру и язык, молодой правитель не скрывал, что его идеалом является ... король Пруссии Фридрих II Великий, с которым Россия находилась в состоянии войны. Спеша устранить это досадное недоразумение, Пётр III 5 мая 1762 г. заключил с Пруссией мир. Все военные победы и политические достижения, основанные на крови, пролитой в войне русскими солдатами, были забыты. После подписания окончательного мирного договора 15 февраля 1763 г. над Замковой башней Кёнигсберга вновь взвилось королевское белое знамя с чёрным прусским орлом.

Однако память о вхождении «Кёнигсбергской губернии» в состав Российской Империи осталось, причём – в самом Кёнигсберге. Дело в том, что русской наградой, связываемой с Семилетней войной, была серебряная медаль,

посвящённая победе в битве при Кунерсдорфе, одержанной русскими войсками 1 августа 1759 г. В это время в Кёнигсберге уже стоял русский гарнизон. Отчеканенная в количестве 30000 экземпляров, медаль вручалась без ушка. Для крепления к мундиру русские воины припаивали к медали небольшие серебряные кольца. Такое кольцо есть и на такой медали, найденной в Кёнигсберге (**рис. 64**). Прусские купцы активно после войны скупали эти награды у русских ветеранов, дабы ослабить память об оккупации части Пруссии в правление славного короля Фридриха II. Такая медаль наверняка хранилась в музейных коллекциях Замка. Мы не знаем, прочитали или нет музейные сотрудники надпись, вычеканенную на реверсе этой награды – «Победителю над пруссаками».

После возвращения Кёнигсберга под власть прусской короны общегосударственное значение Замка и города постепенно слабело. Разумеется, в Замке продолжалось принятие присяги новым королям: в 1786 г. – Фридриху Вильгельму II и в 1798 г. – Фридриху Вильгельму III. Однако коронационные торжества в Замке в XVIII в. уже не проводились. Возможно, не последнюю роль сыграла здесь память о сдаче города и Замка без боя русским войскам в 1758 г. Очевидно, военные подразделения, оборонявшие Замок, не стремились рисковать красотой его построек и своими жизнями заодно, сдаваясь на милость победителей. Тем не менее гарнизон Кёнигсберга всегда был готов показать свою строевую подготовку. С эпохи Фридриха Великого это демонстрировалось между Замком и его форбургом, на площади Шлосс-платц, где осуществлялся ежедневный развод караула (**рис. 65**).

На рубеже XVIII-XIX вв. Замок являл картину скорее не твердыни фортификации, а некоего романтического места. Ещё был жив Иммануил Кант и ещё существовал его домик (**слева на рис. 66**) по ул. Принцессин-штрассе. Он был снесён позже, в 1893 г. и теперь над его руинами несётся поток машин, выезжающих с Ленинского проспекта на ул. Шевченко, огибая гостиницу «Калининград».

Новый XIX век начался для одноимённых Замка и города неблагоприятно. Стремясь скрыться от наступающей французской армии прус-

ский король Фридрих Вильгельм III с семьёй в конце 1806 г. прибыл из Берлина в Кёнигсберг и остановился в Замке. Ухудшение фронтовой (правда, фронтов как таковых в маневренных наполеоновских войнах не было) обстановки принудило королевскую семью 3 января 1807 г. покинуть стены бывшей орденой твердыни и через селение Кранц (ныне – г. Зеленоградск) устремиться на самую северо-восточную окраину Королевства – в г. Мемель (ныне – г. Клайпеда в Литве). Командующий кёнигсбергским гарнизоном генерал Рюхель начал было активную подготовку к обороне Замка, однако по королевскому приказу сдал его французам без боя. 16 июня 1807 г. в Замок, покинутый своими защитниками, вошли подразделения наполеоновского маршала Сульты. Сам Император прибыл лишь 10 июля 1807 г., после заключения Тильзитского мира. На 39 дней Замок стал собственностью Французской Империи, в нём разместились двор Наполеона, различные дворцовые и армейские службы.

По Тильзитскому миру Пруссия стала союзницей Франции и король смог в 1809 г. через Кёнигсберг (с остановкой на год в Замке) вернуться в Берлин. 12-16 июня 1812 г. Наполеон вновь останавливался в Замке на пути в Россию. Как известно, судьба Великой Армии на заснеженных русских просторах решилась плачевно. 5 января 1813 г. в город без боя вступили казацкие разъезды – передовые отряды Русской Армии. Вскоре в городе вновь появились русские солдаты и офицеры. Правда, Кёнигсберг уже не объявлялся частью Российской Империи, ибо наша Родина помогла союзной Пруссии отговать у противника свою древнюю столицу и восстановить над ней свой суверенитет. Однако Замок посетили новые гости – русские полководцы Михаила Илларионович Кутузов и Пётр Хрисанфович Витгенштейн.

Наполеоновские войны ещё раз доказали отсутствие у Замка оборонительных функций. В 1807 г. Замок без боя сдался французам Наполеона, в 1813 г. – русской армии, в ночь с 9 на 10 апреля 1945 г. – частям Красной Армии. О последнем эпизоде речь пойдёт в иных главах книги.

Лихолетья Семилетней войны и бури наполеоновского времени не затронули Замок.

В рамках тезиса “монархическому правлению – демократические основы” в эпоху короля Фридриха Вильгельма III происходила общая либерализация системы местного правления. Соответственно идеям этой очередной прусской “перестройки” в 1808 г. в Замке размещался провинциальное правительство и Верховный суд Восточной Пруссии. Замок, величественно высившийся в центре города (рис. 67), всё больше переходит в сферу административных функций городских властей, хотя формально этот архитектурный комплекс вплоть до 1918 г. был собственностью правящей династии Гогенцоллернов.

Мирный XIX в. Замок провёл, всё более превращаясь не только в архитектурную, но и в культурную доминанту города Кёнигсберга. Старые своды двух этажей подвалов Северного (Магистерского) флигеля, уже в XVIII в. приютившие винный погребок «Блютгерихт», стали привлекать не только обслуживающий персонал Замка (как до этого погребок в Западном флигеле), но и буржуазную и даже аристократическую публику. Они ежедневно сходились к западной части Замкового двора (рис. 68), где под старинной деревянной турнирной галереей в XVIII в. был пристроен маленький одноэтажный флигелёк (рис. 69). В одной из калининградских газет начала эпохи «перестройки» Отто Антес рассказал об имени «Блютгерихт» следующую легенду: «В давние времена жил в Кёнигсберге человек по имени Хазувайт (фамилия вполне догерманского происхождения – К.В.). В гневе он убил дворянина, посагнувшего на его ... честь. Судьи были непреклонны, не очень-то они интересовались житейскими причинами конфликта, а пунктуально придерживались буквы закона. За свой поступок Хазувайт был приговорён к смертной казни. И когда скорбный corteж ... проходил мимо замка, где уже тогда находился винный погребок, Хазувайт окликнул судью. «Господин судья, - сказал он, - я знаю, что вы большой поклонник хорошего вина, которое здесь подают. Как вы полагаете, если мы перед предстоящей трудной работой выпьем понемногу?» Судья поначалу опешил. Затем спросил: «Да ты в своём уме?» «По закону, - сказал Хазувайт, - каждый приговорённый к смерти имеет право на последнюю просьбу...» Читатель

уже догадался, что судья и палач, оказавшиеся любителями спиртного, не смогли отказать себе в удовольствии. В погребке они нагрузились вполне изрядно, чем Хазувайт воспользовался, да и был таков... С тех пор, как говорят, погребок и получил название "Blütgerucht" (нем «Кровавое правосудие»). Правда, ничего «кровоавого» (кроме очень красного вина) в легенде нет. Видно, прозвали так погребок от названия излюбленного в старой Германии блюда – тарелки с жареным мясом с кровью, которое так и называется - "Blütgerucht"...

По данным, собранным известным калининградским краеведом Н.А. Чебуркиным, следует, что в начале XVII в. в западной части Северного (Магистерского) флигеля находился суд, под которым располагались подвальные камеры с различными красноречивыми названиями типа «Перцовая комната». В эпоху правления короля Фридриха Вильгельма I жуткие подземные узилища арендует у королевской администрации некто Бальтазар Шиндельмайстер и превращает их в винные погреба. В 1799 г. подземные помещения, включавшие винные погребок и склады, принадлежавшими компании Кох и Рихтер, обретают название «Блютгерихт». Окончательный вид винного ресторана эти подвалы получают в 1827 г.

Ширина Центральных ворот Замка позволяла в XX в. подъезжать к историческому ресторану (именно так стал называться «Блютгерихт») даже на автомобилях (рис. 70). От входа в него вниз вели узкие средневековые лестницы (рис. 71), над которыми парило чучело пернатого хищника. Винные бутылки складывались здесь во всех удобных местах, даже – при входе в

ресторан. В нём существовали два крупных и несколько мелких залов (рис. 72), и во всех из них стояли бочки с вином (рис. 73). Фирменным напитком считалось красное густое вино «Турецкая кровь» (нем. «Türkenblut»), которое складировалось в подвале Западного флигеля Замка. Изображение на современной винной этикетке показывает принцип расположения винных бочек под средневековыми сводами (рис. 74). Проводившиеся здесь в 2002-2005 годах раскопки обнаружили не только винные бутылки XVIII-XX вв., но и мерную кружку для дегустации и разлива вина (рис. 75). Здесь его «бутылковали», в горлышки бутылок вставляли пробки и обёртывали специальной серебряной фольгой. Затем вино подавалось в соседний подвал, в ресторан. Всё это таинство длилось до весны 1945 г., когда тяготы военного лихолетья сделали посещение винного подвальчика неактуальными.

Легенда о «Кровавом суде», который некогда вершился в подвалах Северного флигеля и дал название винному ресторану, пока не находит исторического подтверждения. Однако не стоит полностью её отменить. Действительно, в редких случаях Замок служил тюрьмой. Например, в 1831 г. после подавления холерного бунта в подвалах Замка содержались несколько десятков горожан, восставших против «бездействия» властей в борьбе с эпидемией.

Однако органы правосудия оказались довольно поздно связанными с Северным флигелем. В 1810 г. была снесена его северо-восточная часть и на её месте по проекту берлинского инженера Симона было возведено здание Верховного земельного суда.

Рис. 63

Рис. 60

Рис. 61

Рис. 62

Рис. 68

Рис. 70

Рис. 65

Рис. 66

Рис. 64

Рис. 67

Рис. 69

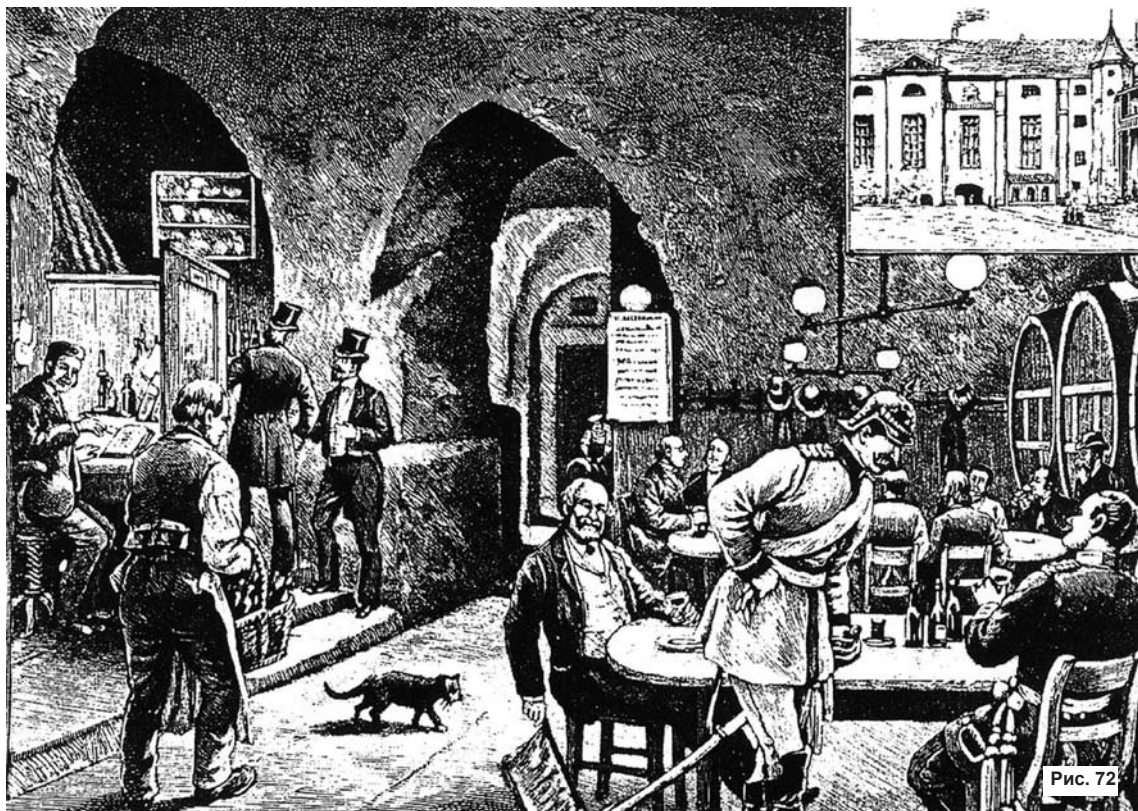

Рис. 72

Рис. 71

Рис. 74

Рис. 75

От последней коронации до последней выставки

18 октября 1861 г. в Замковой Кирхе состоялась последняя коронация прусского короля (рис. 76). Вильгельм I, сын Фридриха Вильгельма III, бывавший ещё ребёнком в Кёнигсберге в 1808 г., как и его далёкий предок Фридрих I, возложил корону на себя сам. Торжественный банкет после коронации происходил над Коронационной кирхой, в «Зале Московитов». Для создания пышности этой церемонии вход в северную лестничную башенку у внутренней части Западного флигеля Замка был оформлен в виде изящной лестницы. Её изгиб был украшен бронзовой фигурой курфюрста Фридриха II в одеянии рыцаря Ордена Лебедя (рис. 30). Также к коронации были подготовлены к осмотру две статуи в масштабе более человеческого роста: фигуры курфюрста Альбрехта Бранденбургского (рис. 77) работы профессора скульптуры Кёнигсбергской академии искусств Иоганна Фридриха Ройша и короля Фридриха I (автор памятника – Андреас Шлютер). На момент торжества они были временно поставлены в Замковом дворе у фонтана (бывший второй колодец Замка). Позднее, в 1891 г. статуя Альбрехта нашла своё место у башни Хабер-турм, а памятник Фридриху I вернулся на своё место к востоку от Замка, на площадь Шлосс-платц (место западной части древнего форбурга). Позднее и сам король Вильгельм I обрёл свой памятник (автор бронзового монумента – И.Ф. Ройш) с грозно поднятым прусским коронационным мечом (рис. 78, 78а). Этот памятник в 1894 г. занял место у юго-западной башни Замка – Хинтерстерорт-турм. Пространство к югу от этого памятника получило название площадь Императора Вильгельма I (Kaiser-Wilhelm-Platz).

Немалую роль при коронационных торжествах в 1861 г. имел и церемониальный прусский меч закона, изготовленный в 1778 г. (рис. 79) и хранившийся в Замке вплоть до середины XX в.

Убранство Замковой кирхи на первом этаже Западного флигеля Замка после последней коронации прусского властителя претерпело немного изменений и практически полностью погибло в трагическую ночь 29 августа 1944 г. под английскими фосфорными бомбами. До этой катастрофы как южная (рис. 80), так и северная (рис.

81) части зала кирхи сохраняли черты интерьера XVII-XIX вв. Важную роль при этом играли расположенные на стенах и на колоннах кирхи гербы кавалеров Ордена Чёрного Орла, придававшие её интерьеру пышный и неповторимый характер. Уже к началу XVIII в. восточный, выходящий на Замковый двор фасад Западного флигеля имел пристройку высотой во все три этажа (рис. 82). В ней размещался роскошный резной алтарь Замковой кирхи, выполненный в стиле барокко.

В начале XX в. бургомистры Кёнигсберга Герман Теодор Хофманн и Зигфрид Кёрте приложили много усилий к приданию городу современного облика. Немалую роль в этом сыграло благоустройство ближних окрестностей Замка. Правда, в рамках модернизации центра города не учитывались меры по охране памятников истории и культуры, что привело, в частности, к сносу в 1893 г. домика И. Канта к северо-западу от Замка.

Судя по кадастровому плану 1815 г., в начале XIX в. Замок был плотно окружён мелкой по своим площадям застройкой, шедшей зачастую по краю замкового пархама (рис. 83). Внешний периметр замковых стен был разномастно вымощен булыжником и выглядел неопрятно (рис. 84).

Для обустройства в самом конце XIX в. площади Кайзер-Вильгельм-платц были снесены дома северо-западной части Альтштадта. Был создан южный променад Замка (рис. 85) с нишей, содержащей статую короля Фридриха Вильгельма I (рис. 86). Этот променад надолго запомнился своей красотой всем кёнигсбержцам (рис. 87).

Начало XX в. для Замка было ознаменовано его включением в вихрь современных политических авантюр. В июле 1904 г. в помещении прусского Земельного суда в Северном флигеле Замка шёл процесс над немецкими социал-демократами, осуществлявшими в Пруссии (в том числе – в Кёнигсберге) печатание газеты «Искра» и контрабандно завозившие её в Россию. Преступников защищала группа «прогрессивных» адвокатов во главе с Карлом Либкнехтом, добившихся малых сроков лишения свободы для своих подзащитных. Видимо, подрывная работа в глу-

бинах Российской Империи, которой занимались немецкие и русские социал-демократы-«искровцы», была важна для II Германского Райха.

Если события, связанные с ходом I Мировой войны, буквально стучавшейся в восточные городские ворота Кёнигсберга, не отразились на жизни Замка, то революционные события 1918 г. пали тенью на его башни. На волнах ноябрьской революции в Кёнигсберге возникло Солдатское и матросское ополчение. Возглавлявший его комитет из семи членов самовольно занял одно из административных помещений Замка. Это ополчение, состоявшее из люмпенов, являлось «пятой колонной» для коммунистической угрозы, нависшей с востока над исторической Пруссией. К счастью, здоровые политические силы Кёнигсберга в марте 1919 г. на выборах депутатов в провинциальное и имперское национальные собрания отдали свои голоса умеренным социал-демократам, повернувшим пути развития Германии в сторону от большевистского тупика. В результате этого выбора 4 марта 1919 г. красные ополченцы были разогнаны силами верных порядку солдат Добровольческих корпусов.

После превращения провинции Восточная Пруссия в своеобразный «Имперский остров», в 1922 г. отрезанный по решению Версальского мирного конгресса от территории остальной Германии, Замок стал резко терять административное значение. Из его стен стали один за другим выезжать городские и провинциальные учреждения, получавшие более обширные офисы вне городского центра. На смену им в Замок вселялись структуры, связанные с музейным делом и с искусством. В юго-восточной части Замка с 1921 г. расположилось Городское собрание предметов искусства, в чьи фонды включались произведения известного прусского художника Ловиса Коринта (1858-1925 гг.). Формирование этого крупного художественного собрания активно поддерживал тогдашний обер-бургомистр Кёнигсберга Ганс Ломейер. С 1923 г. Южный флигель и части соседних флигелей Замка занимают залы и служебные помещения Музея «Пруссия». В его фонды вошла библиотека города Кёнигсберга. Как писал директор Городского собрания предметов искусства Замка Альфред Роде, Замок стал «впечатляющим историческим объектом, в котором строительная история, исторические залы и открытые (музейные – К.В.) собрания убедительно

отражают художественное, культурное и историческое развитие Восточной Пруссии».

После того, как в 1866 г. Замковая башня была отреставрирована (точнее – реновирована) по проекту архитектора Штюлера, её венчал псевдо-готическим шпиль (рис. 88). Он был сохранён и при последней реставрации Замка (рис. 89), прошедшей около 1938 г. В её ходе оформленный с 1866 г. с использованием псевдо-готических элементов (рис. 90) южный фронтон Западного флигеля получил декор в стиле барокко. После сноса стоявших поблизости домов Альтштадта Замок теперь можно было обозревать от реки Преголи во всей его красе (рис. 91).

Несмотря на все политические и экономические невзгоды, Замок продолжал хранить в своих стенах старые славные традиции Пруссии. Они тщательно поддерживались в годы подготовки к I Мировой войне. Так формировавшийся на территории провинции Восточная Пруссия I армейский корпус во время прохождения парадом по Замковому двору был почтён Высочайшим присутствием Кайзера Вильгельма II (рис. 92).

Даже в нелёгкие годы Веймарской республики на Замковом дворе нередко проходили парады, связанные с принятием подразделений кёнигсбергского гарнизона новобранцев и освящением знамён новых полков. При этом у внутреннего фасада Северного флигеля, где до самого конца жизни Замка располагался Верховный земельный суд, играла музыкальная команда 43-го полка. При этом выделялся «впряжённый» в тележку с огромным барабаном пёс породы сенбернар (рис. 93). Такого пса вместе со всей музыкальной амуницией этот полк захватил у австрийцев в славной для прусского оружия битве при Кёниггреце (ныне – Градец Кралове в Чехии) 3 июля 1866 г.

Существовавшая с XVII в. (?) традиция развода караула у Восточных (Альбрехтовских) ворот Замка (рис. 94) продолжалась и после прихода нацистов к власти. После учреждения в 1936 г. Вермахта с его новыми знамёнами марш караула, начинавшийся под полковую музыку у Россгартенских казарм (поблизости от современного Музея Янтаря), проводился как с новыми, так и со старыми знамёнами (на рис. 95 видно знамя 1-го полка пехоты артиллерии с традиционным прусским орлом).

В годы II Мировой войны партийный руководитель Восточной Пруссии (по нацистской терминологии – «гауляйтер») Эрих Кох, занимавший свой пост в 1927-1945 гг., стремился показать стабильность всех форм общественной жизни в Кёнигсберге. Так опосредовано подчёркивалась незыблемость побед Вермахта в столь близких к Кёнигсбергу русских землях. До этого выставочная и общественная деятельность музеев Замка нам мало известна. Лишь отрывочные сведения сохранились о выставке «Серебряные и золотые находки из восточно-прусской доистории» (1929 г.). В ходе этой выставки в трёх витринах экспонировались элитные украшения и клады римского времени и эпохи викингов, являвшиеся результатами интенсивной янтарной торговли, проводившейся местным населением. Летом и осенью 1937 г. в северной части Западного флигеля (в «Башне скорняка»?) проходила Викингская выставка. Её логотипом были слова: «Нордические волны народов – в стремнине времени». В небольшом зале полукруглой в плане формы экспонировались стенды с рисунками, планами и фото новейших достижений скандинавской археологии. На витрине, озаглавленной «Кауп у Вискиаутен, могильник викингов», посетителям были представлены результаты новейших раскопок, проведённых немецкими и шведскими археологами на крупнейшем в исторической Пруссии памятнике археологии (окрестности современного г. Зеленоградска), оставленным викингами в IX-XI вв.

Последней выставкой археологических экспонатов, открытой в 1944 (?) году и пережившей

августовскую бомбардировку, является специальная экспозиция (Sonderausstellung, выставка, предназначавшаяся для транспортировки и показа в различных музеях) «Лошадь в доистории Восточной Пруссии». Очевидно, её курировал специалист по конскому снаряжению Балтии Вольфганг Ла Бом, руководитель Департамента древностей Восточной Пруссии.

Находка, сделанная при раскопках руин «Здания Унфрида» - плакетка из «бисквита» (рис. 96), изготовленная по эскизу профессора скульптуры Академии искусств Пруссии Ганса Висселя - свидетельствует о состоявшемся в 1937 г. здесь, в залах Городского собрания предметов искусства ежегодном сборе Художественного союза Пруссии (Кёнигсберга?).

В рамках упомянутой выше политической линии гауляйтер Эрих Кох поддержал идею открытия в 1942 г. на втором этаже Южного флигеля Замка экспозиции Янтарной комнаты, украденной (зачем скрывать правду!) нацистами в Екатерининском дворце Царского села (тогда – г. Пушкин) в окрестностях Северной столицы России. Сам Замок носители новой идеологии также пытались использовать в её целях. Он был пышно расцвечен красными партийными знамёнами (рис. 97) к четвёртому за историю Кёнигсберга посещению Гитлера, которое, возможно, было связано с присоединением к Германии 22 марта 1939 года Клайпедского края, осуществлённого по итогам народного референдума. Гитлер мог тогда выступить с речью в «Зале Московитов», что перед самым началом войны должно было выглядеть символично.

Рис. 80

Рис. 81

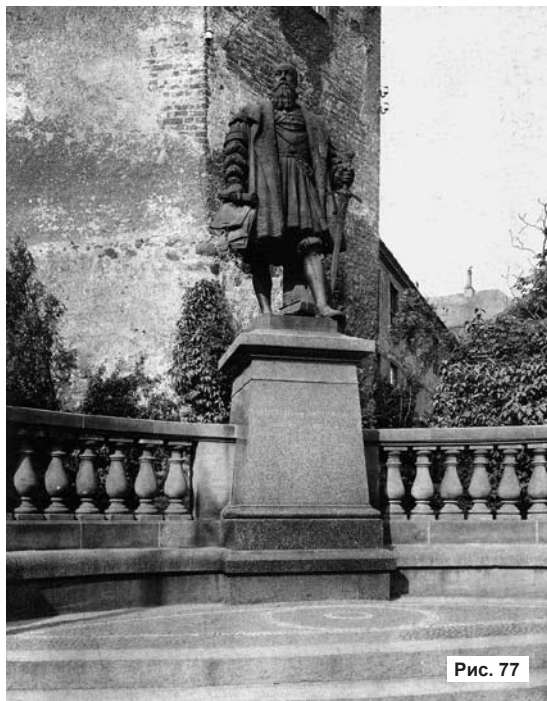

Рис. 77

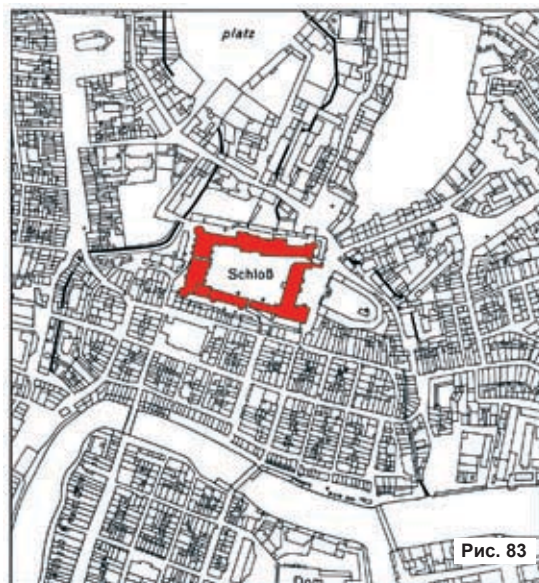

Рис. 83

Рис. 85

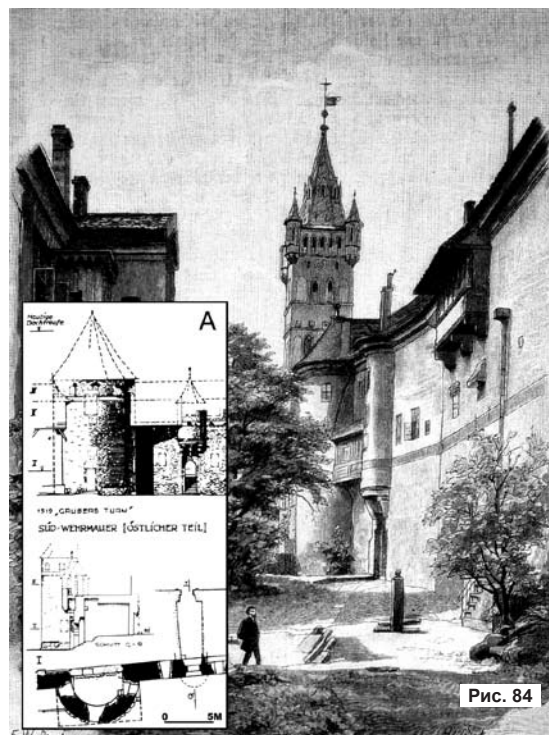

Рис. 84

Рис. 86

Рис. 87

Рис. 88

Рис. 79

Рис. 82

Рис. 92

Рис. 89

Рис. 96

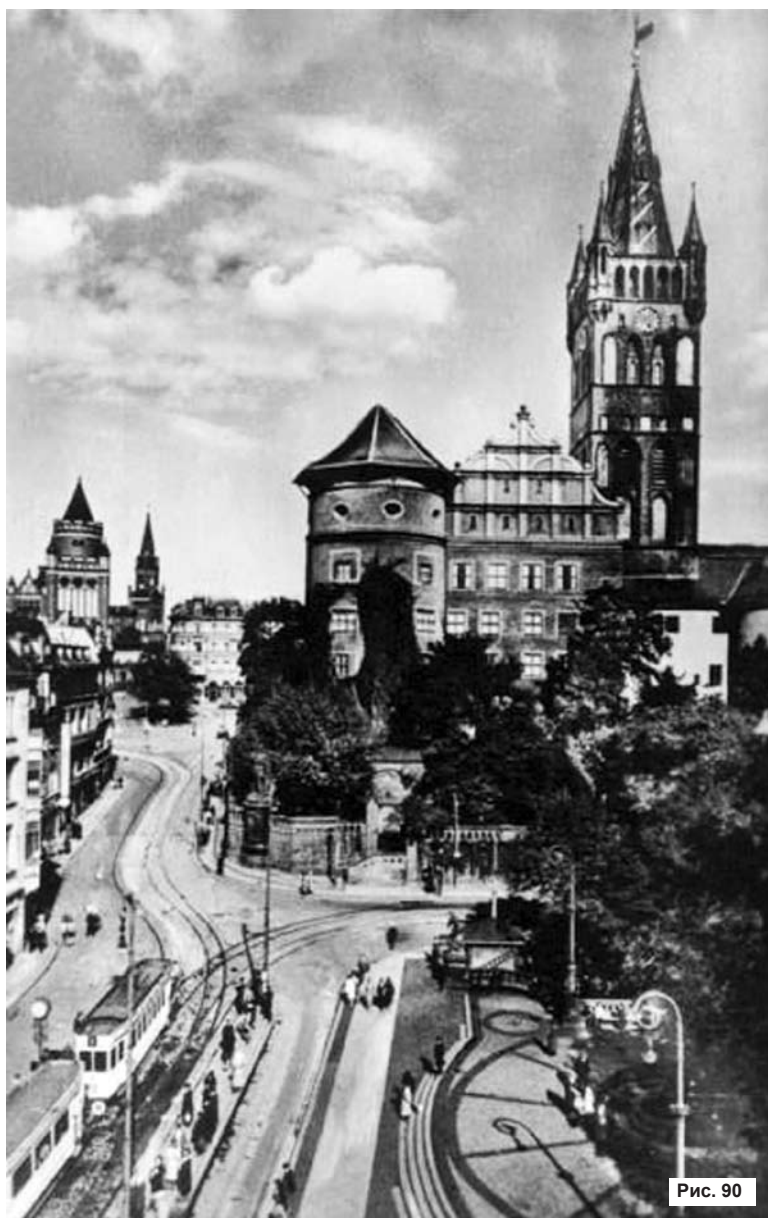

Рис. 90

Рис. 91

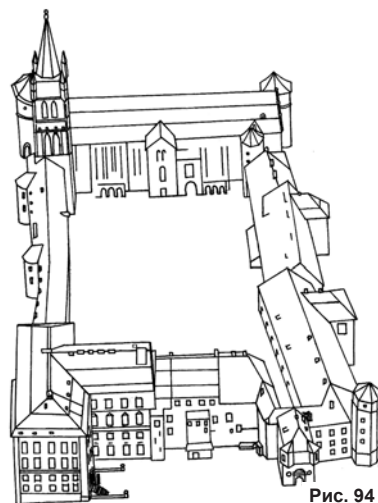

Рис. 94

Рис. 95

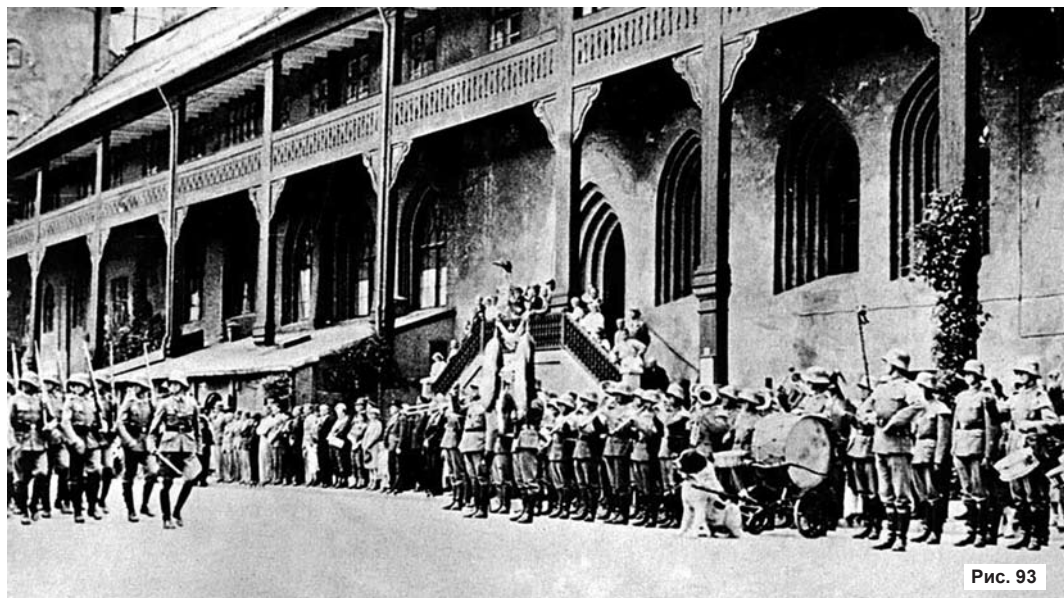

Рис. 93

Рис. 97

Замок в 1944-1945 годах

Многочисленные свидетельства, неоднократно публиковавшиеся поисковиком А.П. Овсяновым, указывают на то, что в военные годы в Замке, очевидно – на базе Городского собрания предметов искусства, возглавлявшегося тогда Альфредом Роде, координировалось хранение и транспортировка культурных ценностей, украденных нацистами из различных оккупированных Вермахтом стран. Как считали творцы бесчисленных «версий» для поисковиков, вокруг Замка были созданы или расширены многочисленные подземелья, в которых и разместились часть упомянутых ценностей. Пока под землёй из этих сокровищ мировой культуры ничего не найдено. Но вскоре в Замке стало не до предметов искусства. На шестом году войны смертельная опасность нависла над городом.

В страшные ночи с 29 на 30 августа 1944 г. рёв бесчисленных английских бомбардировщиков накрыл старый город. Союзники в борьбе против гитлеровской Германии распространили на Кёнигсберг свою тактику массированных, практически полностью безнаказанных налётов бомбардировщиков на немецкие исторические города. Так, очевидно, англичане мстили за разрушения Лондона и других городов островной империи в неудачной для Германии операции, в ходе которой Англия, вопреки планам Гитлера, так и не была оккупирована.

В конце августа 1944 г. армада английских и американских бомбардировщиков достигла Восточной Пруссии (**рис. 98**). Этой чудовищной акции предшествовали полёты для проведения аэрофотосъёмки центра Кёнигсберга для выяснения наличия (точнее – отсутствия) средств воздушной обороны. На этих снимках, сохранившийся на территории бывшей зоны оккупации Западной Германии союзниками, прекрасно виден ещё не разрушенный Замок (**рис. 99**). Сначала в ночь с 26 на 27 августа был осуществлён налёт на северную часть Кёнигсберга.

Через две ночи многочисленные зажигательные бомбы обрушились на Замок. Его кровли и крыши соседних домов запылали. Небо над Кёнигсбергом отражало адский пожар, охвативший исторический центр города (**рис. 100**).

Следы этого страшного пожара, сохранённые землей Калининграда, были найдены в ходе зимних раскопок 1999 г. в западной части Московского проспекта. Августовский бомбовый удар, направленный прежде всего против мирного населения, являлся актом устрашения и одновременно лишил европейскую культуру множества её уникальных ценностей. Среди них был и Замок. Его разрушения в ходе последующих апрельских боёв 1945 г. не идут ни в какое сравнение с трагедией страшного конца лета 1944 г. Воистину этот акт вандализма наряду с уничтожением Дрездена можно считать европейским прологом к трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Правда, полной катастрофой для строений Замка адская ночь в августе 1944 г. не стала. Фотодокументы показывают уничтожение элементов замковых конструкций, изготовленных из дерева (кровли) и прочих нестойких материалов (черепица, медь, стекло). Стены Замка в целом перенесли ужасы союзной бомбардировки (**рис. 101**). Осколки бомб сильно посекали облицовку стен Замка. Сильно пострадал вход в Музей «Пруссия» (**рис. 102**), располагавшийся в северо-восточной части Западного флигеля.

Согласно советской пропаганде, оборонявшие Замок фашисты отчаянно защищались. Обстрел Замка от памятника Бисмарку, стоявшему на южной оконечности площади Кайзер-Вильгельм-платц, и страшный пожар в Замке показаны на картине художника Н.Ф. Сачко, написанной в 1945 г. по горячим следам штурма Кёнигсберга (**рис. 103**). Вид поверженной орденой твердыни использован в печатной фронтовой агитации (**рис. 104**). На самом деле обстрелу в первые дни победного апреля 1945 г. подверглись окна башни Хинтерстерорт-турм (**рис. 105**), где, как рассказывают очевидцы, засел немецкий артиллерийский наблюдатель-корректировщик. Удачным выстрелом он был сбит и на этом обстрел прекратился. Состояние руин Замка, зафиксированное примерно в 1951 г. А.В. Максимовым (**рис. 106**), не выглядит катастрофическим. Правда, не знаю, уместны ли вообще слова «не выглядит катастрофическим...»

при разрушении уникального памятника истории и культуры...

Дело в том, что защитники Замка, судя по всему, не оказывали сопротивления войнам Красной Армии. Так реализовалась традиция «непротивления силе», неоднократно опробованная в истории Замка. В 1945 г. на защиту Замка были собраны ополченцы (Volkssturm). Кёнигсбергское ополчение было создано из граждан непризывных возрастов и непригодных к службе в Вермахте по приказу, изданному 5 февраля 1945 г. крайслейтером (партийным руководителем округа и города Кёнигсберг) Эрнстом Вагнером. Он же и возглавил весной этого года оборону Замка.

Не желая и не умея сражаться, всё своё снаряжение – каски образца 1942 г., карабины «Mauser 98k» с коротким стволом, редко – автоматы MP-40 (в народе они именуются «Шмайсерами») – ополченцы побросали в подвалы Замка, в основном – под Замковую кирху. Здесь лежал лишь один современный по тем временам ствол – штурмовая винтовка StG-44. Там это всё и было найдено в совершенно корродированном состоянии при раскопках 2001-2005 годов. Почему это оружие не собрали советские трофейные команды – не понятно. Возможно, после выжигания винного склада (есть такая современная легенда) в подвале Западного флигеля было трудно что-либо разобрать...

В раскопе были обнаружены даже остатки советского автомата ППШ, приспособленного к ношению при помощи проволоки. Видимо, в первые послевоенные годы детям первых переселенцев всё же престижнее было играть с советским оружием, чем с немецкими «трофейными» стволами. Не забывайте: с детскими игрушками в то суровое время было напряжённо...

В Западном флигеле Замка член партийного руководства «города-крепости» Кёнигсберг крайслейтер Эрнст Вагнер планировал устроить свой командный пункт. Если верить данным, приведённым в книге А. Орлова и Е. Стороженко, эту строительную акцию готовили советник по высотному строительству Ганс Герлах и советник по подземному строительству Эрнст Мунир. Мощные кирпичные пилоны, построенные в начале 1945 г. 5-м сапёрным батальоном и сапёрным штабом специального назначения (?), были призваны стать осно-

ванием для укрытия партруководителей. Но далее по объективным работам работа не продвигалась и партийные бонзы оказались без надлежащего убежища в Замке. Очевидно, это лишило их, храбрых лишь в своих зажигательных речах, последних крупниц воли к сопротивлению. Эрнст Вагнер распорядился о размещении в недостроенном (?) командном пункте лишь штаба одного батальона Фолькштурма, солдаты (точнее – около 200 гражданских лиц с карабинами «Маузер») которого оказались фактически единственными защитниками Замка. Его оборона оказалась пропагандистской акцией нацистского партийного руководства Кёнигсберга. Необученные, плохо вооружённые, ополченцы «Народной Армии» находились под общим руководством райхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Их формирования служили скорее пропагандистским целям, нежели могли стать реальной преградой на победоносном пути Красной Армии. Стены многих немецких городов (включая, несомненно, стены Замка Кёнигсберг) были оклеены многочисленными, отпечатанными в спешке плакатами, призывающими ополченцев к борьбе «за свободу и жизнь» (рис. 107). Но все пропагандистские заклинания были напрасны: военная машина Германии была обречена на поражение.

Как пишет в своей книге Юрген Торвальд, в 1 час ночи 9 апреля 1945 г. комендант гарнизона Кёнигсберга генерал Отто Ляш (1893-1971 гг.) говорил советскому полковнику, пришедшему на переговоры о капитуляции «...что он не может гарантировать подчинение различных частей СС, службы безопасности и членов партии. Он сообщил, что оставшиеся партийные чиновники забаррикадировались в замке, приблизительно в 180 м от его убежища, и следует ожидать их сопротивления до конца... эти чиновники сообщили всего час назад, что он и его штаб будут взорваны, если сдадутся». В момент этих переговоров советские передовые части уже находились у южных стен Замка.

Согласно приведённого А.П. Овсяновым в одной из его многочисленных книг (1998 г.) свидетельству командующего 11 Гвардейской армии генерала К.Н. Галицкого, Замок защищали не только «отряды нацистов» (на самом деле – бойцы Фолькштурма под «командованием» партийных чиновников), но и «специальные офицерские отряды 69-й пехотной дивизии». Что это за подраз-

деление, не ясно. Первыми в Замок через проломы в стенах ворвались бойцы 169-го Гвардейского полка подполковника А.М. Иванникова (1-я Московская дивизия). Как вспоминал советский военачальник, бой в Замке длился более трёх часов и завершился к 19 часам 9 апреля 1945 г. Правда, следов этого боя в виде стреляных гильз, следов на полах и на стенах от осколков гранат и пуль при раскопках не обнаружено.

Не было никаких обещанных партчиновниками взрывов командного пункта генерала Ляша. Нет никаких свидетельств о серьёзном штурме Замка. Пожалуй, самыми заметными следами

советских снарядов является повреждение центральной части восточного фасада Замковой башни, вызвавшее обвал части её стены.

По данным Отто Ляша, в 1 ночи 10 апреля в подвалах Замка появился советский офицер с требованием капитуляции. Скорее всего, партийные функционеры к этому времени уже спешно покинули стены прусской твердыни. Возможно, это произошло по подземному ходу (сообщение архитектора и краеведа А.В. Максимова), пронизавшему толщу земли в южном направлении от Замка. Оказывается, таких ходов под Замком было немало.

Рис. 98

Рис. 107

Рис. 104

Рис. 106

Рис. 99

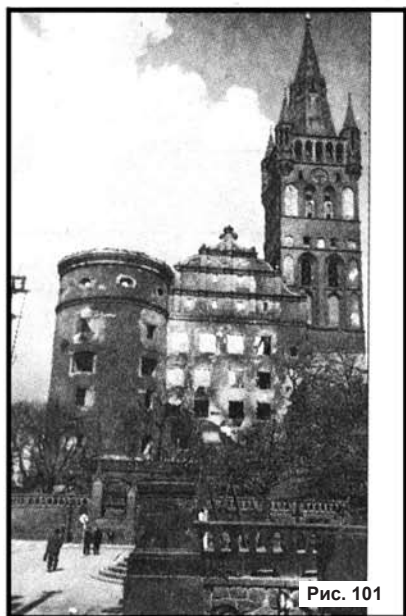

Рис. 101

Рис. 105

Рис. 102

Рис. 103

Рис. 100

Подземелья Замка Кенигсберг

Ещё в эпоху герцога Альбрехта Бранденбургского, как свидетельствует известный историк Кёнигсберга Фритц Гаузе, существовал подземный ход, ведущий из правительственных помещений в Северном (Магистерском) флигеле Замка через северный прахам (ров, заполненный водой, со стенками, обложенными кирпичом) к залу для ассамблей (т.е. – для балов и приёмов), а также и к садовому участку, входившему в замковые землевладения.

Тогда же, в XVI в. в письменных источниках упоминается подземный ход из Южного флигеля Замка в направлении р. Преголи. Начало этого хода располагается в той части Южного флигеля, которая примыкает непосредственно к Замковой башне. По этому ходу обитатели Замка могли быстро и незаметно появиться на богослужении в Альтштадской кирхе.

Из юго-восточной оконечности Замка, в 1701-1705 гг. перекрытой «Зданием Унфрида», ещё в XIV-XV вв. был устроен подземный ход, ведущий в южном направлении. Он обладает сводчатым потолком, сложенным из большемерного позднесредневекового кирпича. Некоторые кирпичи обладают «торговыми марками» их производителей – отпечатками лап собак. Высота этого хода достигает 2 м, ширина – не менее 1,5 м. В трех случаях в стене хода отмечено наличие плоских декоративных кирпичей, покрытых зелёной или бежевой поливой. Это – детали декоративного убранства, относящиеся к роскошному зданию, разобранному ко времени сооружения этого подземного хода. Как вспоминает Виталий Иванов, в 1967 г. бывший прорабом на работах по демонтажу руин Замка, по этому ходу он и его коллеги прошли несколько сот метров, пока не приблизились к затопленному водами р. Преголи участку. Тогда пришлось возвращаться. Не исключено, что этот ход ведёт под дном реки в направлении Домского собора. В таком случае по нему обитатели Замка могли быстро попадать на богослужение в центральном храме города. Видимо, это должно было быть актуальным до 1525 г., когда Домский собор превратился в лютеранскую кирху. Церковные нормы стали мягче и посещение мессы перестало быть обязательным для прихожан.

4 декабря 2006 г. юго-восточный подземный ход был найден при раскопках руин Замка, проводившихся Балтийской экспедицией ИА РАН при активной участии Областного историко-художественного музея и при финансовой поддержке главной редакции журнала “Der Spiegel”. Фрагмент хода, так и не разрушенный в 1967-1970 гг. при полном уничтожении Замка, был расчищен в длину примерно на 20 м и ждёт своей музеификации.

Перед этим ходом и под его сводами, по словам прораба В. Иванова, было найдено большое количество медицинского оборудования. Очевидно, здесь весной 1945 г. мог располагаться склад медсанчасти Фольксштурма. Кроме того, в ходе раскопок здесь же были найдены пистолет, остатки офицерской ременной портупеи и несколько касок, брошенных на слой пожарища августа 1944 г. (рис. 108). Похоже на то, что защитники Замка, имевшие большие (судя по элитному пистолету) военные или партийные чины, бежали через подземный ход не позднее ночи с 9 на 10 апреля 1945 г. Перед этим бегством они избавились от военных «улик» с тем, чтобы в тылу передовой линии советских войск превратиться в мирных беженцев. Итак, в свою последнюю битву Замок не сдался потому, что его защитники ... просто разбежались. Возможно, к этому бегству ход был подготовлен: по его правой стене сохранились кронштейны для крепления двух довольно толстых электрокабелей (для освещения хода?). По левой стене идёт водопроводная труба, положенная здесь в 1945 г. для откачки воды из хода. Очевидно, он проходил под р. Преголей. В стенах хода отмечены у пола обработанные валуны. Выше их стены сложены из большемерных кирпичей XIV-XV вв. Некоторые кирпичи имеют более поздний облик и являются следами починок, проводившихся в этом ходе в XVII-XIX вв.

В ходе раскопок, производившиеся в этом подземном ходе в декабре 2006 г., были сделаны некие совершенно неожиданные находки, которые могут пролить свет на условия бегства по этому ходу последних защитников Замка. Примерно в 12 м от входа в это подземелье мы нашли пустую поллитровую бутылку от спирта. Как уже указывалось выше,

в ближайшем подвале, занятом Замковой котельной, располагался медицинский склад лазарета батальона Фолькштурма. Возможно, именно из этого склада сия бутылка и происходила. Рядом с нею лежала часть бутылки с минеральной водой, горлышко которой было запечатано фаянсовой пробкой с маркой фирмы «А.О.Кемпка». Этот комплекс, составленным сосудами с горячительным и смягчающим напитками, мог быть оставлен беглецами как свое рода жидкая «бомба» для преследователей. Она, как полагали убежавшие нацисты, могла задержать красноармейцев. Погода в ту ночь с 9 на 10 апреля 1945 г. не отличалась теплом и погреться захотелось бы любому... Чем закончилась для беглецов их ретирата, мы

точно никогда не узнаем, но то, что спирт был выпит (пробка от сосуда не была найдена) – за это можно ручаться. При этом минеральная вода (бутылка с ней так и не была откупорена) никого не заинтересовала.

Несмотря на жёсткие указания партийно-правительственных органов на неукоснительное снесение Замка с лица земли, юго-восточный подземный ход до конца в 1969 г. и позже уничтожен не был (рис. 109). Быть может, из-за того, что и так был ниже «лица земли», на котором с 1980 г. активно создавался облик Центральной площади г. Калининграда как места торжественных митингов и шумных народных гуляний.

Рис. 109

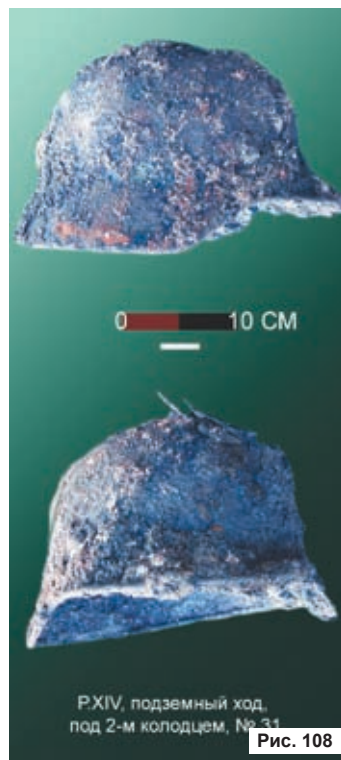

Рис. 108

Замковые помещения в середине XX века

Какие же службы и учреждения располагались в Замке на момент несостоявшегося штурма страшным для Кёнигсберга апрельским утром 1945 г.? Что застали в замковых стенах советские воины-освободители?

В 1935-1944 гг., когда Замок находился под управлением Ведомства государственных дворцов и парков в Пруссии (г. Берлин), подразделения музея распределялись в помещениях Замка следующим образом:

Западный флигель в Новое и Новейшее время был занят на его 1-3 этажах Замковой кирхой, в которой ранее проходили коронационные торжества. Согласно Путеводителя 1938 г., вход в кирху был свободным. К сожалению, всё её роскошное убранство выгорело дотла под английскими бомбами в страшную ночь с 29 на 30 августа 1944 г.

Четвёртый этаж этой части Королевского Замка по памяти Великого посольства 1697 г. был назван *Moskowitergemach* («Покои Московитов»). Здесь 30 сентября 1881 г. была открыта военно-историческая экспозиция Музея «Пруссия» (с 27 ноября 1925 г. – «Зал Восточно-прусской славы») после общего перемещения экспозиции из Замковой Башни (рис. 110) в пять новых помещений в Северном и Западном флигелях Замка. На самом логотипе Общества по изучению древностей «Пруссия», в состав которого входил упомянутый музей, высилась упомянутая Замковая башня (рис. 111) – историческая и культурная ось Кёнигсберга.

Уже с начала XIX в. (?) в Замке сохранялись воинские реликвии. Все они впоследствии выставлялись в Зале Восточно-прусской славы. 24 апреля 1924 г. в Музей «Пруссия» были переданы полковые знамёна воинских частей, участвовавших в битве при Танненберге в августе 1914 г. Они также получили почётное место в «Зале Московитов». В 1944 г. знамена были вместе с многими другими экспонатами Музея «Пруссия» эвакуированы в замок Лохштедт (ныне – окрестности г. Балтийска), где были повреждены в ходе бомбёжек и боёв в 1945 г. и окончательно утрачены в 1947 г. в

результате разрушения замка группой Калининградского Управления культуры под руководством А.П. Бойко по случаю сооружения контрольно-пропускного пункта на г. Балтийск.

Вдоль лестницы, по которой посетители поднимались в этот зал, располагались живописные полотна с восточно-прусскими ландшафтами и портреты знаменитых исторических деятелей. Над входом в зал была сохранена часть потолка эпохи Ренессанса. Здесь располагались антикварные шкафы местного производства и стол, на который возлагались прусские короны в церемонии 1701 г. (?). На специальном деревянном балконе, расположенном на восточной стене зала, экспонировались полковые знамёна XVIII в. В зале располагалась экспозиция, включавшая предметы воинского снаряжения (рис. 112) и вооружения (рис. 113). Среди экспонатов были представлены знаки и ордена, униформы, планы сражений, модели старинных пушек и фортификационных сооружений. Здесь также находились нумизматические и сфрагистические коллекции. Возможно, монеты в этой коллекции относились к прусской чеканке Нового и Новейшего времени. Не эту ли коллекцию в 50-х годах нашли «искатели», которые, как подчёркивает А.П. Овсянов, определили вес этой коллекции в 10 кг серебра? Одна из монет, хранившихся в витринах на четвёртом этаже Западного флигеля, при его разрушении упала вниз и оказалась в проёме 2 восточного фасада подвала этого флигеля. Этот экспонат – редкая монета достоинством 5 марок, чеканенная в недолгие месяцы правления одного из самых загадочных монархов Пруссии и германских властителей – Кайзера Фридриха III (рис. 114). Он правил в 1888 г. девятью девятью дней, но до этого, за время пребывания наследным принцем успел помочь становлению прусской археологии. Именно при его поддержке была сформирована прусская экспозиция на выставке, приуроченной к работе XI Съезда Немецкого антропологического общества. Эта выставка экспонировалась в Берлине с 5 по 21 августа 1880 г. и прусская археологическая экспозиция потрясла зрителей

своим уникальным научным значением. Именно с этой выставки начался взлёт прусской археологии, на материалах которой по сей день зиждится хронологическая система европейских древностей I тысячелетия нашей эры. Результатом поддержки кронпринца стало, в частности, расширение экспозиции и фондов тогдашнего Провинциального Восточно-прусского музея, в начале XX в. реорганизованного в Музей «Пруссия».

Завершая строки о музейной экспозиции в «Покоях Московитов», стоит упомянуть о его историческом интерьере (рис. 115), который сам по себе являлся интереснейшим объектом для осмотра экскурсантами.

Кроме того, в Западном флигеле имелись небольшие помещения, принадлежащие Музею «Пруссия» (вход стоил 30 райхспфеннингов), где сбоку от главного выхода Коронационной процессии (ранее – Западные ворота Замка) экспонировались памятники народного искусства (прежде всего – мазурские шерстяные ковры XVII в.).

В начале 20-х годов руководство Общества по изучению древностей «Пруссия» и входившего в его состав Музея «Пруссия» с его собраниями переместились из помещений на Королевской улице (Königstraße 65/, ныне - ул. Фрунзе) на второй этаж Южного флигеля Замка Кёнигсберг. В июле 1924 г. была открыта новая музейная экспозиция (история и этнография), занимавшая фактически весь комплекс западной части каре, образованного замковыми постройками, а с 27 ноября 1925 г. она составила основу вновь образованного Музея «Пруссия». Ввиду финансовых трудностей, возникших в годы послевоенного экономического кризиса, все музейные экспонаты, которые были собственностью Общества по изучению древностей «Пруссия», с 1925 г. перешли в ведение Имперской провинции Восточная Пруссия.

К сожалению, подъём музейной деятельности, наметившийся в 1925 г., в предвоенное время прекратился. Издание ежегодника «Пруссия», осуществлявшегося Обществом по изучению древностей «Пруссия», с 1939 г. прекратился.

Следует упомянуть ещё о существовании нескольких помещений Западного флигеля,

уже не имевших музейного значения. Среди них – подвал размером 67 x 13 м, перекрытый Коробовым сводом эпохи Ренессанса. В нём до апреля 1945 г. располагались винные склады и осуществлялся разлив вин для ресторана «Блютгерихт». Собственником подвала, как сообщают А. Орлов и Е. Стороженко, являлась фирма «Давид Шиндельмайссер» (основана в 1738 г.), с 1921 г. управляемая Карлом Матцдорфом.

По сей день не совсем ясными остаются обстоятельства обретения южным фасадом Западного флигеля псевдо-готических элементов в виде сложенных из фигурного кирпича вертикальных мачт (рис. 91). Очевидно, они появились здесь в 1866 г., когда такие же стилистические черты обрёл шпиль соседствующей Замковой башни. Однако в предвоенное время упомянутый фасад Западного флигеля обладает уже S-образными волютами (рис. 90). Эта перемена произошла во время последней реставрации Замка (1938 г. ?).

Южный флигель. В круглой Вирцбургской башне (Wirzburger Turm, построена в 1519 г.), с востока почти примыкавшей к Замковой башне, располагался кабинет директора музея доктора Вильгельма Гэрте (1891-1958 гг.). К западу от этой «директорской» башни располагалась обширная музейная библиотека, в которой наряду с литературой хранился, видимо, и рукописный фонд музейных описей. Далее на запад коридор вёл к угловой башне (Hintersterort-Thurm), где занимали свои рабочие кабинеты известные прусские археологи Карл Энгель (1895-1947 гг.) и Ганс Кроне. К востоку от директорских апартаментов, на первом этаже Южного замкового флигеля располагалась доисторическая экспозиция музея. Именно в данной точке Замка, на втором этаже Южного флигеля у «церковной» (Замковой) башни 25 апреля 1945 г. «представители» МГУ нашли 20 кресел из музеев Царского Села, 12 рам от картин Киевского музея (западного и восточного искусства). Университетские посланцы на первом этаже Южного флигеля обнаружили тогда Книгу дарений Городского художественного музея с упоминанием под № 141 Янтарной комнаты.

На втором этаже Замковой башни, куда вёл коридор из Южного флигеля (?), располагался зал с экспозицией «Ремесло Пруссии XVII-XIX вв.».

Согласно Путеводителя 1938 г., вход в экспозицию Южного флигеля (через вход ба) стоил 30 райхсфеннингов. Здесь между Вирцбургской башней и башней Грубера (Grubers Turm) в начале XX в. были созданы шесть музейных залов (рис. 116). Самый большой по своей площади 1-й зал включал древности каменного века, в зале № 2 экспонировались находки эпохи бронзы, в залах № 3 и № 4 были выставлены соответственно материалы I-II и III-IV вв. н.э., зал № 5 был предназначен для экспонатов V-VIII вв. н.э., включая материалы западно-мазурских грунтовых могильников Тумяны/Daumen, Келары/Kellaren (бывш. округ Алленштайн/Allenstein), содержавших погребения VI-VII вв. н.э. Здесь же присутствовал раздел “позднеязыческих” древностей IX-XIII вв., где всеобщее внимание привлекали находки из курганов Кауп (Kaup bei Wiskiauten, бывш. округ Самланд/Samland, ныне - пос. Моховое Зеленоградского р-на Калининградской обл.), всемирно известного памятника эпохи викингов. Наконец, в зале № 6 были выставлены артефакты XIV и XV вв. Вся эта богатейшая экспозиция целиком и полностью отвечала прекрасным стихотворным строкам известного прусского писателя, мастера исторической прозы Феликса Дана. Эти строки были посвящены 60-и летнему юбилею Общества по изучению прусских древностей «Пруссия» (рис. 117).

В Южном флигеле находилась столярная мастерская, в которой трудились для нужд музея мастера Хазе и Хузе. Кроме того, здесь вёл реставрационные работы Й. Вильчек (рис. 118), являвшийся одновременно шофёром музейного легкового автомобиля. В реставрационных работах активное участие принимал научно-технический персонал Музея (рис. 119) в числе которого находился известный реставратор Фритц Йенч. Осмотр доисторической экспозиции шёл с запада на восток, от Вирцбургской башни к башне Грубера и за неё. Покупка билетов в Музей и вход экскурсантов в данную часть экспозиции осуществлялся из Замкового

двора через портал в юго-западном углу замка (именно там перед началом войны стояли справа от входа белораморный торс Афродиты неизвестного происхождения и слева - ятвяжская каменная фигура Манкестеен (рис. 120), ныне находящаяся в зале археологической экспозиции Калининградского историко-художественного музея), выход - в замковый двор через калитку, именовавшуюся “Дверца напротив города” (Turlein gegen die Stadt). Сотрудники Музея вели активную научно-просветительскую работу, создавая для нужд школьников и краеведов планшеты с фотографиями особенно важных для истории Пруссии памятников археологии и найденных при их раскопках предметов. Фотокопии таких планшетов (рис. 121) можно было приобрести при входе в Музей.

В подвалах Южного флигеля хранилась незначительная часть археологических фондов (Studiensammlung) Музея «Пруссия». Здесь находки согласно археологическим комплексам были снабжены бирками с номерами хранения, прикреплены проволокой на картонные планшеты и помещены на полки (рис. 122). После окончания войны лишь незначительная часть археологических музейных экспонатов случайно осталась в Замке и была нами найдена в ходе археологических раскопок (рис. 123). Основной массив уникальных артефактов из музейной экспозиции, серьёзно пострадавшей в конце августа 1944 г. от английских бомб, была (к сожалению – запоздало) эвакуирована в январе 1945 г. в форт № 3 на внешнем кольце укреплений Кёнигсберга (ныне – пос. Северная Гора). Долгие десятилетия находки лежали под ногами обитателей форта. Наконец, ветер «перестройки» развеял завесу и над этой тайной Замка. В 1999-2002 г. группа калининградских музейных работников под руководством А.А. Валуева собрала остатки этой коллекции и включила в состав фондов Калининградского Областного историко-художественного музея. В его витринах наши современники имеют прекрасную возможность увидеть возрождённые реставраторами сокровища Музея «Пруссия» (рис. 124). Интересно, что вместе с подлинными археологическими находками немцы холодной зимой 1945 г. вывезли из Замка и учебные копии (рис. 125), изготавливавшиеся

умельцами Музея для демонстрации на уроках истории Отечества юных жителей предвоенной Пруссии.

Через вход 6а можно было попасть на второй этаж Южного флигеля, где размещалась экспозиция Городского собрания предметов искусства (осмотр стоил 20 райхспфеннигов). Здесь располагались произведения искусства от орденового времени вплоть до современности. Здесь же экспонировалась и обширная коллекция янтаря. В этих помещениях периодически проводились выставки, организованные совместно с Обществом почитателей Искусства. Художественная экспозиция охватывала и «Здание Унфрида», формально относящееся к Восточному флигелю.

Северный флигель в своём восточном крыле на первом и втором этажах был занят Земельным судом. В западном крыле флигеля (в орденовое время – Господская Фирмария), старейшей из сохранившихся к середине XX в. частей Замка, на первом этаже или в подвале сохранялся ход к разрушенному в XVI в. Дому Конвента. На втором этаже этого флигеля с 1881 г. в пяти залах располагал собрания картин и прочих экспонатов Художественного общества (позднее – Городского художественного музея). Позднее часть этой экспозиции переместилась на второй этаж Южного флигеля и в Здание Унфрида. В Северном флигеле осталась «Серебряная библиотека», хранившаяся здесь и в годы войны. Согласно Путеводителя 1938 г., вход в экспозицию этого флигеля стоил 24 райхспфеннига. Так, по данным Генриха Ланге, в северо-западной башне Замка, так называемой «Башне скорняка» (Turm des Kürschners) немецкий хирург профессор Оскар Эрхард нашёл каменный (?) барельеф «Мужчина с черепом», принадлежащий резцу Ганса Шенка и датирующийся 1550 г. Первоначально этот барельеф украшал портал зала «Дома Альбрехта» в Восточном флигеле Замка, стены которого были декорированы изразцами. В середине XX в. по распоряжению Альфреда Роде барельеф был перемещён в помещение № 13 в «Башне скорняка». Якобы, в 1948 г. упомянутый хирург отправил этот барельеф (временно находился в больнице Св. Елизаветы) с госпитальным поездом в Германию. Некий красно-

армеец, с которым был отправлен барельеф, продал его в Германии доктору Франке, от которого в 1958 г. экспонат вернулся в ведение Ведомства по дворцам и паркам в Берлине. Правда, не ясно, каким образом безымянный военнослужащий мог провести на новое место службы такой раритет и безнаказанно продать его? Помнящие сталинскую эпоху могут высказать серьёзные сомнения в справедливости высказанной версии.

Северный флигель включал экспозицию погребальных урн от эпохи неолита до середины I тыс. н.э., хранившихся в многочисленных шкафах, стоявших на третьем этаже в зале планиграфически над рестораном Блютгерихт (Blütgericht). В зал с урнами посетители не допускались. Как вспоминала в 1974 г. выдающийся эстонский археолог профессор доктор Др. Марта Хансовна Шмидехельм, посещавшая Кёнигсберг в 1940 г., эти урны были единственным разрядом археологических находок, находившихся в экспозиции Музея «Пруссия» без сопровождающих вещевых комплексов. В 1943 г. (?) часть этой коллекции (несколько десятков сосудов) была эвакуирована в окрестности г. Растенбурга (Кентшин, Польша) и ныне экспонируется в музеях г. Ольштыны и Варшавы. Информация о музейном собрании урн, как, впрочем, и о располагавшихся также в Северном флигеле музейных отделах «Народные ремёсла» и «Население и приграничная политика» (рис. 126), крайне скупа. В непосредственной близости от этой экспозиции с 1738 г. располагался исторический ресторан «Блютгерихт», занимавший подвалы, в которых, согласно устойчивой традиции, в эпоху позднего средневековья располагались орденовые судейские и карательные структуры. Последним директором этого ресторана был Пауль Файерабенд, контактировавший летом 1945 г. по проблемам поисков культурных ценностей с её искателями.

Восточный флигель. Его помещения, составляющие исторический «Дом Альбрехта», в своём внешнем убранстве сохранившем черты барокко XVI в. (рис. 127), после выезда на рубеже XIX–XX вв. административных учреждений превратились в залы музейного показа, став своеобразными историческими экспозици-

ями. Это относится прежде всего к Знаменному залу, бывшему в XVIII-XIX вв. местом проведения аудиенций и торжественных приёмов для прусских королей и германских Кайзеров (рис. 128). Как сообщает Тило Эггелинг, современный специалист по охране памятников истории и культуры в Германии, значительное число картин и старинной мебели из Замка в 1944 г. (?) было вывезено на запад в замок Райнсберг и впоследствии было расхищено или погибло. Та же участь постигла и учётную документацию на эти объекты искусства. Неизвестна участь документации дирекции Городского собрания предметов искусства, помещавшейся в подвальных помещениях Восточного флигеля.

Кроме музейных помещений, до 1944 г. во флигеле размещалось Управление высотного строительства Восточной Пруссии. Родственная организация – Провинциальное строительное ведомство – находилось напротив, в Западном флигеле.

Во многих флигелях сохранялись помещения, облик которых сформировался в эпоху средневековья. В первую очередь это характерно для второго этажа Восточного флигеля, где над воротами Альбрехта показывали рабочий кабинет первого герцога Пруссии, тронный зал, зал Ордена Черного Орла («Орлиный зал»), зал Династии Гогенцоллернов («Зал предков»), комната, где родился король Фридрих I. В Северном флигеле вплоть до 1944 г. экспонировались комната Великого Магистра, Капелла Св. Анны и Замковая кухня (рис. 129). Своё первозданное средневековое «лицо» сохраняла и башня Хабер-турм (рис. 130), высившаяся на восточном краю Северного флигеля.

С юго-востока к Восточному флигелю примыкало «Здание Унфрида». Поблизости в годы войны на бельэтаже (высокий первый этаж) в комнате № 36 размещалась экспозиция с 16-ю полотнами Ловиса Коринта. Это был зал памяти известного восточно-прусского художника. Дизайн данного помещения включал бронзовую пластику Эдвина Шарфа.

Здесь же в зале № 37 в 1942-1944 г. (возможно, и в начале 1945 г.) экспонировались панели Янтарной комнаты. Все эти перечисленные выше выставочные комплексы входили

в состав Городского собрания предметов искусства.

В начале апреля 1945 г. в «Здании Унфрида» на первом этаже размещался медпункт батальона Фольксштурма. Остатки его оборудования в руинах данной части Замка находили как в 1967/1969 гг., так и при раскопках зимой 2006 г.

Как пишут в своей книге А. Орлов и Е. Стороженко, утром 10 апреля 1945 г. на южном фасаде Замка и в его дворе белые флаги вывесил Паул Файерабенд, последний директор исторического ресторана «Блютгерихт». Несколько десятков измождённых защитников Замка, не получивших возможности уйти подземными ходами (иные способы покинуть один из последних опорных пунктов «города-крепости» Кёнигсберг были затруднительны) брели к сборному пункту пленных в здании Райхсбанка (Замковый форбург).

Первая волна беженцев из осаждённого Кёнигсберга ушла на запад в январе-марте 1945 г. Вторую волну составили депортированные И.В. Сталиным (говорят, по совету, данному ему на Ялтинской конференции летом 1944 г. хитроумным У. Черчиллем, уже тогда закладывавшем основу рынка квалифицированной рабочей силы в послевоенной Западной Германии) горожане, попавшие в будущие федеральные земли Шлезвиг-Гольштайн и Гамбург в 1947-1948 гг. Для всех этих страдальцев, чудом выживших, как священная память об их прусской Родине, навеки остался символ Замка, гордо вздымавшегося в небеса свою остроконечную башню (рис. 131). В праздновании 700-летнего юбилея первой прусской столицы, проходившем в 1955 г. в г. Дуйсбурге участвовали 25000 бывших жителей Кёнигсберга. На улице Лотар-штрассе они с изумлением увидели вырезанный из фанеры и раскрашенный макет юго-западной части Замка (рис. 132), ставшего символом Кёнигсберга. В 1968 г. в Дуйсбурге при Обществе уроженцев Кёнигсберга был создан городской музей – «Дом Кёнигсберг», существующий по сей день под неперменным руководством Лоренца Гримони. Для этого музея Хорст Дюринг в начале 90-х годов изготовил модель Западного флигеля Замка (рис. 133) в состоянии на XVIII в.

Рис. 112

Рис. 114

Рис. 111

Рис. 113

Рис. 125

Рис. 126

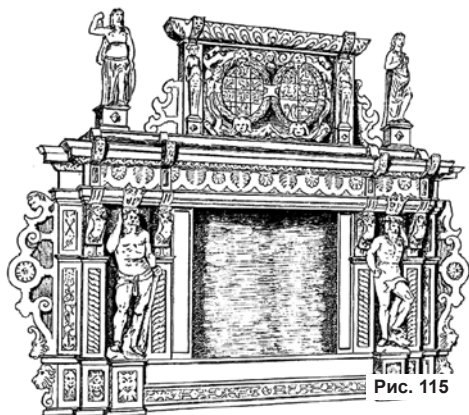

Рис. 115

„Es ist nicht Moder, unfruchtbar und tot,
Nicht Schutt und Asche, was zutag wir heben.
Nein, warmes, zukunftsvolles Leben ist's.
Denn aus des Vaterlandes Vorgesichte
zieh'n wir den Baum, den grünen den, empor,
Den Baum der Liebe zu dem Vaterlande.“

(Felix Dahn zum 60jährigen Bestehen der Altertumsgeellschaft Prussia.)

„Это не гниль, бесплодная и мёртвая,
Не прах и пепел, что попираем ногами,
Нет, это тёплая, устремлённая в будущее жизнь .
Потому что из доистории Родины
растим мы древо, зеленеющее, высокое,
древо любви к Родине.“

(Феликс Дан к 60-летию юбилею Общества по изучению древностей
"Пруссия")

Рис. 117

Рис. 120

Рис. 124

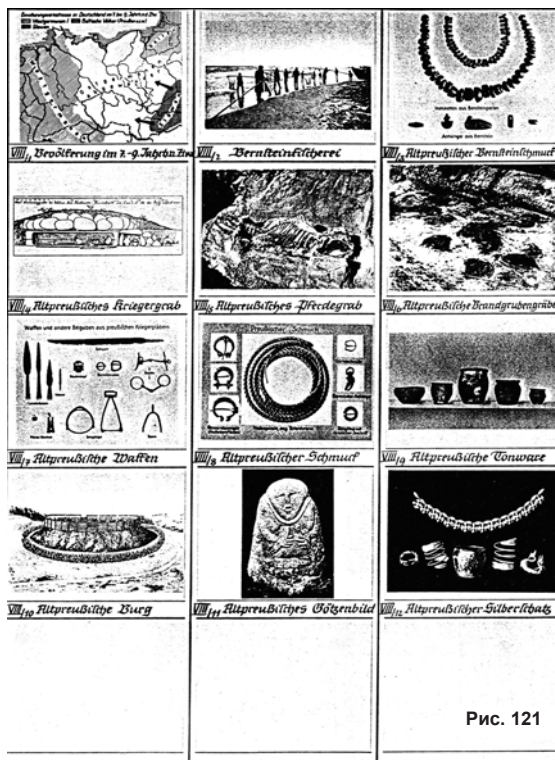

Рис. 118

Рис. 119

Рис. 127

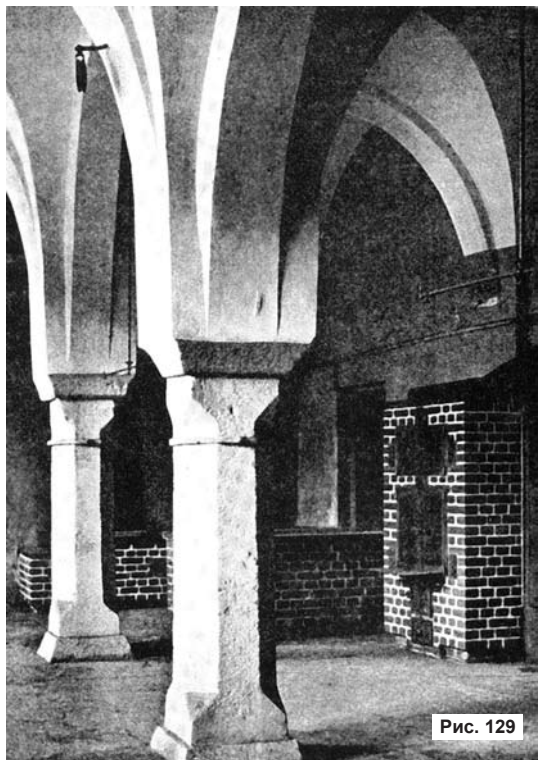

Рис. 129

Рис. 123

Рис. 133

Рис. 130

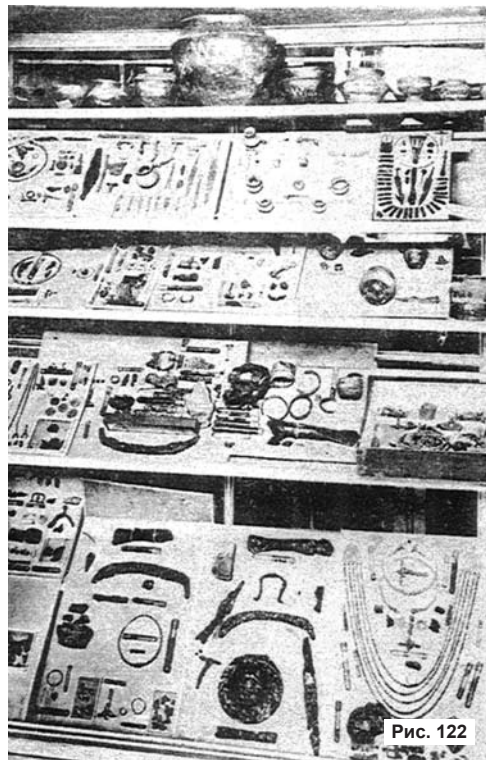

Рис. 122

Первые археологические исследования Замка

В 1926 г., в эпоху прусской экономической активности, при проведении реставрационных и строительных работ на территории Замка талантливый архитектор, уроженец Кёнигсберга, с 1911 г. - профессор архитектуры Прусской Академии искусств Фридрих Ларс (1880-1964 гг.) провёл раскопки на замковом дворе и на форбурге. Здесь, к востоку от Замка были обнаружены фрагменты керамики, куски обработанного кремня (каменные орудия?), остатки очагов с древесным углём, интерпретированные как остатки поселения эпохи неолита.

В западной части Замкового двора Фр. Ларс в 1926-1927 гг. вскрыл остатки фундамента Дома Конвента – древнейшей части орденового Замка Кёнигсберг. Эта постройка, в плане имевшая форму прямоугольника, вытянутого по линии запад-восток. Можно лишь предполагать о датах существования этого ценнейшего памятника орденовой архитектуры. Каменно-кирпичные стены здания Konventhaus возникли, скорее всего, в начале XIV в., их руины в конце XVI в. были уничтожены при строительстве маркграфом Георгом Фридрихом замковой кирхи. К сожалению, самые отрывочные и краткие данные о раскопках и дате обнаруженных руин здания Konventhaus были опубликованы Фр. Ларсом много позже завершения этих работ, в 1956 г. и мало информативны.

Кроме того, Фр. Ларс вскрыл 4 шурфа в центральной и восточной частях замкового двора, а также на форбурге, на месте будущего Имперского банка. Информация о находках в шурфах на замковом дворе отсутствует. Зато известно, что в шурфе на

форбурге Фр. Ларс обнаружил серию столбовых ям, принятых им за остатки первого деревянного орденового замка (1255-1260 гг.). Судя по специфическим кольцеобразным в плане группам камней, крепивших основания столбов в ямах, обнаруженные Фр. Ларсом, сооружение было некогда возведено в рамках прусской средневековой домостроительной традиции и является, видимо, частью прусского городища, до 1255 г. располагавшегося в центре дубовой рощи Тувангсте, на мысу северного берега р. Преголи.

Фридрих Ларс не только производил раскопки на территории Замка, но и осуществлял архитектурные обмеры его помещений и вёл зарисовки наиболее интересных элементов интерьера. Так, по данным, собранным Н.А. Чебуркиным, Фр. Ларс скопировал фреску XVI в. «Цицерон», находившуюся в Северном флигеле. В послевоенное время эта фреска (наряду с иными зарисовками архитектора) была им опубликована в Штутгарте и её копия экспонировалась на выставке в Бонне (1968 г.).

Известный певец старого Кёнигсберга Вадим Храппа так написал в Интернете, сравнивая первого археолога Замка и автора сих строк: «Ларс, между прочим, в свое время копался не в груде разбитых кирпичей, как нынешние археологи, а облазил и обмерял весь замок в ту пору, когда тот еще украшал город». Замечу лишь, что без копания «в груде разбитых кирпичей» было бы трудно воссоздать историю Замка, да и во время работ Фр. Ларса этих «груд», к счастью, ещё не было. Но у сказителей – свои нормы восприятия действительности...

Янтарная комната в Замке

Доктор искусствоведения Альфред Роде, которого первый искатель Янтарной комнаты археолог Александр Яковлевич Брюсов называл в своих записях «матёрым фашистом» и «алкоголиком с дрожащей рукой», с 1 октября 1927 г. стал директором Городской картинной галереи и Собрания прикладного искусства (его фонды включали 297 живописных полотен) в Замке. На втором этаже «Здания Унфрида» (по другим данным – в восточной части Южного флигеля Замка, над экспозиционными залами Музея «Пруссия») в декабре 1941 года стала экспонироваться Янтарная комната. Это историческое сокровище было изъято (по немецкой версии событий – «спасено») осенью этого года из Екатерининского дворца (Царское Село) солдатами 217 Восточно-Прусской дивизии волькс-гренадёров Вермахта, которой командовал Отто Ляш, ставший зимой 1945 г. комендантом Кёнигсберга. 10 октября 1941 г. янтарное сокровище, упакованное в ящики, было отправлено железной дорогой в Кёнигсберг.

Первоначально этот янтарный интерьер по заказу Фридриха I проектировался талантливым архитектором и скульптором Андреасом Шлютером для Королевского дворца в прусской столице Берлине. Сын упомянутого монарха – Фридрих Вильгельм I – в 1716 году подарил «янтарный кабинет» (так он тогда назывался) русскому царю Петру I в знак дружбы и сотрудничества.

Экспонирование Янтарной комнаты (как считает А.П. Овсянов – части этой комнаты) было торжественно открыто в Замке 12 апреля 1942 г. и продолжалось до 1944 г., когда Красная Армия подошла к восточным и южным границам провинции Восточная Пруссия. Несмотря на пропагандистскую шумиху, поднятую партийным руководством провинции о грандиозном Восточном вале, построенном по границе с СССР и непроходимом для советских тан-

ков, в 1943 г. началась эвакуация музейных фондов Замка. Видимо, через год Янтарная комната также была демонтирована из помещений второго этажа «Здания Унфрида» и сокрыта в некоем месте. Однако не следует исключать вероятность гибели янтарного шедевра в пламени, вызванном английскими фосфорными бомбами в ночь с 29 на 30 августа 1944 г. или же (что менее вероятно, ибо фактически бои в Замке не велись) в начале апреля 1945 г. в ходе штурма Замка Кёнигсберг.

Сам же хранитель художественных собраний Замка Альфред Роде ненадолго пережил взятие Кёнигсберга Красной Армией. Он, как считается официально, умер от дизентерии 7 декабря 1945 г. и нашёл свой последний покой на Первом кладбище лютеранского прихода кирхи памяти королевы Луизы на Дюрерштрассе (ныне – улица Лесопарковая). Теперь здесь сохранились лишь вековые липы, некогда осенявшие своими ветвями печальные надгробия. Рядом с бывшим кладбищем высится вознёсшая свои стены уже после эпохи «перестройки» Лютеранская кирха.

Многие послевоенные десятилетия современный миф о потерянной Янтарной комнате как магнит притягивал взоры миллионов читателей и сотен «искателей». Как её искали, будет ясно из главы «Поисковая лихорадка». Смысл создания этого мифа, скорее всего, заключался в отвлечении внимания советских людей от реалий непростой послевоенной жизни, «янтарный туман» был нужен и властям, и журналистам, да и самим «искателям». Правда, о реальной возможности сохранности Янтарной комнаты как массива янтаря 11 апреля 2006 г. заместитель руководителя Росохранкультуры А. Вилков, высказался с заметной долей пессимизма. Действительно, не секрет, что янтарь, не покрытый консервирующими составами, от контакта с кислородом, влагой и грунтом, может превратиться в пыль.

Гибель Замка Кёнигсберг

Как мы уже видели, основные разрушения в годы войны Замок получил от английских зажигательных бомб. Апрель 1945 г. принёс несколько дополнительных повреждений юго-западной части Замка, вдоль которой по улице Штайндамм-штрассе и по площади Кайзер-Вильгельм-платц наступали советские войска. В сущности, Замок был ими занят без боя, что, разумеется, благотворно сказалось на сохранности его исторических строений. Согласно современной легенде, через два или три дня после капитуляции комиссарам III Белорусского фронта пришлось ликвидировать остатки винного склада ресторана «Блютгерихт» при помощи гранат и огнёмётов (?) для сохранения высокого морального облика красноармейцев. Счастливы, которым удалось побывать до этого в винных погребах, никогда не забывали нежного вкуса вина «Турецкая кровь».

Сразу после окончания боёв, летом 1945 г. в помещениях Замка дислоцировались подразделения 11-й Московско-Минской пехотной дивизии.

Отгремели военные грозы и вот, первый секретарь Калининградского обкома ВКП(б) тов. П.А. Иванов в 1946 г. обращался к тов. Сталину с предложением расчистить от руин центр столицы поверженной Восточной Пруссии и начать в этом «справедливом» деле с Замка Кёнигсберг.

В том же 1946 г. Замок стал для новых властей источником строительных материалов. Этим занималось так называемое карьерное управление Балтийского Дважды Краснознамённого Военно-Морского флота. В Замковом дворе установили агрегат по производству щебня из камней, ведь молодая Калининградская область так нуждалась в строительном материале для восстановления разрушенного английскими и советскими бомбами и снарядами жилищного фонда. Во дворе Замка из этого щебня готовились блоки для калининградских новостроек. Нашему современнику трудно понять логику творцов этого безумия. Всё это напоминает анекдот советского времени о принципах отечественной деловой хватки: «Вынести из винного ларька ящик водки - водку вылить - посуду

сдать - на вырученные деньги купить бутылку водки - по пьяному делу попасть в милицию и получить срок - освободиться и ... (см. начало)»

Более того, качественный кёнигсбергский кирпич эшелонами отправляли в республики «советской Прибалтики», в Сталинград и Ленинград. Началось «мирное» разрушение Замка.

Таким образом, можно с известной долей осторожности полагать, что печальная участь Замку предрекалась уже в первые месяцы освобождения Кёнигсберга. Разумеется, в то героическое время никакой опасности обрушения руины Замка не представляли хотя бы потому, что этих руин, в сущности, не было. Как показывают фото 1945-1946 гг., Замок был всего лишь лишён крыши, его окна в нескольких местах были повреждены (рис. 105). Опасность того, что «руины убивают» появилась позже, когда были ... созданы эти руины.

Лишь в процессе послевоенных обвалов, ставших естественным продолжением разрушений 1944 и 1945 г., была обрушена центральная часть Замковой башни. Эта мощная эрозия спровоцировала решение городских властей о подрыве этого строения. В середине декабря 1952 г. со страшным грохотом обрушился фрагмент стены в западной части Замка. Очевидно, этот фрагмент имел отношение к Замковой башне, ибо остальные части Западного флигеля ещё в 1967 г. сохраняли свой массив (рис. 134). Однако 12 февраля 1953 г. на заседании горкомхоза Калининградского горисполкома было принято решение о взрыве Замковой башни. Ни в этот момент, ни позднее не проводились экспертизы состояния Замка с привлечением специалистов по строительному делу, по архитектуре, искусствоведению и археологии. Никому в голову не пришло предложить поставить Замок на учёт как памятник истории и культуры. В это время в соседней Польше начало разворачиваться широкое движение за восстановление исторической застройки городов бывшей Восточной Пруссии (Гданьск, Ольштын, Квидцын, Торунь). Руководители правительства и Сейма в Варшаве, несмотря на свою коммунистическую риторику, параллельно де-

кларировали стабильную приверженность новой Польши к старым культурным ценностям Европы. В Калининградской области РСФСР и во всём СССР ни один советский руководитель, ни сам Иосиф Виссарионович Сталин не могли сделать подобного заявления в годы начала «холодной» войны.

Уничтожение Замковой башни было проведено сапёрами Калининградского гарнизона. Несмотря на мощный взрыв, впервые за всю историю Замка потрясший его стены, конструкции Западного флигеля в основном остались без заметных повреждений (рис. 135). Так по довольно смутному предлогу началось планомерное, несовместимое даже с советским законодательством уничтожение исторического символа столицы Янтарного края. В страшном процессе этого разрушения были сделаны многие интереснейшие находки. Если бы они стали достоянием науки, то можно было бы сделать историю Замка более полной. Однако судьба большинства этих находок трагична. Например, как свидетельствует А.П. Овсянов, в 1955 г. при работе «искателей» в одном из подвалов Замка был найден уникальный майссенский фаянсовый сервиз, предназначенный для исторического ресторана «Блютгерихт». Каждый из столовых приборов был помечен эмблемой этого ресторана, выполненной тёмно-красной краской. Лишь малая часть этого грандиозного сервиза попала в фонды краеведческого музея (рис. 136). Остальное разошлось «по рукам»... Лишь запомнилось, что в 1979 г. на «толкучке» (ныне там – цирковые шатры) долго никто не покупал заварной «блютгерихтовский» чайник литров примерно на 5. И ценили его не высоко – всего-то 5 руб.

В летние месяцы 1963 г. по улицам молодого советского города Калининграда бродили сотрудники московского проектного института «Гипрогор», пытаясь понять, как сделать это скопление руин и пустырей городом, удобным и приятным для проживания. Не исключено, что уже в те жаркие дни в головах московских архитекторов стал складываться гигантский образ «дома советов», не оставлявший места Замку в центре города.

По мнению В.Н. Строкина, в 60-х годах работавшего в Калининградском краеведчес-

ком музее, идея сноса руин Замка (а заодно – и Домского собора, который наши современники именуют по недоразумению «Кафедральным») принадлежит первому секретарю Калининградского обкома КПСС Н.С. Коновалову. Уже в те далёкие годы он мечтал о том, что на месте неприглядных развалин раскинется широкая и светлая площадь, над которой вознесётся прекрасное здание. Рядом с ним будет высится памятник вождю мирового пролетариата и стоять мраморная трибуна для выступлений. Разумеется, мимо трибуны по праздникам будут струится колонны восторженных калининградцев, а с трибуны, осенённый фигурой вождя, будет обращаться к ним многомудрый руководитель – сам Н.С. Коновалов. Да и в величественном здании будет размещаться его ведомство и дружественные структуры (облисполком, к примеру). В итоге должен был появиться калининградский аналог небезызвестной Красной Площади, где местный «генсек» занял бы центральное место. Дело было за малым: Замок мешал мечтам партначальника, Замок должен был «уйти».

В 1964 г. главный архитектор проекта восстановления Калининграда М. Наумов поддержал инициативу сноса Замка, уже витавшую в «коридорах власти». Эта без сомнения творческая личность ещё 30 апреля 1949 г. опубликовала в газете «Калининградская правда» статью, в которой декларировалось: «В центре намечена (кем? – К.В.) постройка огромного Дворца Советов. Возможно, что постаментом для него явится площадка нынешней крепости с башней...».

К 1965 г. в московском институте ГИПРОГОР был разработан проект «реконструкции» центра Калининграда, в котором уже не было места Замку. Эта идея не осталась тайной для калининградской интеллигенции. Её лучшие представители честно пытались отстоять то, что ещё осталось к тому времени от Замка. Главный архитектор Калининграда В.В. Ходаковский даже написал письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, где призывал главу советского государства создать комиссию для выяснения обстоятельств, угрожающих Замку и для его сохранения, как «свидетельства славы русского оружия». Твёрдая гражданская позиция стояла

В.В. Ходаковскому места главного архитектора г. Калининграда. Многие калининградские интеллектуалы (среди них – уважаемые В. Ерашов, С. Снегов, Г. Зуев, В. Еремеев, Б. Нисневич и другие), не заботясь о своём благополучии (старшее поколение поймёт эти слова), подписывали письма, направленные в вышестоящие партийные и советские органы (и даже в ЦК КПСС!), с просьбой сохранить хотя бы Западный флигель Замка и устроить там краеведческий музей. Для многих эти выступления привели к потере места работы. По словам Б.А. Нисневича, так случилось почти со всем составом редакции газеты «Калининградский комсомолец». Низкий поклон всем этим замечательным людям. Об их борьбе за руины Замка не скажешь лучше, чем нежелезными словами пословицы, увековеченной А.И. Солженицыным: «Бодался телёнок с дубом».

Калининградский горисполком с 6 по 8 сентября 1965 г. провёл расширенное обсуждение перспектив застройки исторического центра бывшего Кёнигсберга. Представители многих творческих структур (кроме московского института «Гипрогор», в чьих стенах вызревал проект чудовищного по своему облику «дома советов») высказались за сохранение руин Замка в центре Калининграда.

Первоначально Министерство культуры РСФСР поддерживало идею сохранения остатков Замка, что соответствовало Закону об охране памятников истории и культуры от 1948 г. Для освидетельствования руин в Калининград прибыл из Москвы авторитетный реставратор Б.А. Альшуллер. Он поддержал идею сохранения Замка (рис. 137) и составил на него (?) и на Домский собор паспорта недвижимых памятников истории и культуры. Таким образом, учётная документация, как основа для принятия решения по охране этих уникальных объектов, к 1966 г. уже существовала. Однако позже идеология страны «победившего» и «развитого» социализма взяла верх...

Как гласит современное предание, 15 августа 1967 г. через центр Калининграда к Южному вокзалу следовал кортеж машин, сопровождавших Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина, возвращавшегося в Москву из Паланги. Н.С. Коновалов подвёл главного советского идеолога к опорной стене Южного променада и

стал излагать идею создания здесь краеведческого музея. На это А.Н. Косыгин произнёс (интересно, кто это слышал?) исторические слова: «Город разрушен, город надо восстановить». По другой версии, эта тирада звучала так: «Что ещё здесь можно разрушить, если война уже всё уничтожила». В любом случае в соответствии с традицией советских эвфимизмов (иносказаний) эти заклинания являлись фактическим приказом к уничтожению руин Замка.

Незадолго до исторического посещения Калининграда А.Н. Косыгиным, один из калининградцев решается на неслыханный для брежневского времени шаг: В.Н. Строкин в январе 1967 г. запрашивает и получает аудиенцию у министра культуры СССР Е.А. Фурцевой. В этой встрече, длившейся 17 минут (огромный период времени для общения с чиновником такого ранга), Виктор Николаевич аргументирует необходимость сохранения руин Замка и Домского Собора. Екатерина Алексеевна соглашается со всеми доводами уважаемого краеведа. Казалось бы, вопрос ясен: Замок будет сохранён. Однако советский человек, как правило, думал одно, делал другое, получалось – нечто совершенно иное.

Через пару недель после встречи с министром к В.Н. Строкину, проводившему работы по поиску остатков экспозиции Музея «Пруссия» в руинах Замка, подошёл некий представитель власти и предложил немедленно покинуть эту территорию. Так наступал конец Замка.

Первоначально предполагалось, что к маю 1967 г. руины Замка должны быть сровнены с землёй. Но в нашей замечательной Советской Державе быстро ничего не делалось, долго тянулись согласования и обмен письмами между всевозможными инстанциями. Только 20 апреля 1967 г. (по Юрию Новикову – 12 апреля) начался планомерный подрыв Замка. Существовало мнение, что Замок исчезнет за несколько дней. Подрыв этой твердыни длился год.

Повод уничтожения Замка был предельно ясен и соответствует риторике лозунгов советских времён: «Чтобы руины не убивали...». Именно так озаглавил 21 января 2006 г. одну из своих газетных заметок сапёр-подрывник, позднее – краевед-любитель А.П. Освянов. До начала 1967 года в первые послевоенные годы Замок пострадал не от военных действий, а от деятель-

ности ... радетелей культуры. Примером может послужить судьба Западного флигеля, включавшего Замковую (Коронационную) кирху и «Зал Московитов» (!)

Вплоть до 1953 г., времени взрыва Замковой Башни, здание Западного флигеля стояло со стенами, сохранившимися на всю свою высоту. У этого флигеля отсутствовала крыша, уничтоженная в результате падения зажигательных бомб, сброшенных с английских бомбардировщиков в страшную ночь 29/30 августа 1944 г. После взрыва Замковой Башни, ознаменовавшего бесповоротное решение калининградских (да и, пожалуй, московских) властей уничтожить Замок, стены Западного флигеля (во всяком случае – внешняя стена) некоторое время сохранялись. В 1949-1959 (1960 ?) гг. под видом поисков уже тогда легендарной Янтарной комнаты (фактически – выполняя основную линию власти на разрушение Замка) одна из многочисленных комиссий смешанного и профессионально далёкого от знания методов археологических исследований состава под руководством секретаря Калининградского обкома ВКП(б) В.Д. Кролевского участвовала в сносе стен Западного флигеля (рис. 138). К этим тогда ещё спорадическим подрывным акциям были привлечены курсанты Калининградского инженерного училища (КВИУИВ). Как вспоминает наш замечательный искатель А.П. Овсянов, в 1957 г. - подрывник-доброволец, он закладывал в пробуренные в древних стенах «с помощью компрессорного перфоратора» отверстия тротильовые шашки стандартным весом в 75 г. Таким образом шёл взрывной «подкоп» под стены. Их развалы растягивались артиллерийскими тягачами.

Тем не менее летом 1966 г. Западный флигель ещё сохранял большую часть своих стен (рис. 139). Зимой следующего года начался ад тотального разрушения. Саперы бурили в стенах отверстия под пиропатроны, взрывали их. К счастью для наших современников, массив стен Западного флигеля, воздвигнутых в конце XVI в., был столь объёмен, что не везде удалось обрушить своды подвала и его фундамент. Спасибо А.П. Овсянову и его коллегам! Благодаря им мы можем ныне обозревать остатки замковых фундаментов.

У взрываемых стен Замка в 1968 году нередко стояли танки Т-60 (рис. 140), готовые растаскивать кирпичные блоки, образовавшиеся в результате подрывных работ. Начался планомерный подрыв, растянувшийся на длительное время. По данным Юрия Новикова, последний взрыв на месте Замка прозвучал 27 мая 1970 года. Формально подрывы осуществлялись ввиду опасения обвалов стен Замка (рис. 141). Позднее среди остатков его руин так называемая «геолого-археологическая экспедиция» (КГАЭ) под руководством М.А. Поповой и при участии сотрудников Государственного Исторического Музея В. Чижова, М. Абрамовой и Г. Поляковой в 1969 г. разобрала завалы в подвальных помещениях Западного флигеля («раскоп» № 11) и в 1971 г. попыталась выбрать часть подвалов в южной части упомянутого флигеля («раскоп» № 47). Согласно «Отчёта по объекту «Бывший Королевский Замок» /сводный список № 1/, составленному в 1981 г. Е.Е. Стороженко, «в западном крыле «раскоп» № 11/ вскрыты пустые подвалы ресторана «Блютерихт», глубиной до 8 м». Также и в «раскопе» № 47 «вскрыты разрушенные подвалы, засыпанные мусором». «Разрушенные подвалы» Западного флигеля обладали неплохо сохранившимися фрагментами сводов (во всяком случае – до проведения весьма непрофессиональных акций «геолого-археологов») и были действительно заполнены грунтом. Сведения об отсутствии значимых находок в подвалах интересующего нас флигеля следовали и из неофициальной информации, исходившей от анонимного очевидца и участника упомянутых работ. Лишь окончательная планировка Центральной площади летом-осенью 1974 г., засыпка её грунтовыми подсыпками под газоны и под вымостку прекратили зловещую и губительную для бесценного памятника археологии деятельность самозванных, вернее – назначенных советской властью «геолого-археологов». Сам факт превращения Королевского Замка из памятника архитектурного в памятник археологический буквально на глазах наших современников, в числе которых находился и автор этих строк, заслуживает особого внимания и определения меры гуманитарной ответственности авторов данного акта подлинного вандализма (а вовсе не «исторической справедливости», как кому-то думалось в уже далёкую ранне-брежневскую эпоху).

Кажется, неумолимое время всё сделало для того, чтобы полностью стереть память о Замке. Его стены в 1955-1968 гг. взрывались и растаскивались танками, ранее в руинах Замка методами, далёкими от научных, действовали официальные «поисковики» и копатели-дилетанты. Во властных структурах Города сложилось мнение о том, что от Замка не сохранилось даже фундаментов. Однако многие калининградцы по крупицам собирали информацию о «Замке Трёх Королей». Именно

так, ошибочно связывая с историей замка фигуры на Королевских Воротах, именовали замок многие калининградцы. Некоторые из них считали замком руины Домского собора на о. Кнайпхоф. С 1991 г. открытость Калининграда отворила информационные шлюзы, немецкие архивы и библиотеки обрушили на нас подлинные потоки ценнейших данных о Замке. В этом потоке как бесценные жемчужины попадались редкие сведения о Музее «Пруссия», располагавшемся в Замке Кёнигсберг.

- 5 -

4. Использование зданий и территорий замка

Наиболее правильным, на наш взгляд, было бы приспособление западного крыла замка под Музей города с развернутым показом материалов по героическому штурму Кенигсберга советскими войсками. После благоустройства территории замка в центре бывшего замкового двора может быть воздвигнут монументальный памятник героям штурма, выразительным фоном для которого будут служить законсервированные руины северного крыла.

Можно не сомневаться, что после проведения всех работ по консервации зданий и благоустройству территории бывший Королевский замок станет украшением молодого советского города Калининграда.

ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР ПРОЕКТА
ЦЕНТРАЛЬНЫХ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫХ
МАСТЕРСКИХ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

1/8-1964.

Б. Л. АЛЬТИМУЛЕР

Верно: *Вокос*

Рис. 136

Рис. 135

Рис. 138

Рис. 140

Рис. 134

Рис. 139

Судьба Музея «Пруссия»

В ноябре 1844 г. в Кёнигсберге состоялось важное для культурной жизни Балтии и Германии событие: известный историк искусства профессор Эрнст Август Хаген (1797-1880 гг.), собравшись в кафе «Националь» на Параденплатц вместе с архивным советником Фридрихом Адольфом Мекленбургом и шестью коллегами, создал Общество по изучению древностей «Пруссия». Целью работы Общества, обозначенной его основателем, были «поиск и сохранение прусских древностей и предметов искусства любого рода». Годом позже Общество «Пруссия» унаследовало часть собрания археологических находок, ранее находившееся в ведении Физико-Экономического Общества, созданного в г. Морунген (ныне – г. Моронг, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша). Так было положено начало одному из самых крупных собраний стран бассейна Балтийского моря. Полностью собрание археологических находок указанного Общества при участии его хранителя Отто Тишлера перешло в новый музей в 1879 г.

В 1874 г. на базе этих музейных собраний в Кёнигсберге был учреждён Восточно-прусский провинциальный музей. Его крупнейшим доисторическим отделением (будущий Музей «Пруссия») после объединения музейных фондов руководил отец прусской археологии Отто Тишлер. Тесный союз этого музея и Общества по изучению древностей «Пруссия» успешно продолжался В 1878-1939 гг. выходили Сообщения этого Общества, именовавшиеся "Prussia-Berichte". На их страницах большое место отводилось публикации и анализу артефактов из фондов Восточно-прусского провинциального музея. В 1879 г. был издан первый каталог этого музея. Его залы 6 сентября 1879 г. посетил кронпринц Фридрих, через 7 лет ставший Кайзером Фридрихом III (1831-1888 гг.) и правивший 99 дней. Он с большим интересом осмотрел экспонаты, среди которых почётное место заняли находки, добытые только что раскопками Отто Тишлера на грунтовом могильнике Доллькайм (ныне – пос. Коврово Зеленоградского райо-

на). Будущему наследнику Имперского престола очень понравился порядок, царивший в музее и тот творческий настрой, которым характеризовалась работа его сотрудников. Следствием этого позитивного впечатления, полученного высокой особой, стала передача в сентябре 1881 г. в фонды Музея «Пруссия» (так стал музей называться неофициально) коллекции местных древностей, до этого хранившихся в Королевском архиве Кёнигсберга.

В 20-х годах XX в. руководство Общества по изучению древностей «Пруссия» (и, соответственно, дирекция музея) располагались в доме 65/67 по улице Кёниг-штрассе (ныне – ул. Фрунзе).

Летом 1936 г. фонды Музея «Пруссия» были переведены в здание «Ложи трёх корон» (ул. Хинтертрагхайм, 31, около здания «Парк-Отель», ныне – ул. Сергеева). Вскоре, 1 июня 1938 г. доисторическое отделение Музея «Пруссия» обрело самостоятельность и под названием «Земельное учреждение доистории» поступило под начало молодого тогда прусского археолога Вольфганга Ла Бом (очевидно, потомка французским иммигрантов).

В Замке Кёнигсберг к 1944 г. было сформировано крупнейшее в Балтии музейное собрание древностей. Массив этих раритетов, насчитывавших более 240 тысяч единиц хранения, составляли археологические коллекции Музея «Пруссия» (Prussia-Museum), с 27 ноября 1925 г. официально размещившегося в двух замковых флигелях. Ранее считалось, что до 80% материалов этого музея было безвозвратно утрачено в конце Второй Мировой войны, чем европейской культуре был нанесён непоправимый урон. Однако время внесло свои коррективы. Выяснилось, что судьба прусской археологической «Атлантиды» до конца ещё не ясна.

Немецкий археолог Кристина Райх установила, что ещё в 1943 г. часть фондов и описей «Земельного учреждения доистории» было перевезено для лучшей сохранности от бомбёжек в поместье Карлсхоф (ныне – Ка-

ролево, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша). В декабре 1944 г. – январе 1945 г. два вагона музейных экспонатов по железной дороге были направлены на территорию современной северо-западной Польши. Впоследствии эти находки оказались в усадьбе Боок близ восточногерманском городе Деммин, где и пролежали благополучно до 1949 г. В этих спасённых ящиках вместе с находками находились полевые археологические описи, планы раскопов, собрание негативов. В 1949 г. директор Музея до- и протоистории Вильгельм Унферцагт перевёз эти находки и архивалии из Деммина в Восточный Берлин и передал в распоряжение Академии наук ГДР, в чьём ведении все эти сокровища и находились всё послевоенное время. Информация о них в научном мире Европы и СССР отсутствовала. В 1994 году всё это богатство вернулось в Музей до- и протоистории во дворце Шарлоттенбург (Берлин).

В своём письме, отправленном до падения Кёнигсберга (Feldpost Nr 09846) и частично опубликованном Генрихом Ланге, известный прусский археолог В. Ла Бом поднимает заветы тайны, скрывавшую последние дни существования Музея «Пруссия». Другая часть фондов Музея «Пруссия» и основной массив находок из экспозиции Музея (включая золотые и серебряные украшения) после разрушений, постигших Замок 30 августа 1944 г., были упакованы в 34 ящика и перевезены в форт № 3 у пос. Кведенау (форт, получивший имя «Кайзер Фридрих III» в 1894 году) (ныне – у пос. Северная Гора). Некоторые экспонаты были транспортированы в форт прямо в музейных витринах. Новое место музейного хранения 24 февраля 1945 г. посетил их ответственный хранитель Вольфганг Ла Бом. Составленная им опись эвакуированных экспонатов хранилась в последние дни войны в Кёнигсберге. Судьба этих бесценных документов не ясна. К сожалению, часть экспонатов так и осталась в залах Музея «Пруссия». Как свидетельствует информация, собранная Генрихом Ланге, среди них – остатки шкафа и витрины с находками эпохи неолита (культура воронковидных кубков?), а также препарированное и находившееся в зале захороне-

ние коня римского времени с бронзовыми (?) деталями оголовья. Все эти комплексы были разрушены пожаром августа 1944 г. и не вывозились из музейных залов. Согласно приказа гауляйтера Эриха Коха «Об укреплении крепости Кёнигсберг» (март 1945 г.) все окна первого этажа и некоторые двери помещений Замка (включая Южный флигель с музейными залами) были заложены кирпичом. Так Замок готовили к обороне. Таким образом, часть экспонатов была фактически замурована в залах и пережила там штурм Кёнигсберга частями Красной Армии.

Сразу после завершения этого штурма советское правительство, озабоченное судьбами отечественных культурных ценностей, увезённых в Германию из оккупированных Вермахтом советских территорий, повело на прусской земле работу по их поиску. В рамках этих акций известному археологу, специалисту по восточноевропейским древностям эпохи бронзы, профессору Александру Яковлевичу Брюсову, в замковых помещениях, ещё хранивших эхо последних выстрелов апреля 1945 г., удалось найти немало памятников истории и искусства. Среди них были и археологические экспонаты. Значительная часть этих находок, как упоминает А.Я. Брюсов в своих дневниковых записях, была отправлена в Москву. Очевидно, эти материалы были адресованы в фонды Государственного Исторического Музея (Красная площадь, дом 1), где работал Александр Яковлевич. Однако в музейных фондах его находки так никто и не увидел. Их судьба по-прежнему не ясна.

Часть экспонатов Музея «Пруссия» осталась в новом для России областном центре – Калининграде. Более 90 единиц хранения (только – чёрный и, реже, цветной металл) было закуплено в 1950 г. местным краеведческим музеем у «поисковиков» Максимова А.В. и Неймарка Б.Ф., нашедших их в руинах южного (?) и западного замковых флигелей. Очевидно, при расчистке остатков «Зала Восточно-Прусской Славы» на 4-м этаже Западного флигеля хранившиеся там экспонаты были сброшены вниз и там подобраны «поисковиками». К счастью для нас, не все находки попали им в руки. Часть из них закатилась

в слуховые окна подвала Западного флигеля и была найдена в 2001-2005 гг. в процессе раскопок, проводившихся здесь Балтийской экспедицией ИА РАН.

Уже в 1992 г. выяснилось то, что ещё в 1943 г. часть музейных фондов из Королевского замка была эвакуирована на запад и ныне хранится в Музее до- и протоистории в Берлине. Дольше всего оставалась неясной судьба музейной экспозиции, которая располагалась в шести залах первого этажа замка и включала “хрестоматийные” экспонаты, известные каждому европейскому археологу. Считалось, что эта “прусская Атлантида” навеки скрылась от человеческих глаз.

Ещё в ходе войны часть археологических коллекций Музея “Пруссия” в начале января 1945 г. была перевезена в один из фортов во внешнем кольце укреплений города-крепости Кёнигсберг. Это было сделано после разрушения английскими бомбардировщиками в конце августа 1944 г. исторического центра Кёнигсберга. Некоторые музейные экспонаты, видимо, пытались вывезти уже из пылающего замка, но рушащиеся древние стены не позволили провести оперативную эвакуацию. Лишь в 1966 -1967 годах музейный сотрудник В.Н. Строкин нашёл в руинах замка остатки ящиков с инвентарными описями и экспонатами, вместе с костями и амуницией охранявшего (транспортировавшего ?) эти находки солдата Вермахта. Он навсегда остался под рухнувшими музейными сводами. Свою работу по поиску остатков экспозиции Музея «Пруссия» В.Н. Строкин проводил по поручению руководства Калининградского краеведческого музея. Она осуществлялась на уровне методик, далёких от археологических. Условия, при которых были сделаны эти интереснейшие находки, как и другие (рис. 141), навсегда останутся до конца невыясненными.

Руководство Кёнигсберга смогло укрыть прусские раритеты от опасности лишь в начале последнего года войны. Эту информацию в 1959 г. один из ведущих археологов Балтии, директор Департамента древностей имперской провинции Восточной Пруссии Вольфганг Ла Бом сообщил в письме польскому коллеге профессору Ежи Антоневичу. Позд-

нее, в 1968 г. ветеран войны И.И. Алчаков сообщил о том, что в одном из подземелий форта “Король Фридрих Вильгельм I” в 1946 г. он обнаружил упакованные в ящики каменные орудия, предметы из кости и бронзы. Судя по сообщениям жителей послевоенного Калининграда В.А. Иванова и Л.Е. Титова, в казематах упомянутого выше форта находились “старинные монеты, наконечники копий, камни с этикетками”, “...осколки янтарных изделий, фигурки зверей из серебра и бронзы, керамические чаши и вазы”. Все эти сведения бережно собрал известный исследователь судеб утраченных культурных ценностей А.П. Овсянов и весьма суммарно упоминал в своих выступлениях и публикациях с 1994 г. Ранее, в 1969 году ряд писем с указанием места сокрытия находок Музея «Пруссия» (среди них письма В. Ла Бом) поступили из компетентных органов в распоряжение Калининградской геолого-археологической экспедиции. Правда, эта информация ни тогда, ни в эпоху «перестройки» никоим образом не привлекла внимание соответствующих органов культуры, археологам же эти письма были до опубликования их А.П. Овсяновым в 1998 г. недоступны.

Свет надежды на обретение пропавших сокровищ истории Янтарного края забрезжил лишь в 1998 г. Тогда на антикварном рынке г. Калининграда стали появляться различные древние предметы, связанные с археологией бывшей Восточной Пруссии. Среди них были изделия из камня, кости, бронзы и серебра. Некоторые из этих древностей, судя по рассказам очевидцев, имели инвентарные номера и, судя по описанию, были сопоставимы с различными экспонатами из коллекций Музея “Пруссия”. Многие из этих находок известны по сохранившимся музейным каталогам и научным публикациям.

Сотрудникам Калининградского Областного Историко-художественного музея, получившим сведения о появлении у коллекционеров предметов из Музея “Пруссия”, пришлось на время переквалифицироваться в сыщиков, поскольку узнать, откуда именно добыты реликвии истории, было очень не просто. Существовала лишь смутная информация о том,

что археологические предметы поступают с одного из пятнадцати фортов, до 1945 г. входивших в систему внешних укреплений города-крепости Кёнигсберг. Музейные сотрудники обратились за помощью в местный Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры (НПЦ), на балансе которого находятся упомянутые фортификационные сооружения. Предполагалось найти форт, в котором ведутся несанкционированные «раскопки». Однако, как оказалось, подобные работы ведутся на всех тех фортах, в пределы которых к настоящему времени доступ свободен. Ещё одним осязаемым «свидетельством» обнаружения «черными копателями» древностей Музея «Пруссия» стал факт передачи в Областной Историко-художественный музей Максимом Пестриковым, работником одного из антикварных магазинов Калининграда, части найденных археологических коллекций, купленных у «неизвестных лиц». Общее число артефактов (по большей части - мелкие фрагменты ранее целых музейных экспонатов) достигло трёх тысяч единиц, их датировки - от каменного века до эпохи позднего средневековья. Среди переданных вещей были кремневые орудия, различные изделия из бронзы (застёжки-фибулы, пряжки, накладки, наконечники ремней, подвески и проч.), стеклянные и пастовые бусины римского времени, фрагменты керамических сосудов, детали конского снаряжения, а также прочие прусские древности. Ряд находок имел маркировку, связанную с коллекцией Музея «Пруссия». Данный факт передачи в музей стал дополнительным импульсом к активизации поисков точного места «складирования» древностей. Часть находок в 2000 г. удалось выкупить у антикваров благодаря финансовой помощи предприятия «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть» и экспонаты поступили в фонды Областного историко-художественного музея.

В конце концов поиски завершились полным успехом: в ходе обследования форта № 3, у входа в один из его казематов в декабре 1999 г. были обнаружены несколько прусских стреляных XI-XII веков. Правда, ранее эти музейные экспонаты, как выяснилось, видел сам

А.П. Овсянов, но, не будучи специалистом, посчитал их за «ободы от водосточных труб» (!!!) и оставил без внимания. Однако радостно осознавать, что в 2001 г. именно этот искатель стал лауреатом Премии «За подвижничество», вручённой Авиериу Петровичу Международным благотворительным фондом им. Д.С. Лихачёва в том числе - за обнаружение «части архива Кенигсберга из музея «Пруссия» (около 40 тысяч экспонатов)...» (лексика интернетного сообщения сохранена). Всё таки находка «ободов» не осталась незамеченной прогрессивной общественностью.

На следующий день после безрезультатного «похода» в форт № 3 А.П. Овсянова туда пришли археологи под руководством А.А. Валуева. Нашлись помещения, заваленные слоем мусора, оставшегося от прежних «военных» хозяев, покинувших свою прежнюю дислокацию в 1998 г. Этот современный культурный слой, уже перекопанный копателями (они то и «выбросили» на антикварный рынок свои находки), всё же содержал предметы археологии. Для сбора остатков старых музейных коллекций была сформирована группа, состоявшая из сотрудников Областного Историко-художественного музея, уже много лет участвующих в работах Балтийской археологической экспедиции. В состав группы вошли заведующая музейным отделом истории края С.А. Коваль, сотрудники музея К.Н. Скворцов, Н.И. Целовальник, О.В. Хоржевская. Работу группы возглавил старший научный сотрудник музея А.А. Валуев. Работы проводились в 1999-2001 гг. На первом их этапе проводилась последовательная выборка из внутренних помещений казематов послевоенных напластований, содержавших экспонаты. Грунт поэтапно просеивался на крупном и мелком ситах. После этого на деревянном столе типа школьного (найден в одном из близлежащих казематов) производилась первичная сортировка обнаруженных предметов и скрупулёзный отбор всех археологических предметов, включая их мельчайшие фрагменты. Таким образом, руками и на морозе было обработаны многие тонны грунта. Второй этап работ включал детальный осмотр всех помещений форта с целью об-

наружения других помещений, которые могли содержать остатки музейных коллекций. В случае необходимости грунт из этих помещений также просеивался и просматривался. В ряде помещений проводилось также изучение подпольного пространства и простенков с помощью щупов и металлодетектора.

Всего в ходе работ было найдено более 60000 археологических предметов. К сожалению, их большая часть находилась во фрагментированном состоянии, что является следствием повреждений, нанесённых коллекции, скорее всего, в послевоенное время. Однако не следует сбрасывать со счетов возможность утрат, которые понесли коллекции Музея «Пруссия» в ходе бомбардировки, которой в ночь с 29 на 30 августа 1944 г. подвергла центр Кёнигсберга английская авиация. Лишь приблизительно можно представить путь находок из Замка, который они проделали в святочные дни 1945 г. Загруженные в деревянные ящики целые экспонаты могли быть перемешаны с обломками, в которые превратилась в результате бомбардировки часть музейной экспозиции. Ящики были размещены в казематах форта № 3, избранных для них как временное пристанище от военного лихолетья. Однако события весны 1945 г. - блокада Кёнигсберга и его штурм советскими войсками - сделали стены казематов для музейной экспозиции укрытием на долгие годы. В послевоенные десятилетия некоторая часть находок могла пропасть во время дислокации в форте № 3 военных частей. Тем не менее превращение этого форта в «закрытый» объект в сущности спасло немалое число прусских исторических раритетов. Несмотря на то, что ящики, в которых хранились экспонаты, вскоре после войны сожгли, а крупные скульптуры из цветных металлов сдали «на металлолом». Перемешанное с разнообразным мусором и пеплом содержимое ящиков красnofлотцы, наводившие порядок в расположении военной части, неоднократно перебрасывали из одного каземата в другой, с глаз долой. Тем не менее (а может - благодаря тому, что «мусор из избы» бойцы не выносили) уже в ходе первичной разборки, проводившейся в декабре 1999 г.

удалось идентифицировать ряд артефактов, неоднократно публиковавшихся в научной литературе. Для предшествующей реставрации дальнейшей «дешифровки» спасённых раритетов прусской археологии был привлечён научный потенциал Института археологии РАН. Эта уникальная для отечественной науки идентификация позволила вернуть мировому культурному сообществу те сокровища истории нашего континента, которые считались навеки исчезнувшими в смертоносном пламени мировой войны. Сделанные в форте «Кайзер Фридрих III» находки, в прямом и переносном смысле слова возникшие из пепла, не представляя реального значения для современных коллекционеров, однако обладают большой ценностью для современной науки. На глазах наших изумлённых современников экспозиция Музея «Пруссия», считавшаяся навеки утраченной, возрождается подобно сказочному Фениксу. Это воистину эпохальное событие добавит новую главу в бесценную книгу истории Европы - нашего общего дома. Случай с возрождённой экспозицией Музея «Пруссия» - пример одного из немногих «мифов XX века», ставшего исторической реальностью.

Само Общество по изучению древностей «Пруссия» не погибло в огне II Мировой войны. Оно было возобновлено 6 октября 1972 г. старшим школьным советником Эрихом Гримони, Куртом Эрцбергером, Ульрихом Альбинусом и их пятью коллегами. Все они являлись уроженцами Восточной Пруссии и свято чтит традиции изучения прошлого своей Отчизны. Их работа проводилась «в духе традиций старого кёнигсбергского общества». С 1984 г. и во время написания этих строк Обществом руководит профессор медицины Гюнтер Брилла (Бонн). К сожалению, современные немецкие историки, этнографы и археологи не вовлечены в деятельность Общества по изучению древностей «Пруссия» и в целом далеки от проблем истории юго-восточной Балтии. Ежегодные собрания членов Общества проводятся в Музее «Город Кёнигсберг» (Дуйсбург), руководимом Лоренцем Гримони.

443m
3/12-66

РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ "ИЗВЕСТИЯ"

Копия: г. Киев-33, Никольско-Ботаническая
№ 15/17-а кв. 35
гр-ке Шальда Л.М.

На Ваш № 86-69258 от 25 марта 1967 г.

На письмо гр-ки Шальда Л.М. по вопросу сохранения руин королевского замка в г. Калининграде сообщаем, что этот вопрос облисполкомом рассматривался внимательно и неоднократно.

Дело в том, что в ходе военных действий и особенно при штурме города и крепости Кенигсберг королевский замок сильно пострадал, а оставшиеся части здания угрожают обвалом и создают угрозу для жителей города.

В настоящее время город Калининград застраивается новыми зданиями и сохранение в самом центре развалин ничем не оправдано.

При строительстве г. Калининграда, как современного культурного центра, мы тщательно сохраняем многие здания, представляющие собой историческую и архитектурную ценность. Восстановлено здание бывшего кенигсбергского университета. На месте старого театра воздвигнуто новое современное здание областного драмтеатра. Взяты под охрану государства могила-мавзолей Канта, памятник Шиллеру, кафедральный собор и другие. Идут работы по восстановлению зданий бывшей бирки под Дом культуры моряков.

Но восстанавливать руины замка и вкладывать огромные капиталовложения, по сути дела, в строительство нового замка мы считаем нецелесообразным.

Заместитель председателя
облисполкома

(В. Богданчиков)

Поисковая лихорадка

 то - феномен, во многом являющийся частью подсознания рядового человека, с детства считающего себя членом великого братства кладоискателей. Романы Роберта Льюиса Стивенсона и Майн Рида с детства воспитали в каждом обитателе Западной и Восточной Европы неизлечимую страсть к поиску запрятанных (потерянных, скрытых, наконец – просто – таинственных) сокровищ. В советское время идея кладоискательства, шире – присвоения чужих сокровищ была поднята до уровня политического лозунга благодаря выдвинутому Л.Б. Троцким кличу 1917 г. «Грабь награбленное!»

Кёнигсбергская версия кладоискательства как формы состояния души отличается ощущением торжества справедливости при возвращении культурных ценностей злодейски украденных гитлеровцами в музеях оккупированных областей СССР и прочих стран Европы.

Из сведений, изданных в 1998 г. А.П. Овсяновым следует, что уже 25 апреля 1945 г., через две недели после капитуляции «крепости» Кёнигсберг в Замке велись поиски утраченных сокровищ. Первоначально учёные и деятели культуры, во многом случайно занятые этими акциями (до них ли было в «трофейной» прусской земле в жарком мае 45-го!) обращали внимание на мебель и крупные по своим габаритам предметы искусства. Так была обнаружена инвентарная книга художественных собраний Замка, в которой под № 141 5 декабря 1941 г. была зарегистрирована Янтарная комната, комплекс которой включал 143 единицы хранения. Трагедия этого поискового движения заключалась не только в случайности подбора персонала «поисковых бригад» (чего стоит упоминаемый А.П. Овсяновым некий «представитель Академии наук тов. Шапиро» /академик, лаборант, завхоз, самозванец ?/, но и в отсутствии системы работы. Так, например, даже для самих поисковиков вспомнить конкретное место находки (для археолога-профессионала место находки важно как средоточие научной информации) весьма затруднительно. В описях экспонатов, хранящихся в фондах Калининградского областного историко-художественно-

го музея, значатся находки, проданные в 1950 г. музею (тогда – краеведческому) архитектором Арсением Владимировичем Максимовым: «браслеты витой проволокой разных видов – 3 шт., наконечники стрел – 9 шт., ожерелье из серебра (где оно сейчас ? – К.В.) – 1 шт., ..., ритуальный кувшинчик – 1 шт....» Можно только догадаться о том, что эти экспонаты были собраны А.В. Максимовым в Западном флигеле Замка. Они относятся к различным экспозициям Музея «Пруссия».

В отличие от А.В. Максимова и некоего Неймарка, занимавшихся «копательством» самостоятельно, для собственных нужд (Замок не обладал статусом памятника истории и культуры и не подлежал государственной охране, поэтому «копательству» никто не препятствовал), в Замке на протяжении послевоенных десятилетий действовало множество «поисковых бригад», занятых поисками легендарных культурных ценностей. Одними из первых групп «поисковиков» были бригады Н.Ю. Сергиевской и И.И. Цирлина (Комитет по делам искусств), Т.А. Беляевой, А.Я. Брюсова и А.И. Пожарского (Комитет по делам культпросветучреждений), работал в Замке представитель МГУ Д.Д. Иванов. Среди участников этих «формирований» стоит упомянуть единственного археолога – профессора Александра Яковлевича Брюсова, долгие годы проработавшего в Государственном Историческом музее и являвшимся специалистом по древностям эпох неолита и бронзы Восточной Европы. До сих пор непонятно, по какому принципу он был отобран для поисковой работы. Очевидно, в этом случае, как и в других, решающим было знание немецкого языка, а не знакомство с музейным делом Кёнигсберга и с прусской археологией. Таких специалистов в СССР не было, да и сейчас их крайне мало.

А.Я. Брюсов подчинялся в Калининграде некоей Т.А. Беляевой, явно с археологической работой не знакомой. Почти всё лето 1945 г. А.Я. Брюсов собирал (по его записям – «...шли раскопки...») под обломками стен и перекрытий Замка (помещения, подвергнутые разбору, неизвестны) картины, фарфор, документы. Всего набралось 60 ящиков ценностей, относивших-

ся к ведению Городского собрания предметов искусства и, в меньшей степени, Музея «Пруссия». Их судьба не выяснена до сих пор: их следов нет ни в Калининграде, ни в Москве... Пожалуй, серьёзным результатом работы А.Я. Брюсова был его вывод об уничтожении Янтарной комнаты в Замке в огне последних боёв за Кёнигсберг. По А.П. Овсянову, эту «пожарную» версию преподнёс легковерному археологу А. Роде, имеющий в книгах нашего «главного краеведа» вид опереточного злодея.

Победные весна и лето 1945 г. и первые послевоенные годы для Замка знаменательны работой профессионально несостоятельных (с точки зрения полевой археологической методики) групп. Наряду с бригадой Комитета по делам искусств СССР под руководством некоей Н.Ю. Сергиевской, группой профессора, члена-корреспондента АН СССР С.Д. Сказкина (по учебникам и лекциям которого учился автор этих строк) работали подчас самые фантастические коллективы. Среди них – Комиссия профессора А.И. Петрусова из Воронежского мелиоративного института, представители Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Схема Замка, составленные одним из таких «копателей» по памяти (рис. 143), показывает уровень их подготовки и сферу интересов. Отсутствие Открытых листов на право проведения раскопок и полная неподготовленность к ним этих коллективов позволяет подозревать в них своеобразные «трофейные команды», снабжавшие свои учреждения «взятыми на шпагу» антиками. Так ли это – могут свидетельствовать лишь бесчисленные памятники изобразительного искусства, изъятые из стен Замка и рассеянные по самым неожиданным точкам на необъятной карте СССР.

В 50-х годах в Замке продолжалась работа «поисковых бригад», шедшая в худших традициях трофейной «романтики». Пожалуй, стоит упомянуть деятельность группы одного из секретарей обкома ВКП(б) В.Д. Кролевского, с 1958 г. начавшую «искать» в Западном флигеле при помощи экскаватора и солдат срочной службы. Так продолжалось в мирное время поступательное разрушение Замка, «осиною гнезда прусского милитаризма и фашизма». Этот процесс не утих, но усилился с возник-

новением в 1968 г. «геолого-археологической экспедиции» (КГАЗ) – «рабочий орган» (так – у А.П. Овсянова) Правительственной комиссии по поискам культурных ценностей при Министерстве культуры РСФСР. Ранее, в 1965 г. Замок стал «версионным» объектом № 1 в поисках легендарной (или же всё-таки пресловутой ?) Янтарной комнаты. В 1968-1972 гг. «экспедиция» развернула свои «работы» в руинах Замка (с конца апреля 1967 г. он постоянно подрывался), ведшиеся абсолютно грубо, непрофессионально и безо всяких официально положенных разрешительных документов на археологические раскопки. При этом в работах «геолого-археологов» принимали явно недобровольно участие несколько археологов из музеев Москвы (прежде всего – из «патронировавшего» КГАЗ Государственного Исторического музея – рис. 144) и Ленинграда. Но это коллеги до сих пор по известным причинам не любят вспоминать эти «раскопки». Нанеся непоправимый урон не только Замку, но и прочим памятникам архитектуры Калининграда и Калининградской области, эта непонятная структура при своей хаотической, лишённой системы работе никакой Янтарной комнаты не нашла, да и не могла найти... Лишь многочисленные детали столовых сервизов из раскрытых немецких тайников укрывали в 1983 году, времени расформирования этой «поисковой бригады» многочисленные шкафы в её офисе в Калининграде... Где хотя бы они? Ответ отсутствует.

Согласно акту от 1982 г., составленного начальником Калининградского Управления культуры Гречко И.А., Стороженко Е.Е. (тогдашняя начальница КГАЗ), Колупаевым В.И., Замок Кёнигсберг, «числящийся в Сводном списке объектов вероятного захоронения музейных ценностей за № 1... полностью (подчёркнуто автором) исследован путём НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ (выделено автором) – геофизической разведкой, раскопами и бурением». Такие вот были у Замка «исследователи», которые раскопали его «до основания, а затем...» объявили «полностью» исследованным. Не мудрено, что ни в Замке, ни в других «версионных объектах» ничего заслуживающего серьёзного внимания такие непрофессиональные «копатели» не нашли. Даже такие важ-

ные для «поисковой» деятельности, как портал подземного хода под «Зданием Унфрида», то засыпался щебнем, то вскрывался (рис. 145). Наконец, после «работ» КГАЭ 1969 г. он был разрушен (видимо, за ненадобностью).

Поразительно то, что в это время уже несколько полевых сезонов работала в Калининградской области Балтийская экспедиция Института археологии АН СССР. Просить методической помощи у археологов сотрудники КГАЭ, разумеется, не стали. Гордость или другие причины...? Ответа на этот вопрос нет.

Действия «поисковиков», ведшиеся в Замке с лета 1945 г., с 1953 г. осуществлявшиеся параллельно разрушению Замка и усиленные в 1969 г. с началом деятельности КГАЭ привели к тому, что по территории Замка тяжёлой техникой взад-вперёд перемещались чудовищные массы земли. В ней «тонули» не только отдельные вещевые находки и ценные архитектурные детали, но и терялись крупные элементы конструкции Замка. Его план буквально испещрён следами «раскопов» (рис. 146), которых таковыми мог назвать человек, знающий работу археологов лишь по советским фильмам сталинской эпохи. Там, как правило (вспомните «Заставу в горах») они выступают в качестве врагов Отечества и шпионов. Нечего говорить о том, что были безвозвратно уничтожены не только практически целые наземные сооружения, но и повреждены и бездарно засыпаны строительным мусором подвалы, подземные ходы и коммуникации XIV-XX вв. Глумление над «телом» Замка было завершено лишь в 1975 г. и длилось 30 лет! Теперь руины Замка покрывали многие тонны земли и бетонные плиты вымостки Центральной площади Калининграда.

Многие годы после возникновения этой площади и после начала так и не закончившегося строительства «дома советов» считалось, что уничтожены даже остатки фундамента Замка. На различных «этажах» советской власти говорили: место Замка перекрыто машиной «дома советов». Как показывает совмещение планиграфии этих несопоставимых по своему значению сооружений (рис. 147), эти мнения были далеки от действительности.

Поначалу здесь струились фонтаны, гуляла молодёжь, бабушки катали коляски с младенцами. Однако начало эпоху «перестройки» постепенно изменило имидж Центральной площади. Журчание фонтанов прекратилось. Правда, иногда площадь привлекала к себе внимание калининградцев, да и то – на зимний праздник Ханука, для выставления на видном месте светильника-меноры (рис. 148).

Археологические исследования руин Замка, ведущиеся с 1993 г. Балтийской экспедицией Института археологии Российской академии наук (рис. 149), ежегодно выявляют следы варварских «раскопов» самозванной «экспедиции», вскрытых ею в 1968-1972 гг. Её «раскопы» не имели ни геометрически правильных очертаний, ни нормальной ориентировки. Работы велись при помощи взрывчатки и тяжёлой техники. В пределах «раскопов» грунт послевоенных завалов выбирался неравномерно. Следы своих «изысканий» «геолого-археологи» скрывали, заваливая «раскопы» грунтом из разрушенных окрестностей Замка, в том числе – с Альтштадского кладбища (судя по наличию в засыпках разрозненного костного материала). Количество опустошённой винноводочной тары, пробок с достопамятной надписью «КЛВЗ» и даже обёрток незабываемых плавяных сырков, чётко датирующих засыпку «раскопов», поражает. Всё это ещё раз подчёркивает чрезвычайно низкий профессиональный уровень «поисковиков». Свидетельством этого является незначительное число находок, ими сделанных на Замке. Из недокопанных и даже переотложенных горе-«археологами» слоёв незамеченные КГАЭ находки были добыты раскопками 1993-2006 гг. и благополучно сданы в фонды Калининградского Областного историко-художественного музея.

Как свидетельствует А.П. Овсянов, даже в 1975 г., уже в процессе создания на месте Замка Центральной площади Калининграда, строители выбрали здесь шесть траншей длиной до 100 м и нашли при этом деревянный ящик с керамическими сосудами, спрятанный под фундаментом какой-то стены. Очевидно, это – один из тайников с экспонатами Музея «Пруссия». Где сейчас эти бесценные находки?

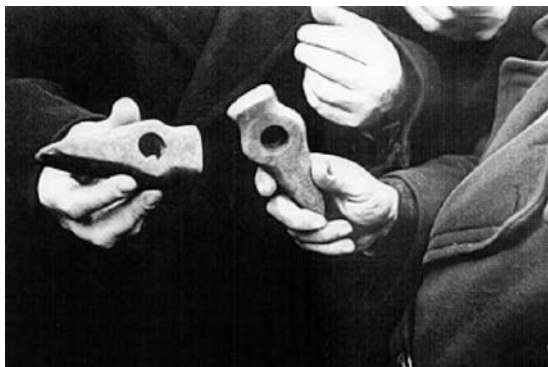

Рис. 142

Рис. 148

Рис. 144

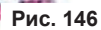

Рис. 145

Замок Кёнигсберг: Жизнь после смерти

Несмотря ни на что Замок, перешедший в виртуальную форму существования, продолжает жизнь после своей трагической гибели. Раскопки на Центральной площади нашего города подтвердили существование замковых фундаментов (рис. 150) и отложившихся здесь культурных слоёв. С 1993 г. раскопками удалось полностью выявить фундамент западного флигеля, самого крупного в Замке и обозначить очертания ряда прочих сооружений. Раскопками вскрыта площадь более 3000 кв. м. С 2001 г. археологические исследования осуществляются при поддержке немецкого журнала «Дер Шпигель». Его главная редакция под руководством Господина Штефана Ауста выступила с благородной инициативой вернуть европейской науке возможность изучать историю несправедливо забытого Замка Кёнигсберг. Журналисты из Гамбурга часто и с большим интересом посещали наши раскопки (рис. 151).

В ходе археологических работ вскрыты подвалы Замка, местами достигающие глубины более 6 м от современного уровня поверхности Центральной площади (рис. 152). Уже с 2003 г. к раскопкам руин Замка проявляют большой интерес представители городской и областной администраций (рис. 153). Тщательная фиксация в раскопах остатков замковых сооружений ведётся не только в целях научного изучения руин на современном методологическом уровне, но и с надеждой упростить работу при возможном воссоздании комплекса строений Замка (рис. 154).

Есть основания предполагать сохранность остатков древнейшего укрепления с деревянными фортификационными конструкциями - прусского городища с условным названием «Конунгаберг». Как показало вскрытие шурфов на Замковом дворе, древнее дерево (в основном - лиственница), оставленное здесь после демонтажа Дома Конвента, неплохо сохраняется в местном илистом грунте (рис. 155).

При любезной помощи главной редакции журнала «Дер Шпигель» в 2005 и 2006 годах часть территории Замка, вскрытой раскопками, была осмотрена для выявления возможных пус-

тот при помощи георадара (рис. 156). Прекрасные результаты приносит и традиционная методика раскопок. Так 30 мая 2005 г., расчищая грунтовой останец у переотложенного кирпичного блока (рис. 157), сотрудник экспедиции А.М. Васильев нашёл клад. Он представлял собой комплекс из 11 предметов XV-XVII веков, помещённых в крышку от серебряной пороховницы (рис. 158). Особый интерес среди хранившихся в ней предметов оккультного характера представляли собой подвеска из чёрного камня в золотой оправе (рис. 159) и бронзовый перстень (рис. 160) с таинственными гравированными изображениями.

О Замке пишутся десятки статей, в том числе - и в Калининграде. В 1998 г. Архитекторы В.Г. Еремеев и О.Н. Пасека выдвинули проект застройки центра Калининграда, где предполагалось «обнажить ранее засыпанные грунтом подвалы старого Королевского замка..., сверху построить над ними стеклянные крыши и расположить здесь историко-культурный центр» («Калининградская правда», 28 марта 1998 г.). Правда, многоуважаемые калининградцы, не располагая данными об этих подвалах, вряд ли смогли бы самостоятельно их обнаружить. Кроме того, согласно Законодательству РФ «Об охране и использовании памятников истории и культуры» все работы на памятниках археологии (увы, таким в 1967-1969 гг. стал Замок) должны вестись археологами на основании генеральной лицензии на раскопки - Открытого листа. Но в любом случае инициатива В.Г. Еремеева и О.Н. Пасеки ценна: с 1998 года в прессе начинается обсуждаться идея реновации Замка.

Главное - жители Города уже десятилетие заинтересованы в возрождении памяти о Замке. В какой бы форме эти акции не пройдет, главная цель в рамках восстановления исторической справедливости будет достигнута: Замок как средоточие европейской культуры в Балтии (а не как «форпост агрессии...») возродится.

Пока же о нём напоминают вскрытые в полевых сезонах 2001-2005 годов подвал западного флигеля с частично сохранившимся Королевым сводом (рис. 161).

В 2005 г. при поддержке Министерства культуры РФ проведены работы по консервации этого уникального памятника истории и культуры. Остатки вскрытых раскопками фундаментов были закрыты от осадков (рис. 162).

Губернатору Калининградской области Боссу Г.В. весной 2006 г. была доложена идея восстановления Замка по состоянию на 1938 г. (на это время приходится максимум информации о здании Замка). Нет сомнений в том, что этот гуманитарный акт вернёт народам Европы один из интереснейших памятников истории и культуры нашего континента, историческую доминанту Города на Преголе. Уже готовы два проекта воссоздания Замка, подготовленные главным архитектором г. Калининграда А.В. Башиным, один из которых предполагает использование в регенерационной работе массы новых строительных материалов (рис. 163).

В настоящее время на территории археологических раскопок оборудована смотровая площадка и стенды для публичного ознакомления туристов, горожан и гостей Калининграда

с историей Замка Кёнигсберг и сделанными здесь археологическими находками. Все организационные, информационные и финансовые вопросы по деятельности смотровой площадки осуществляет информационно-туристский центр ООО «Королевский замок», деятельность которого патронируют Министерство культуры области. Информационно-туристский центр ведёт большую воспитательную работу с посетителями руин Замка, стремясь и словом, и линией рисунка (рис. 164) донести до них то очарование истории, которое наполняло каждый камень, каждый кирпич в замковых стенах.

Орденский (Королевский) Замок Кёнигсберг являлся одним из древнейших в Балтии и во всей Северной Европе комплексом военно-административного и культурного значения. Он счастливо сочетал суровую внешность средневекового укрепления с сокровищницей человеческих знаний в своих стенах. Замок, подлинная твердыня человеческого духа, достойная памяти не только учёных, но и всех наших современников.

Рис. 153

Рис. 151

Рис. 152

Рис. 155

Рис. 150

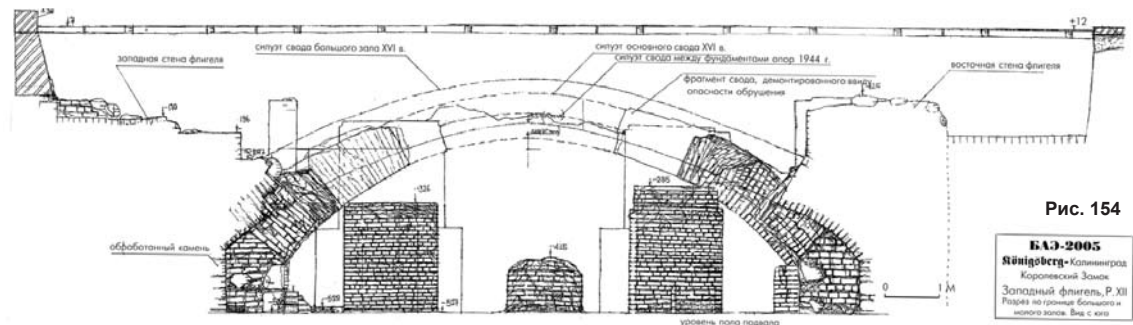
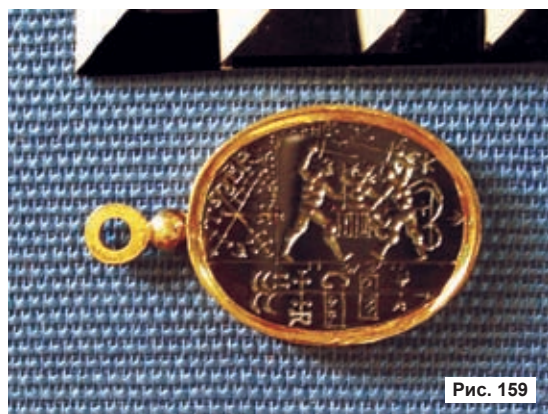

Рис. 164

Рис. 157

Рис. 163

Рис. 161

Рис. 162

Хронология Замка Кёнигсберг

1255 – основание первого, деревянного Замка на месте прусского городища, окружённого дубовой рощей Тувангсте

1260-1262 – осада Замка пруссами под руководством Герко Манто.

1275 – создание семиугольной в плане башни Хабертурм. Замок начинает возводиться в камне и в кирпиче и окружается девятью башнями.

1309 – Замок становится резиденцией Верховного Маршала, ведущего военачальника Тевтонского Ордена.

1255-1327 – Замок является центром комтурии Кёнигсберг и служит резиденцией комтура.

1387 – завершение строительства каменных сооружений Замка. Возникновение Замковой башни высотой 84,5 м.

1454 – в ходе Тринадцатилетней войны Замок захватывается и частично разрушается горожанами.

1457 – в Замок из Мариенбурга переезжает Великий Магистр и всё высшее руководство Тевтонского Ордена. Для их размещения возводятся помещения Великого Магистра, Фирмария, Госпиталь, Капелла Св. Анны.

1525 – Замок становится резиденцией герцога Пруссии и его семьи.

1569 – завершение строительства Южного флигеля.

1578 – начало фундаментальной перестройки Замка и закладка в рамках Западного флигеля помещений Цейхгауза, Замковой кирхи, Зала Московитов, зернового склада.

1594 – завершение перестройки Замка ознаменованы пышным празднеством, посвящённым свадьбе дочери герцога Альбрехта Фридриха Анны и кронпринца Иоганна Сигизмунда.

1600-1608 – окончательно оформляется внутренний вид Замковой кирхи с залов из двух нефов и с двойными крестообразными сводами.

1608 – мастер Адриан Зильберманн завершает работу над органом в Орденской кирхе.

1618 – объединение герцогств Пруссия и Бранденбург с общей административной столицей в Берлине. Однако Замок Кёнигсберг сохраняет значение как резиденция герцога.

1640 – первая защита докторской диссертации в рамках деятельности Альбрехтс-Университета проводится в Замковой кирхе.

1657, 11 июля – в Замке рождается наследник трона герцога Фридрих III – будущий король Пруссии Фридрих I.

1663 – прусские сословия присягают Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму в Замковом дворе.

1697 – приём в Замке специально прибывшим из Берлина курфюрстом Фридрихом III Великого посольства и царя Петра I (инкогнито).

1701, 18 января – коронация первых короля и королевы Пруссии – Фридриха I и Софии Шарлотты.

1711 – расположенный над Замковой кирхой зал размером 83 x 17,9 м при высоте потолка 6 м впервые упомянут как Зал Московитов. Назван так в честь посольства Великого Княжества Московского, побывавшего в Замке в 1516 г.

1714 – «Король-солдат» Фридрих Вильгельм I принимает в Замке присягу чиновников Кёнигсберга и превращает Замковый сад (к северу от Замка) в площадку для марш-парадов (прообраз будущей площади Параден-платц).

1717 – Фридрих Вильгельм I дарит Янтарный кабинет Петру I.

1730 – скульптор И.Г. Майсснер создал памятник королю Фридриху Вильгельму I, создателю единого города Кёнигсберг.

1740 – Фридрих II Великий прерывает традицию коронации в Замковой кирхе, однако принимает здесь присягу кёнигсбержцев.

1765-1772 – Иммануил Кант работает младшим библиотекарем в Замковом книжном собрании.

1786 – праздник восшествия на престол короля Фридриха Вильгельма II, происходивший в Замковом дворе.

1796 – начало традиции ежедневного исполнения на Замковой башне группой городских музыкантов двух хоралов.

1799 – подвал с винными погребком и складами, принадлежавшими компании Кох и Рихтер, обретают название «Блютгерихт».

1807 и 1812 – пребывание в Замке Наполеона I.

1810 – строительство в Северном флигеле помещения Высшего провинциального суда.

1840 – присяга и празднование в Замковом дворе восшествия на престол короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV.

1861, 18 октября - коронация Вильгельма I в Замковой кирхе. Почти через десять лет этот король Пруссии 18 января 1871 года в Версальском дворце станет Кайзером II Германского Райха.

1866 – Шпиль Замковой башни покосился и в рамках воссоздания своего средневекового облика башня по проекту архитектора Фридриха Августа Штюлера обретает псевдо-готический шпитц, покрытый поливной черепицей. На его конце вновь укрепляется изготовленный в 1686 г. флюгер с инициалами Великого Курфюрста.

1877 – воссоздание на стенах Замковой башни ромбических узоров из глазурованного чёрного кирпича.

1887 – проводится реставрация сводчатого потолка с деревянными панелями в «Зале Московитов». Это помещение продолжает оставаться крупнейшим залом Германии размером 83 x 18 м, высотой до 10 м, где потолок не поддерживается колоннами.

1904 – установка в 100-летнюю годовщину смерти И. Канта на стене Западного флигеля памятной бронзовой доски с его изречением из философской работы «Критика чистого разума».

1938 – издание последнего путеводителя по Музею «Пруссия».

1944 – ночной бомбардировкой с 29 на 30 августа английская авиация повреждает Замок и окружающую его застройку центра города. Зажигательные фосфорные бомбы уничтожают деревянные детали многих исторических сооружений.

1955 – начало деятельности «комиссии В.Д. Кролевского», связанной с частичным уничтожением замковых строений.

1967, 15 августа – историческое посещение Калининграда А.Н. Косыгиным

1968, 20 апреля - начало планомерного разрушения Замка.

1993 – начало строительства к северу от территории Замка комплекса торговых павильонов «Старая башня», названной так в честь башни фогта фон Лиделау, руины которой искала в 1993 г. Балтийская экспедиция ИА РАН.

Список иллюстраций к книге В.И. Кулакова «История Замка Кенигсберг:

Рис. 1. Местоположение Кёнигсберга на карте Восточной Пруссии (указано красной стрелкой).

Рис. 2. Центр города Кёнигсберга (фрагмент городского плана 1931 г.).

Рис. 3. Часть аэрофотоснимка центра Кёнигсберга (Замок помечен стрелкой) за несколько дней до бомбового удара в августе 1944 года.

Рис. 4. Палеогеографическая ситуация района Замка в доисторическое время. Условные обозначения: вверху – заболоченный (польдерный) лес, внизу – дубовый лес (Bohne-Fischer H., 1941, Abb. 33).

Рис. 5. Прусский нобиль на фоне горюща Тувангсте (реконструкция К. Паскаускаса).

Рис. 6. «Золотая булла», дарованная Императором Фридрихом II 2 марта 1226 г. в итальянском городе Римини Великому Магистру Герману фон Зальца.

Рис. 7. Фрагмент герба Тевтонского Ордена (олово), находившегося в Коронационной кирхе Замка и найденный при раскопках подвала Западного флигеля в 2004 году.

Рис. 8. Меч короля Оттокара II Пржемысла и прорисовка изображений на нём (XIII в.).

Рис. 9. Гробница короля Оттокара II Пржемысла в Соборе Св. Витта (замок Вышеград, Прага, XIV в.).

Рис. 10. Прорисовки оттисков древнейшей печати Комтурии Кёнигсберг, 1262 г. (слева) и города Альтштадт, 1360 (справа) с изображением сидящего на троне и на коне чешского короля Оттокара II.

Рис. 11. Герб Замка Кёнигсберг (реконструкция Г. Лермана).

Рис. 12. Герб Замка в центре Большого герба города Кёнигсберг, начало XIX в. (рек. Г. Лермана, Рис. Н. Захова).

Рис. 13. Фигура короля Оттокара II и герба Чехии на Королевских воротах до 1945 г. (прорисовка автора с довоенного фото).

Рис. 14. Надгробие крестоносца из замка Дундага (Латвия, XIII в.).

Рис. 15. Орденские рыцари XIII в. (реконструкция 1933 г.).

Рис. 16. Надгробие великого магистра Лютера фон Брауншвейг (Домский Собор в Кёнигсберге).

Рис. 17. Схема застройки окрестностей Замка в 1258 г. (Krollmann Chr., 1939).

Рис. 18. Схема развития замковой застройки (Fr. Lahrs).

Рис. 19. Профессор Фридрих Ларс (1880-1964 гг.).

Рис. 20. Схема руин Дома Конвента у стены Западного флигеля, выходящей на Замковый двор (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 21. Реконструкция вида Замка около 1400 г. (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 22. Реконструкция южного фасада Башни фогта фон Лиделау (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 23. Реконструкция Западного флигеля (южный фасад) (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 24. Каменные консоли арок сводов из Покоев Верховного Маршала (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 25. Интерьер Комнаты Великого Магистра (предвоенное фото).

Рис. 26. Интерьер Комнаты Великого Магистра при Фридрихе Саксонском (1498-1510 года) (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 27. Балкон на внешнем фасаде Южного флигеля Замка.

Рис. 28. Реконструкция интерьера Зала Московитов в конце XVI в. (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 29. Гранитная капитель пилястра (полуколонны) из заполнения подвала Западного флигеля (экспозиция КОИХМ).

Рис. 30. Лестница к турнирной галерее Северного флигеля и малая бронзовая фигура Курфюрста Фридриха II, созданные к 18 октября 1861 г. – дате коронации Вильгельма I.

Рис. 31. Реконструкция вида Замка в середине XVI века на фоне современной застройки (реконструкция Фр. Ларса с добавлениями Д.В. Кулакова).

Рис. 32. План Замка Кёнигсберг, 1701 г.

Рис. 33. План Восточного флигеля Замка со «Зданием Унфрида» (после 1704 г.).

Рис. 34. Окрестности Замка около 1257 г. (слева) и около 1600 г. (справа).

Рис. 35. Центры ремесла в городах вокруг Замка в XV в. (Franz W., 1939).

Рис. 36. План Замка Кёнигсберг и его окрестностей около 1400 года (Lahrs Fr., 1956).

Рис. 37. Барельефный портрет герцога Альбрехта Бранденбургского (Серебряная библиотека).

Рис. 38. Обложка одного из томов Серебряной библиотеки (Библиотека Университета в Торуня, Польша).

Рис. 39. «Суд Париса». Барельеф на обложке одного из томов Серебряной библиотеки.

Рис. 40. Герцог Альбрехт Бранденбургский. Гравюра из книги Кристофа Харткноха (1685 г.).

- Рис. 41.** Бюсты герцога Альбрехта и герцогини Анны Марии на шкафу в Комнате Ордена Чёрного Орла (до 1892 г.).
- Рис. 42.** Серебряное навершие коронационного прусского меча с барельефными портретами герцога Альбрехта и Доротеи Датской.
- Рис. 43.** Фрагмент поливного пивного (?) кувшина с изображением знака Козерога (XVI в.), найденный в подвале Западного флигеля в 2002 году.
- Рис. 44.** Экспозиция «Зала Славы» в «Зале Московитов». Вдали видны сани Великого Курфюрста Фридриха Вильгельма (открытка 1930 года из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 45.** Великий Курфюрст Фридрих Вильгельм.
- Рис. 46.** «Присяга курфюрсту Фридриху Вильгельму», гравюра Христофа Герке и Иоганна Готфрида Барча, 1663 г.
- Рис. 47.** Часть интерьера комнаты рождения Фридриха I.
- Рис. 48.** Первое изображение Замка. Фрагмент эпифании Иоганна фон Нимица на хорах Домского собора. Генрих Кёнигсвизер, 1557 г.
- Рис. 49.** План Кёнигсберга, 1581 г.
- Рис. 50.** План Кёнигсберга, 1590 г.
- Рис. 51.** Фрагмент плана Кёнигсберга, 1641 г.
- Рис. 52.** Пётр I.
- Рис. 53.** «Основание Ордена Чёрного Орла», Антуан Песне, 1701 г.
- Рис. 54.** Средний герб Королевства Пруссия.
- Рис. 55.** Детали декоративной цепи Ордена Чёрного Орла, найденные при раскопках подвала Западного флигеля.
- Рис. 56.** Коронация Фридриха I. Гравюра Эосандера фон Гёте, 1701 г.
- Рис. 57.** Мировопознание Фридриха I на его коронации в 1701 г.
- Рис. 58.** Прусские короны. Музей дворца Шарлоттенбург (Берлин).
- Рис. 59.** Вид Замка в ночь после коронации 1701 г. (реконструкция Д.В. Кулакова).
- Рис. 60.** Памятник королю Фридриху Вильгельму I (открытка начала XX века).
- Рис. 61.** Бронзовое навершие гренадёрской шапки времён короля Фридриха Вильгельма I, найденное при раскопках подвала Западного флигеля в 2003 году.
- Рис. 62.** Вид экспозиции Янтарной комнаты в Екатерининском дворце. Фото до 1914 г.
- Рис. 63.** Памятная серебряная медаль, чеканенная в 1755 г. в честь 500-летнего юбилея Замка Кёнигсберг (Фонды КОИХМ).
- Рис. 64.** Русская серебряная медаль в честь битвы при Кунерсдорфе, 1759 г.
- Рис. 65.** «Восточный флигель Замка», Вильгельм Барт (?), около 1809 г.
- Рис. 66.** «Замок в Кёнигсберге», гравюра 1834 г.
- Рис. 67.** «Замок от Альтштадской Церковной площади», гравюра 1844 г.
- Рис. 68.** Северо-западный угол Замкового двора (открытка 1940 года из собрания Н. А. Чебуркина).
- Рис. 69.** «Замковый двор с «Блютгерихтом» (открытка начала XX в. из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 70.** Вид на вход в ресторан «Блютгерихт» с северо-запада. Фото предвоенного времени (открытка 1938 года из собрания Н. А. Чебуркина).
- Рис. 71.** Вестибюль ресторана «Блютгерихт» (открытка 1936 года из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 72.** Малый зал ресторана «Блютгерихт». Гравюра конца XIX в.
- Рис. 73.** «Большой зал в «Блютгерихте» (открытка межвоенного времени из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 74.** Современная винная этикетка с фото возможного интерьера подвала Западного флигеля.
- Рис. 75.** Мерная латунная кружка для разлива и дегустации вина, найденная при раскопках в подвале Западного флигеля в 2004 году.
- Рис. 76.** Коронация Вильгельма I в 1861 г. Гравюра.
- Рис. 77.** Памятник герцогу Альбрехту у башни Хаббер-турм, 1906 г.
- Рис. 78.** Памятник Кайзеру Германии и Королю Пруссии Вильгельму I у башни Хинтерстерорт-турм, 1906 г.
- Рис. 78а.** Памятник Кайзеру Германии и Королю Пруссии Вильгельму I у башни Хинтерстерорт-турм, 1906 г. (открытка 1916 года из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 79.** Церемониальный Меч Закона, 1778 г.
- Рис. 80.** Интерьер Замковой кирхи. Вид с северо-запада (открытка начала XX в. из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 81.** Интерьер Замковой кирхи. Вид с юго-востока (фото начала XX века).
- Рис. 82.** «Замковый двор около 1850 г.» (открытка начала XX в. из собрания Н.А. Чебуркина).
- Рис. 83.** Замок и его округа по кадастровому плану Кёнигсберга 1815 г.
- Рис. 84.** План и фасад башни «Груберс-турм» (А, по Фр. Ларсу) и вид с востока на эту башню (В) по рисунку Иоганнеса Хейдека (конец XIX в.).
- Рис. 85.** Южный променада Замка (открытка начала XX в.).

Рис. 86. Водный источник и памятник королю Фридриху Вильгельму I у Южного променада Замка (открытка начала XX в. из собрания Н.А. Чебуркина).

Рис. 87. Южный променад Замка и вид на ул. Бергштрассе (открытка начала XX века).

Рис. 88. «Кёнигсберг в Пруссии. Внутренний Замковый двор» (открытка начала XX века из собрания Н.А. Чебуркина).

Рис. 89. Вид на Замок с птичьего полёта во время его последней реставрации (1938 г. ?).

Рис. 90. «Кёнигсберг/Восточная Пруссия. Площадь Кайзер-Вильгельм-платц и Замок» (открытка 1939 года).

Рис. 91. «Кёнигсберг. Вид Королевского Замка» (открытка начала XX в. из собрания Н. А. Чебуркина).

Рис. 92. «Наш Кайзер в авто перед Замковым порталом, Кёнигсберг» (открытка 1910 г.).

Рис. 93. Музыкальная команда 43-го пехотного полка на параде в Замковом дворе. Фото около 1936 г.

Рис. 94. Прорисовка аэрофотоснимка Замка с юго-востока.

Рис. 95. Смена караула с традиционным и «новым» знамёнами у Ворот Альбрехта. Фото Хорста Лёрцера, 1939 г.

Рис. 96. Плакетка, сделанная по эскизу Проф. Ганса Висселя, в честь годового собрания Художественного союза, 1937 г.

Рис. 97. Убранство Замкового двора по случаю выступления в Замке райхсканцлера (1938 г. ?).

Рис. 98. «Когда падали бомбы...». Плакат выставки 2005 г.

Рис. 99. Фрагмент аэрофотоснимка Замка и территории старого Лёбенихта. 1944 г. (?).

Рис. 100. «Кёнигсберг горит». Гравюра Франца Мартена, 1944 г.

Рис. 101. Замок перед бомбардировкой 1944 г. (вверху) и после неё (внизу) (фото из архива газеты «Остпрройссенблатт»).

Рис. 102. Портал входа в Музей «Пруссия» после бомбардировки 1944 г. (фото Фритца Краускопфа, Кёнигсберг).

Рис. 103. «Штурм Королевского замка в Кёнигсберге», Н.Ф. Сачко, 1945 г.

Рис. 104. Обложка агитационного журнала Главного Политического Управления Красной Армии «Фронтная иллюстрация» за 5 апреля 1945 г.

Рис. 105. Вид с юго-запада на южный фронтон Западного флигеля Замка летом 1945 г.

Рис. 106. Вид руин Замка в 1946-1952 гг. Акварель А.В. Максимова.

Рис. 107. Плакат «За свободу и жизнь – Фолькштурм» (1945 год).

Рис. 108. Каска из подземного хода (раскопки зимы 2006 г.).

Рис. 109. Западная часть подземного хода (раскопки декабря 2006 г.).

Рис. 110. «Кёнигсберг в Пруссии. Замковая кирха» (открытка 1942 года из собрания Н.А. Чебуркина).

Рис. 111. Логотип Общества по изучению древностей «Пруссия».

Рис. 112. Накладной бронзовый орёл с парадной каски из экспозиции «Зала Славы», найденный при раскопках подвала Западного флигеля в 2003 году.

Рис. 113. Фрагмент бронзовой гарды парадной шпаги пехотного офицера эпохи Вильгельма II из экспозиции «Зала Славы», найденный при раскопках подвала Западного флигеля в 2003 году.

Рис. 114. Серебряная монета «5 марок», чеканенная в 1888 г. во время краткого правления Кайзера Фридриха III из экспозиции «Зала Славы», найденная при раскопках подвала Западного флигеля в 2004 году.

Рис. 115. Камин эпохи Возрождения в «Зале Московитов».

Рис. 116. Вид с Замкового двора на Южный флигель и «Здание Унфрида» (фото начала XX века).

Рис. 117. Стихи Феликса Дана к 60-и летнему юбилею Общества по изучению древностей «Пруссия».

Рис. 118. Реставрационная лаборатория Музея «Пруссия» в Южном флигеле Замка. Крайний справа – ведущий реставратор Музея Фритц Йенч.

Рис. 119. Сотрудницы Музея «Пруссия» в кабинете директора Музея Вильгельма Герте (башня Груберштурм).

Рис. 120. Каменное изваяние «Манкестеен» (древности ятвягов, XII-XIII вв.) из пос. Елитки (Белостокское воеводство, Польша), стоявшее справа от входа в Музей «Пруссия».

Рис. 121. Планшеты с экспонатами и таблицами Музея «Пруссия» (плакетка из научно-популярного набора, продававшегося в вестибюле Музея «Пруссия»).

Рис. 122. «Привет из Музея «Пруссия» (открытка с частью фондового хранения экспонатов Музея «Пруссия»).

Рис. 123. Фрагмент бронзовой фибулы типа All,28 (I в. н.э.) из экспозиции Музея «Пруссия», найденный при раскопках подвала Западного флигеля в 2002 году.

Рис. 124. Фрагмент серебряного позолоченного наконечника ремня, орнаментированного в стиле Боре

(Скандинавия, IX - начало X веков) из экспозиции Музея «Пруссия» (найден в форте № 3).

Рис. 125. Железная фантазийная модель скандинавского топора (для показа в школах), орнаментированного в стиле Маммен (Скандинавия, X век) из экспозиции Музея «Пруссия» (найден в форте № 3).

Рис. 126. Фрагмент этнографической экспозиции Музея «Пруссия».

Рис. 127. Эркер у западного фасада Ворот Альбрехта с гербом Великого Курфюрста Фридриха Вильгельма (открытка начала XX века).

Рис. 128. Вид Знаменного (Тронного) зала с тронном прусских королей.

Рис. 129. Гранитные колонны в Замковой кухне.

Рис. 130. «Кёнигсберг в Пруссии. Памятник герцогу Альбрехту у Королевского Замка» (открытка начала XX века).

Рис. 131. Вид Замка. Гравюра неизвестного немецкого художника, 1955 г. (цветовая гамма изменена).

Рис. 132. Фанерный макет части Замка на праздновании 700-летнего юбилея Кёнигсберга в г. Дуйсбурге (1955 г.).

Рис. 133. Модель Западного флигеля и Замковой башни, изготовленный Хорстом Дюрингом в начале 90-х годов для Музея «Дом Кёнигсберг» (г. Дуйсбург). Слева – прежний обербургомистр Йозеф Кригнс и председатель Городского собрания Дуйсбурга Клаус Вайгельт.

Рис. 134. Остатки южного фасада Западного флигеля (около 1965 года).

Рис. 135. Западный фасад Западного флигеля (1965 год).

Рис. 136. Маркировка посуды из сервиза «исторического винного погребка «Блюттерихт» (экспозиция КОИХМ).

Рис. 137. Фрагмент «Заключения по вопросу о историко-архитектурной значимости и возможности консервации руин Королевского замка в г. Калининграде», 1964 год (ГАКО, Фонд. Р. 297, 8 оп., д. 1780, № 16).

Рис. 138. «Комиссия В.Д. Кролевского»: перекопка руин Западного флигеля (1958 год).

Рис. 139. Вид с юго-востока на руины «Здания Унфрида» (фото Алдакушкина В.П., 1965 г.).

Рис. 140. Процесс подрыва руин Замка. 1968 г.

Рис. 141. Официальная аргументация необходимости уничтожения руин Замка, 1967 год (ГАКО, Фонд Р. 297, 8 оп., д. 2039, № 4).

Рис. 142. Деятельность послевоенных «искателей» на Замке (В.Н. Строкин ?) и их находки (1955-1967 годы).

Рис. 143. Схема руин Замка, изготовленная одним из членов КГАЭ (их архива А.П. Бахтина).

Рис. 144. Часть подземного хода, выходящего из-под южного фасада «Здания Унфрида». На переднем плане чертит М. Попова (КГАЭ, «раскоп № 21», 1969 год) (фонды КОИХМ).

Рис. 145. Ещё не разрушенный портал подземного хода (КГАЭ, «раскоп № 7», 1969 год) (фонды КОИХМ).

Рис. 146. «Объект К. Замок. Схема раскопок и скважин» (КГАЭ, 1968-1972 годы) (фонды КОИХМ).

Рис. 147. План Замка с наложением очертаний «дома советов» (Д.В. Кулаков, 1999 год).

Рис. 148. Памятная доска И. Канта и ритуальный светильник-менора на месте башни «Хинтерстер-ортурм» (зима 2001 года).

Рис. 149. Общий вид раскопок руин Западного флигеля с «дома советов» (2003 год).

Рис. 150. Вид на руины Замковой башни. В голубом кепи – В.Н. Строкин (2002 год).

Рис. 151. Члены Главной редакции журнала «Шпигель» посещают раскопки подвала Западного флигеля. Второй слева – Главный редактор Господин Штефан Ауст (16 августа 2004 г.).

Рис. 152. Процесс раскопок подвала Западного Флигеля (май 2005 год).

Рис. 153. Председатель горсовета Е.В. Ган и заместитель начальника Управления культуры областной администрации А.Г. Попов осматривают раскоп на Западном флигеле (август 2004 г.). Фото В. Сомкина.

Рис. 154. Остатки свода подвала Западного флигеля. Полевой чертёж 2005 года.

Рис. 155. Деревянный водосток в слое ила, вскрытом в шурфе 2 на Замковом дворе (2004 год).

Рис. 156. Георадарные исследования подвала Западного флигеля (январь 2005 года).

Рис. 157. Место находки клада, найденного 30 мая 2005 года. Вид с юго-востока.

Рис. 158. Состав клада, найденного 30 мая 2005 года.

Рис. 159. Подвеска № 10 из клада, найденного 30 мая 2005 года.

Рис. 160. Перстень № 7 из клада, найденного 30 мая 2005 года.

Рис. 161. Вскрытие подвала Западного флигеля завершено. Вид с юга (сентябрь 2005 года).

Рис. 162. Подвал Западного флигеля законсервирован. Вид с юго-запада (февраль 2006 года).

Рис. 163. Вид с северо-востока на компьютерный макет Замка по проекту его регенерации, созданный архитектором А.В. Башниным (сентябрь 2006 года).

Рис. 164. Логотип Замка (В.И. Кулаков).

Основная библиография Замка

- Бахтин А.П., Курпаков В.Ю., Замки и укрепления Немецкого Ордена в северной части Восточной Пруссии. Справочник, Калининград, 2005.
- Губин А.Б., Строкин В.Н., Крепости и замки Восточной Пруссии, Калининград, 2006.
- Гаузе Фр., Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингсхаузен, 1994.
- Кулаков В.И., Калининград. Памятники археологии // Каталог объектов культурного наследия Калининградской области, т. IV, Калининград, 2005.
- Овсянов А.П., В руинах старого замка, Калининград, 1998.
- Орлов А., Стороженко Е., О чём молчат подвалы «Блутгерихта», Калининград, 1992.
- Пётр из Дусбурга, Хроника земли Прусской, Москва, 1997.
- Boetticher A., Die Bau- und Kunstdenkmäler in Königsberg, Königsberg, 1897.
- Borchert Fr., Burgenland Preussen. Die Wehrbauten des Deutschen Ordens und ihre Geschichte, München-Wien, 1987.
- Dehio G., Gall E., Handbuch der Deutschen Kunstdenkmäler. Deutschordensland Preussen, München-Berlin, 1952.
- Franz W., Über Blütgericht in Königsberg, Leipzig-Berlin, 1938.
- Hoppe B., Auf den Trummern von Königsberg. Kaliningrad 1946-1970. Schriftenreihe der Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. 80, München, 2000.
- Lahrs Fr., Das Königsberger Schloss, Stuttgart, 1956.